

Ольга Овчинникова

**АВТОСТОПОМ ДО
АЛТАЙСКОГО ЯКА**

Ольга Овчинникова

Автостопом до алтайского яка

«Издательские решения»

Овчинникова О. Ю.

Автостопом до алтайского яка / О. Ю. Овчинникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836203-3

В основе этой книги лежит путешествие автостопом из-под г. Санкт-Петербурга до территории Горного Алтая. Эта книга про безусловную любовь и отношения между людьми, причины болезней и их исцеление, переписывание сценариев в настоящей и прошлых жизнях и, конечно же, про автостоп. Для очень узкого круга читателей. Содержит ненормативную лексику. Возрастное ограничение 18+. Автор фото на обложке: Александр Hunta <https://vk.com/hunta.mongol>; место <http://vk.com/goldcamel> Автор книги altai_yak@mail.ru

ISBN 978-5-44-836203-3

© Овчинникова О. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	76
Глава 12	84
Глава 13	95
Глава 14	102
Глава 15	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Автостопом до алтайского яка

Ольга Юрьевна Овчинникова

© Ольга Юрьевна Овчинникова, 2017

© Александр Валерьевич Hunta, фотографии, 2017

Корректор Людмила Владимировна Пругло

Корректор Любовь Сергеевна Мотина

ISBN 978-5-4483-6203-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лу посвящается.

Предисловие

Ну, здравствуй. Благодарю твоё Высшее Я за то, что ты сейчас читаешь эти буквы. Возможно, ты даже прочитаешь их все и ничего из этого не вынесешь, так что оставь свои ожидания на пороге. А, возможно, ты сможешь найти свой путь.

Приятного чтения!

Книга написалась сама, я только набрала текст. В её основе лежит путешествие автостопом из-под г. Санкт-Петербурга до территории Горного Алтая с 5 августа по 24 сентября 2015 года – это и вошло в основу сюжета. Здесь описан лишь мой личный опыт.

Роман основан на реальном путешествии, всё остальное – иллюзия. Почти все имена действующих лиц изменены. Любые совпадения – это просто совпадения¹.

Выражаю свою особую благодарность каждому, причастному к этой книге и, в особенности, тем, кто явился прообразом Джая.

Кое-кто утверждает, что эта книга должна жить. Да будет так.

«Наилучшим, наивысшим и комфортным образом. Это сделано, сделано, сделано, прояви это»².

¹ Для тех, кто верит в совпадения.

² Формулировка манифестации в ThetaHealing[®], автор методики Вианна Стайбл (прим. автора).

Глава 1

«Берегитесь обделённых любовью» (Джим Керри).

Мои глаза завязаны широким платком – снизу он почти закрывает нос, поэтому дышится с трудом. Узел на затылке, и я ощущаю, что платок вот-вот спадёт вниз: в таком виде меня, ведомую и послушную, кто-то привёл сюда.

Судя по птичьему пению и свежему тёплому воздуху – это лес, и сейчас лето. Я стою на коленях на прогретой тёплой земле, и связанные спереди руки лежат на низком пне: колено упирается в твёрдый шершавый корень, идущий от него, прохладная трава мягкая и щекотная. Я слышу, как со всех сторон разливаются многоголосьем птичьи трели – беззаботные, звонкие, чистые. Сквозь повязку ничего не видно, но мягкое тепло проникает отовсюду, – значит, солнце щедро прогревает окрестности.

Я задираю голову выше, и платок спадает с лица на шею. Яркий свет бьёт в глаза, отчего я на долю секунды зажмуриваюсь. Чёрный силуэт проступает сквозь это свечение, заслоняя от меня солнце, и тогда я становлюсь способной видеть.

Я вижу человека и топор, занесённый над моими руками. В следующую секунду в молниеносном движении он опускает его прямо на пень, где лежат мои руки – блеск лезвия мелькает перед глазами³.

Просыпаюсь.

Утро встречает меня очередным ночным кошмаром. Боль – сильная и оглушающая – пронизывает руки, тут же исчезает, и это что-то новенькое. Странное воплощение дурацкого сна... Надо собираться на работу. Будильник призывно пипикает, требуя внимания – мягко глушу его.

Вяло чищу зубы, стараясь не смотреться в зеркало. Утро добрым не бывает, так зачем ещё видеть это унылое отражение? Надо найти плюсы. Ну, конечно!

Это мужчина, которого я люблю. Он олицетворяет то самое равновесие, к которому я так стремлюсь. От мыслей о нём внутри появляется большое тёплое солнце, которое излучает в пространство свой мягкий жёлтый свет, и от этого я сама свечусь. Диафрагму распирает так, будто я беременная солнцем! Пытаюсь уговорить себя, что «эта игрушка не так уж и хороша, чтобы её хотеть», – одна из детских уловок, чтобы не плакать, что у кого-то это есть, а мне не досталось. Он может быть женат. Я боюсь спросить об этом, не хочу искать ни причин, ни недостатков, не хочу думать о дразгах или претензиях, а как будто сижу на склоне и с сумасшедшей весёлостью наблюдаю, как с горы катится мой снежный ком радости и восторга, всё набирая скорость.

Разумеется, это всё пройдёт.

А сейчас я просто хочу вжиматься своим лицом в его руки и благодарить, благодарить, благодарить... И излучать тепло и свет ему...

Так нельзя привыкать к людям.

Я думаю обо всём этом, шевеля зубной щёткой во рту и уже улыбаясь. Эта любовь и есть единственный плюс в моей жизни. А остальное...

Вот бы сегодня не было безнадёжных. Вот бы не было...

...На приём приходит девочка, с котом.

Кот худой, глаза текут. У него спутанная рыжая шерсть, плотный мочевого пузырь и сильная боль в животе. Температура ниже нормы. Диагноз: острая задержка мочи на фоне мочекаменной болезни, плюс махровый цистит, интоксикация и, само собой, шок.

³ По мотивам сказки «Безрукая девица» (прим. автора).

Ставлю катетер в вену: коту так плохо, что на мои манипуляции он никак не реагирует – просто лежит на боку и время от времени громко кричит дурным, беспощадным для слуха голосом.

Подключаю капельницу. Девочку отпускаю в холл.

Ситуация критическая: если кот сейчас не пописает, то острая почечная недостаточность ему обеспечена. Но, поскольку, уретра⁴ забита песком, ему придётся помочь – катетеризировать.

Зову на помощь коллегу Свету, даём коту лёгкий наркоз, он облизывается и засыпает. Пытаюсь ввести в уретру мочевого катетер – он ощутимо скрипит из-за крупного песка и проходит только на полсантиметра, утыкаясь в итоге в камешек: дальше уже не пробить. Света присоединяет к катетеру шприц с набранным физраствором, и мы пытаемся сдвинуть пробку струёй жидкости; потом – гель, но всё напрасно: не помогает даже смена катетера на более тонкий. Усугубляется всё тем, что из-за хронического воспаления уретра сужена. Отёк нарастает. Время идёт.

...В итоге откачиваем мочу через прокол брюшной стенки – моча застойная, с кровью, полная песка, который мотыляется в шприце подобно снегу в стеклянном новогоднем шаре.

Зову девочку. Она сообщает, что денег на спасение кота нет, и мама дала только: «Вот» – протягивает деньги. Этого не просто мало. Это едва ли может окупить расходные материалы. Кот обречён. Нужно разговаривать с мамой – она, как выясняется, медик.

– У Рыжика острая задержка мочи, – говорю я по телефону, в то время как девочка тихо плачет, обнимая просыпающегося кота. – Это чревато почечной недостаточностью и смертью в течение ближайших суток, если не произвести оперативную катетеризацию⁵ и уретростомию⁶.

После чего оглашаю стоимость операции.

– Усыпайте, – слышу по телефону.

История стара, как мир. Болезнь, требующая больших финансовых вложений, возникшая на фоне многолетнего кормления чем попало, и единственное, чего хотят хозяева таких пациентов – это усыпление. А ведь операция уретростомии не банальная.

Конечно, я смотрела видео и даже тренировалась на кадавере⁷, но кадавер – это не живой кот: ничего не кровит, мышцы вялые и не надо мониторить. И, уж конечно, исход таких тренировочных операций остаётся неизвестен.

Этот кот просто просится на операцию: он ещё не безнадёжен. Отправишь в другое место – там точно усыпят. Кот лежит на столе под тёплой капельницей. Девочка продолжает плакать.

– Свет, чего делать-то? Тут без операции – кирдык! – говорю я вполголоса коллеге, обходясь уже без умных терминов.

– Да я бы даже сказала другое слово... – флегматично поддакивает Света, отмечая на флаконе капельницы фломастером метку. – Однако, за чей счёт банкет?

Что означает: кто же согласится оперировать кота бесплатно?

Денег едва ли хватит, чтобы покрыть расходы, а решать надо быстро. К тому же наша смена через полчаса заканчивается...

– Значит так, – говорю я девочке, пытаюсь сдержать волнение. – Скажи маме, что мы прооперируем вашего Рыжика, но придётся оплатить хотя бы расходники. Потому что невоз-

⁴ Уретра – это мочеиспускательный канал, который соединяет мочевой пузырь с внешней средой (прим. автора).

⁵ Катетеризация – введение катетера в естественный канал или полость с диагностической или лечебной целью (прим. автора).

⁶ Уретростомия – операция по созданию уретростомы – дополнительного отверстия в уретре (прим. автора).

⁷ Кадавер (от англ. cadaver) – труп (прим. автора).

можно разрезать без скальпеля, зашить без ниток и катетеризировать без катетера. Полную сумму скажу позже, по факту. Всё понятно?

Девочка шмыгает носом и кивает головой. Про то, что это будет моя первая уретростомы на живом коте я умалчиваю – у него всё равно нет других шансов. Оформляю в журнал. Девочка уходит. Кот остаётся.

Капельничка перед операцией – самое оно...

– Ты какая-то странная в последнее время, – задумчиво замечает Света. – Не беременная, случайно? – и она нежно постукивает меня ладонью по животу.

– Да иди ты! – беззлобно отвечаю я, отталкивая её руку. Да, я беременная. Солнцем.

...Десять минут удушья и дыхания в маленький целлофановый пакет – так я волнуюсь, задыхаясь, словно хронический астматик. Пакет шумно сдувается и раздувается. Только не сейчас. Только не здесь, не на работе!

– Там котёнка принесли. Наверное, на усыпление, – говорит админ Лера, найдя меня на балконе со смятым пакетом в руке. Сижу, упёршись спиной в стену.

– Что с ним? – тяжело спрашиваю я, вкладывая в слова всю свою ненависть к необходимости усыпления животных.

– Парализованный он, – отрывисто отвечает Лера, и это звучит, как приговор.

– Иду, – устало киваю. – Зови.

...В кабинет заходит пожилая женщина маленького роста. Ставит на стол коробку, из глубины которой на меня смотрит маленький рыжий котёнок. Сегодня в клинике, похоже, день Рыжих Котов. Вид у котёнка относительно жизнерадостный: вернее, у передней его части, а вот задняя...

– Давно? – задаю дежурный вопрос, беря зажим для проверки глубокой болевой чувствительности.

Женщина откашливается и глухо произносит:

– Четыре месяца как... Собака... Схватила зубами за спину... Его зовут Боня.

Цепляю зажим за палец задней ноги: мне нужно, чтобы он матюгнулся, но Боня не реагирует никак. Плохо. Проверяю другие рефлексy. Мышцы на спине атрофированы – из-за этого кости таза выступают, словно у дистофика – и костяшки на пальцах протёрты до болячек. Наконец, выдаю вердикт:

– На ранних этапах могла бы помочь операция, но прошло слишком много времени.

– Мы делали... анализы, – волнуясь, говорит женщина и суетливо достаёт из узкого пакета целую пачку бумаг. Листок рентгеновского снимка грузно планирует и приземляется на пол.

Изучаю бумаги и снимок. Тихим голосом женщина говорит:

– Нам сказали... Что всё безнадежно. И что надо усыплять.

– Писает? – продолжаю спрашивать я, игнорируя крайнее сказанное ненавистное мне слово.

– Моча подтекает потихоньку, – отвечает женщина всё тем же глухим голосом.

Похоже, сегодня в клинике не просто День Рыжих Котов, а День Безнадежных Рыжих Котов.

Таких животных за границей усыпляют сразу – из гуманных соображений к владельцу животного. Именно к владельцу, потому что за таким животным, передняя часть которого вполне жизнеспособна и бодра, нужен особый уход, – четыре раза в день отводить мочу, надавливая на живот руками; переворачивать с боку на бок, чтобы не было пролежней; бесконечно мыть заднюю часть тела, которая пропитывается мочой и нарастает какашками, которые тоже валяются сами по себе и скапливаются огромным комком в спутанной под хвостом шерстью. А летом следить, чтобы мухи не отложили яйца, из которых вылупляются

голодные до плоти опарыши. Отвести мочу – грамотно нажать на мочевой пузырь так, чтобы опорожнить его – получается далеко не у всех.

Развитие спинальной походки – это единственная возможность реабилитировать такое животное: при этом задняя часть тела остаётся нечувствительной, но воссоздаётся аналогия ходьбы за счёт рефлексов и развития равновесия у животного.

Реабилитация трудная, часто безуспешная. Иглоукалывание, массаж, плавание, пассивные движения, длительные тренировки на равновесие. И не один месяц. Но часто, даже при должном уходе спинальникам остаётся только передвигаться в специальной коляске, в которую помещается задняя часть тела.

Все эти безнадёжные мысли пролетают в моей голове стремительной стаей. Сбивчиво озвучиваю их, налегая на основное: прогноз плохой.

К моему величайшему облегчению, женщина больше не говорит об усыплении, только грустно улыбается, складывая бумаги обратно в пакет – комкает, кладёт, как попало, руки дрожат – и уходит, прижимая к себе коробку с котёнком, так и не озвучив своего решения.

...В ночь выходят Дима и Оля, – я их обоих обожаю.

Остаюсь после смены, ибо другого времени для благотворительности нет. Ночью, как назло, идут люди. Суббота – такая суббота.

– Димыч... у меня тут кот... на уретростому. Но я сама его... – тут я судорожно сглаживаю, – прооперирую. Мне бы только кто на наркозе постоял.

Димка с лёгкостью соглашается и даже мастерски делает коту эпидуралку⁸ с нарпином, что даёт нам время и освобождает от укачивания пациента убийными дозами наркоза.

Мы с Димой на операции, Оля на приёме. У меня жуткий мандраж, но руки не трясутся: когда Дима рядом – я спокойна. Умеет же человек успокоить одним своим присутствием! К тому же он теоретически тоже знает технику операции, и про подробности и особенности: какие мышцы подрезать и что отпрепарировать, чтобы не было рецидива и заращения стомы⁹.

Аккуратно оперирую. Звонко плавают мониторы. Димка дозирует наркоз и молчит. Кот лежит отлично.

Проникаю в широкую часть уретры: здесь уже должен проходить толстый собачий катетер, но и кошачий не идёт – забито конкретно. Выгребаю ложечкой кучки песка, как из микропесочницы, откровенно матерясь. Несмотря на это ничего не получается – катетер не проходит, и я рискую порвать им уретру.

Смотрю в отчаянии на Диму, он спокойно говорит:

– Так, ладно. Брось ты это дело. Расширяй поле, пойдём со стороны мочевого.

Цистотомия¹⁰. К такому, что называется, жизнь меня не готовила. Через брюшную полость извлекается мочевой пузырь, делается разрез, и через него нужно попытаться провести катетер изнутри мочевого пузыря наружу, то есть ретроградно, не побоюсь этого слова. Видение процесса проплывает в моей голове туманом. Знания тоже – чисто теоретические.

Хорошо, хоть крови немного, что даёт коту шансы.

Закрываю салфеткой недоделанную стому, расширяю операционное поле на животе, делая доступ к мочевому пузырю. Разрезаю кожу – там сплошной жир: если у кота и сохранился где-то жир, то именно на этом месте – внизу живота, и он мешает. Удаляю излишки, иначе не добраться до белой линии живота. Кровит. Накладываю зажимы.

⁸ Эпидуралка (сленг. от – эпидуральная анестезия) – обезболивание, при котором обезболивающие препараты вводятся в эпидуральное пространство позвоночника.

⁹ Стома (сленг. от – уретростома) – искусственно созданное дополнительное отверстие в уретре.

¹⁰ Цистотомия (от греч. *cystis* – мочевой пузырь и *tome* – разрезание) – хирургическое вмешательство, заключающееся в рассечении стенки мочевого пузыря для выполнения на нём различных операций (прим. автора).

Аккуратно разрезаю брюшную стенку, чтобы не задеть выпирающий изнутри мочево- Дима предупреждает об этом, но я помню и так. Благодарна ему за комментарии. Наконец, наружу извлекается мочево-й пузырь – он ненормально бордовый и плотный, с толстой воспалённой стенкой. Цепляю его на две лигатуры с зажимами, вывернув наружу.

– Ишь ты, всё по науке делаешь, – смеётся Дима.

Так... Говорят, нельзя резать мочево-й с вентральной стороны – спайки...

Разрезаю мышечную стенку с дорсальной, пытаемся откачать мочу, обложив мочево-й горой салфеток, но всё равно после разреза моча льётся фонтанчиком наружу, едва успеваю направить его подальше от операционной раны.

Провожу катетер через разрез в мочево-м пузыре в сторону уретры – не идёт. Изменяю угол наклона на более горизонтальный. Никак. Мощно забито песком. Дима пытается промыть физраствором – но мочево-й наполняется, а в уретру жидкость не идёт. Других вариантов нет: или попытаться катетеризировать его снова и снова, или усыплить.

Дима аккуратно вращает катетер, а я пытаюсь нащупать его со стороны будущей стомы пальцами – вот он, практически на выходе, но – не идёт. Маленьким пинцетиком опять выгребаю песок, пытаюсь не травмировать уретру. Пробуем снова: физраствор не идёт. Громко и отчаянно матерюсь. По спине течёт холодный пот.

Наконец, мы решаем попытаться катетеризировать его ещё раз со стороны будущей стомы. Я беру катетер в руку и умоляюще говорю, едва не плача:

– Господи, пожалуйста, помоги мне...

Под давлением, вращая катетер, закусив обе губы в преддверии приближающейся истерики я веду его, надеясь на то, что не прободяжу сейчас уретру куда-нибудь в бок, в рыхлую клетчатку тазовой полости или, ещё хуже, в самую тазовую полость. С огромным трудом, но катетер куда-то продвигается.

– Стой, – говорит Дима.

В ушах шумит, и я его не слышу.

– Да стой! – говорит он уже громче.

В ужасе останавливаюсь. Что? Получилось? Вижу, что из разреза в мочево-м пузыре торчит кончик катетера. Ура. Ура, ура, ура. Я чуть не падаю, обессиленная. Мы сделали это!

– А-а-а! Мы сделали это! – тихо, но эмоционально кричу Диме.

– Всё, зашивай мочево-й, – предвосхищает моё падение Дима: видимо, я жутко торможу, раз он пошагово говорит, что и за чем мне нужно делать.

Беру шовник, зашиваю мочево-й маленькими узловатыми швами. Дима за непрерывный, но я видела и такой вариант: мне он кажется более надёжным. Проверяем герметичность, через шприц наполняя мочево-й физраствором. Не сифонит. Довольны.

Подшиваю ко швам внутренний жирок, чтобы мочево-й не прирос, куда не надо. Обмываем его физраствором снаружи, погружаем внутрь и в этот момент в моей голове звучит:

– Он женат.

От неожиданности я вздрагиваю и едва не роняю иглодержатель. Дима смотрит на монитор, а я – на него. Поворачиваю голову вправо и вижу Джая: так зовут моего Ангела. По виду – обычный парень, брюнет, выше среднего роста, с суточной щетиной на щеках и ярко-голубыми весёлыми глазами. Одет в белую льняную рубашу с такими же широкими штанами, и ещё Он очень харизматичен. За спиной – два белых крыла, без которых Его с лёгкостью можно было бы принять за обычного человека. Расслабленно сидит на полу операционной, оперевшись спиной с крыльями в стену, и отвлекает меня!

– Димон-то? Ясен пень, он женат, – мысленно отвечаю Джая. – Я знаю это, не отвлекай!

Мне бы сосредоточиться...

– Я не про Диму говорю, – поясняет Джая серьёзным голосом, глядя на меня снизу-вверх и не моргая.

Он говорит про мужчину, который недавно появился в моей жизни и раскрасил её яркими красками. Сейчас! Во время сложнейшей операции!

– И, да! Ты делаешь целых две сложнейших операции: уретростому и цистотомии, – кивает Джая, соглашаясь. – Просто запомни это.

Не знаю, что и отвечать. Из ступора меня выводит Димка:

– Давай я брюшную зашью, а ты стому делай, – он обрабатывает руки и надевает стерильные перчатки.

Видимо, я действительно зависла. Вручаю ему зажим, а сама переключаюсь ниже, чтобы соединить микроскопическими шовчиками слизистую оболочку уретры и кожу. Тут нужен шовник, который не рассасывается. Третий... Четвёртый... Пятый шов... Дима заканчивает шить брюшную.

– Димыч, – констатирую неизбежное. – У меня сейчас истерика... начнётся...

На что он спокойно говорит:

– Подожди, зашей сначала, – и поглядывает на приборы: кот стабилен.

Цитирую его фразу своей психике, она соглашается подождать. Сжимаюсь внутри ещё больше, умоляя себя подождать до конца операции.

Этот ад длится уже три часа. Шью. Инструменты микроскопические, нитки тонкие, – работа ювелирная. Чем дальше шью, тем лучше и быстрее получается.

Наконец, стома готова. Извлекаю катетер, аккуратно провожу внутрь тонкую трубочку – она не даст стоме зарости, пока срастаются швы. Подшиваю её к коже живота, чтобы не вывалилась. Промываем мочевой ещё раз: жидкость вливается внутрь, затем выливается наружу: всё функционирует, как надо. Разгибаюсь...

Джая уже нет. Там, где Он сидел – пусто, только на полу лежит пара больших белых перьев.

Поздний вечер. Рыжику надет воротник и памперс, докапана капельница. Кладу его в бокс, в тепло, где он постепенно приходит в себя. Пишу назначение, преисполненное восклицательных знаков, про промывание мочевого, капельницы и снятие швов. Пока я пишу, ребята отмывают операционную и инструменты, хотя вовсе не обязаны этого делать.

Заглядываю к ним:

– Спасибо вам, ребят... Дим...

Димка отвечает стандартной фразой всех скромняг-анестезиологов:

– А я чо? Я ничо. Только пофол¹¹ добавлял.

...Звоню в такси. Девушка-диспетчер решает, что я пьяна: такой у меня голос а-ля «мномномно».

– Куда поедет-то, девушка? – снисходительно спрашивает она.

Говорю адрес тем же жёванным голосом.

Водитель приезжает через пять минут, настороженно смотрит на меня, наклонив голову и наморщив лоб. Сажусь назад. Едем по ночному городу.

– Он женат, – напоминает мне Джая и уточняет, – и я сейчас не про водителя такси.

Честный и прямолинейный, как никогда, Он сидит рядом и тихо шуршит крыльями за спиной, устраиваясь удобнее.

– Нет. Этого не может быть, – сопротивляюсь я, чувствуя во рту металлический, словно у крови, вкус правды.

– Сыну десять лет, – Джая, как будто разговаривает сам с собой. Простые слова складываются в жестокие фразы.

– Прекрати! Прекрати же! Перестань! – зажимаю уши руками. Хочется Его ударить.

¹¹ Пофол, он же пропофол – короткодействующее, предназначенное для внутривенного введения, снотворное средство (прим. автора).

– Спроси сама, – заключает приговор Джая и вдруг детским, едва поставленным голосом, начинает петь песню: – «Зореньки краше и солнца милей та, что зовётся мамой моей»...

– О, боже, только не это! – Он намекает на то, что я рискую разрушить чужую семью и сделать несчастным их ребёнка!

Водитель такси настороженно поглядывает на меня в зеркало заднего вида. Весь диалог происходит у меня в голове, но от этого не легче.

– «Мамочка, милая, мама моя, как хорошо, что ты есть у меня!» – продолжает Джая тем же детским голосом.

– Замолчи! Замолчи! Я спрошу его, спрошу, только замолчи!

Он замолкает и оставляет меня, исчезая.

– Куда едем-то? – раздаётся настороженный голос таксиста.

Называю адрес.

Сейчас слишком поздно звонить, но я набираю нужный номер. Как же это... Как же... Наконец, дозваниваюсь.

– Алло... Скажите, пожалуйста, Вы женаты? Это правда? – спрашиваю, даже забыв поздороваться.

– Здравствуйте. Да, это правда, – просто отвечает тот, кому я звоню. Говорит так, как будто по-другому и быть не могло.

– Вы женаты, да? – в громком отчаянии спрашиваю я ещё раз, как будто одного раза недостаточно. Я не верю. Я просто ослышалась.

Таксист вздрагивает и пугается, как будто вопрос задан ему. Из телефона раздаётся короткое:

– Да.

С этим коротким словом чёрным мраком на меня обрушивается темнота. В одну сотую доли секунды, словно от нейтронной бомбы, в моём мире умирают все реки, все леса, вся трава, – всё, и эту смерть вызывает всего лишь наличие другой женщины, которая даже не подозревает о том, что способна вызвать подобное одним своим статусом жены.

Я оказываюсь глубоко под водой, с заложенными наглухо ушами, потерянная к любому проявлению со стороны. Мозг оглушён – на этой давящей глубине нет ни одной мысли, ни слова. Словно выжженное от горизонта до горизонта чёрное поле внутри моего мира, внутри меня.

Вся моя вера во Вселенную, в то, что будет и у меня пироженка с ягодкой, а не одни чёрствые печенки, погрызанные мышами, – всё это огромным небоскрёбом обрушивается вниз, осев тучей пыли: разочарование настолько глобальное, что даже мысль о смерти не кажется оптимальной. Это похоже на нож, воткнутый между лопаток, прямо в Анахату¹². Как будто я бежала по цветущему лугу и на полной скорости, подвернув лодыжку, в полёте провалилась в глубокую яму, на дне которой торчат ржавые колья.

Моя вера убита навсегда. Ошибиться более жестоко было невозможно. Несмотря на ночь, темнота вокруг сгущается ещё больше. Фонари вдоль дороги едва освещают мой ад слабыми мелькающими огнями.

Между тем, в телефоне я продолжаю слышать:

– Надеюсь, наше общение не прошло даром. Здоровья и удачи.

Ненавижу это слово: «Удачи». Какой ещё, на хрен, «удачи»?

– Я только хотел Вам помочь, – объясняется он, как будто медленно прокручивая нож между моих лопаток. По часовой стрелке. – Ничего быть не могло.

– Вы мне очень помогли. Однозначно, – замечаю я дохлым голосом, и это истинная правда.

¹² Анахата – сердечная чакра (прим. автора).

Глубокий вдо-о-ох! Воздух застревает где-то посередине грудной клетки, уткнувшись в Анахату. Понимаю, что сейчас задохнусь.

– Благодарю за понимание, – говорит в это время он и вешает трубку.

Тупо смотрю на телефон, всё ещё из глубины океанской впадины и в предвкушении близкого удушья сиплю водителю:

– Остановите... здесь...

– Ладно, – с облегчением громогласно отвечает таксист, притормаживая у обочины. Отпускаю его.

...Всё зря. И я, зря. Иду по обочине скоростной трассы. Наконец-то прорываются слёзы. Мне нужно лекарство от душевной боли, а, точнее говоря, от безнадёжной любви и своей врачебной несостоятельности.

Влепив руку в лицо, я плачу и плачу, слёзы просачиваются сквозь пальцы, бегут обжигающим, словно кипятком, потоком, и это отчаяние хуже смерти. Сверху ярким белым пятном светит Луна, и от этого сгущённая ночь только чернее. Носовой платок быстро превращается в мокрую тряпку.

Потом я рыдаю в полный голос, зажав рот ладонью, со всхлипами, с подвываниями, в полный отчаяния голос. Этим и хороши автострады – можно вдоволь наораться, встать.

К утру слёзы окончательно заканчиваются.

Глава 2

Мы уже в аду.

...Люди умеют летать, только сверху вниз и недолго.

Далеко внизу едва двигаются микроскопические точки людей, и по ровной полосе дороги медленно едут маленькие машинки: на эту высоту не залетают даже птицы. Я вижу их внизу, парящими в городских изобильных термиках¹³. Пытаюсь сделать вдох, но воздух на такой высоте разрежен – это гигантский небоскрёб. Дышать тяжело, в ушах шумит море, и из носа тонкой струйкой внезапно прорывается кровь, капая вниз и окрашивая сочными кляксами серебристую кровлю крыши. Высота оглушает открытым пространством, зовёт и манит призывным магнитом вниз.

Моё состояние похоже на незащищённое, живое существо, наподобие той доверчивой, ни о чём не подозревающей собаки, в которую из-за угла уже целится полицейский, ответственный за отлов и отстрел собак.

Прямо в затылок. Палец на курке напряжён.

Край. Здесь нет иллюзий. Они были у меня: мечты о деревянном доме из бруса, о тёплых вечерах в кругу семьи, о солнце, которое заглядывает в окна по утрам, о любимом мужчине, который заботится обо мне, о долгой и счастливой жизни. И, наконец, о предназначении, которое случается. Не случилось. Бывает. И линия жизни рвётся, уже вот-вот.

Как честно стоять на этом краю, без иллюзий... И ветер такой сегодня... сильный.

Этот женатый мужчина... он соврал. Линия рвётся, и он это увидел, читая мою руку, просто сказал своим неуверенным голосом иное. Я разглядываю ладонь, маяча на краю крыши и отчётливо вижу, что именно сегодня – тот самый день. Осталось закрыть глаза и решиться, потому что больше нет иллюзий относительно будущего, а в настоящем жить незачем. Меня предал не мужчина. Меня предал сам Бог в его лице.

Шум улицы перекрывается звуком высотного свистящего ветра и гулом в ушах. Задирая голову вверх – глотаемая кровь отдаёт металлическим привкусом. Свинцовые, беременные тоннами воды тучи толкаются наверху в ожидании неизбежного разрешения. Порывы бушующего ветра усиливаются, полуоторвавшиеся оцинкованные листы громяхают, хлопая по крыше.

Надо просто закрыть глаза и «случайно» потерять равновесие. Никаких больше писем или надежд. Краем глаза замечаю Джая, который сидит на краю крыши, свесив ноги вниз, за перила: штормовой ветер треплет перья на вжатых в спину крыльях. Вид философский и трагический одновременно.

– Ты здесь зачем? – спрашиваю, с ударением вытолкнув слово «Ты». Меня смущает Его присутствие, пусть даже это мой Ангел Джая.

– Жду, чо, – отвечает Он немного грубовато. – Прыгай уже. Холодно тут.

– Прыгать?

– А разве не за этим ты здесь? – отвечает Он вопросом на вопрос: у меня научился, не иначе.

– А Ты не мог бы... э-э-э... свалить?

– Неа, – Он отворачивается, и по Его лицу, кажется, пробегают гримасы. Шмыгает носом, покорно опустив голову – от этого плечи торчат беззащитными худыми столбиками кверху. Обеими руками Джая держится за перила, сведя ладони вместе, словно беззащитный ребёнок. Ангелы тоже бывают уязвимы.

¹³ Термик – восходящий поток тёплого воздуха (прим. автора).

Ветер продувает меня насквозь, треплет широкий разноцветный платок на шее, трепещет им и хлопая в воздухе, словно крылом огромной птицы. Перила, за которые я держусь, качаются, словно зубы у старого йорка.

– И куда Ты потом? – участливо спрашиваю у Джая.

– Судить будут: не справился с работой, бла-бла-бла... – изрекает Он, безуспешно пытаюсь казаться спокойным.

Мне нужно чтобы кто-то просто выслушал. И всё. Только это. Эту историю. Чтобы кто-то со стороны посмотрел и сказал: «Да, охренеть просто!» или что-то подобное, не знаю...

– Да охренеть просто! – меланхолично, без интонации замечает Джая, глядя прямо перед собой. – Почему ты убиваешь себя только потому, что какой-то женатый мужчина повёл себя как типичный женатый мужчина?

– Он тут не при чём даже как бы, – я включаюсь в разговор. – Разочарование в Любви – это куда страшнее, глобальнее, что ли. Это всё, во что я верила. Это всё, понимаешь? Всё, во что я верила, – все мужчины, в которых я верила; всё мироустройство, в которое я верила; это я, в которую я верила; это Вселенная, которая, как казалось, никогда не сделает мне больно; это Любовь, в которую я верила. Нет выхода! Отсюда никому никуда нет выхода! Даже там, – и я показываю пальцем на небо, – нет его. Как в закрытой наглухо стеклянной банке. Даже если умереть. Даже если продолжать делать вид, что живёшь... и дышишь... и ешь! Продолжать тешить себя иллюзиями? Самообманом? Неужели это не очевидно? Это ясно, как белый день! То, что линия рвётся!

Кричу в полный голос, перекрывая шум ветра. Широкий платок на секунду накрывает мою голову, затем срывается с шеи и улетает вниз огромной парящей птицей – это привлекает зрителей. Словно по чьей-то отмашке огромным потоком с неба срывается ливень, и платок пролетает остаток пути, избиваемый тяжёлыми каплями воды.

– Красиво полетел, – замечает Джая, ёжась, не особо впечатлённый моей речью.

Далеко внизу точки людей начинают кучковаться: не понимаю, как меня можно было заметить на такой высоте. Наверное, кто-то даже снимает на телефон в надежде на потрясный видос. «Жесть, пацаны, смотреть до конца». Стоят, несмотря на ливень. Размазываю кровь по лицу, пытаюсь вытереть нос: она бесконечна.

Зрители раздражают. Надо с другого края крыши, без них, без этой суеты.

Под бушующим наверху ветром перехожу на другую сторону крыши – благо, она плоская – и быстро перелезаю через ограждение на самый край. Перила очень холодные, пальцы коченеют.

– Уверена? – настороженно спрашивает Джая, следуя рядом.

Я вздрагиваю:

– Ты ещё здесь?

– Угу, – угрюмо замечает Он.

– Уйди, – говорю я, поливаемая стеной дождя. Капли воды врываются в тело острыми обжигающими иглами, пальцы рук теряют чувствительность.

– Показать, куда попадёшь потом? – вместо ответа предлагает Джая.

– Ладно. Давай. Только быстро, – соглашаюсь я. Терять-то нечего.

Свет в моей голове мгновенно гаснет.

Прихожу в себя в яме: она глубокая и узкая. Чёрная земля на стенах торчит грубыми острыми кусками, но самый кошмар заключается не в этом. Я опускаю глаза и понимаю, что стою по пояс в кишасей массе из опарышей: сплошной шевелящейся массой они копошатся вокруг меня. На дне личинки превращаются в чвакающую мерзкую кашу, раздавленную весом своих же сородичей.

В панике подношу руку ко рту и тут же понимаю, что по тыльной стороне ладони тоже ползают, щекоча кожу, несколько личинок. Они сожрут меня заживо – это дело времени.

От ужаса не могу даже кричать, только мгновенно покрываюсь омерзительными крупными мурашками.

– Ничо так, да? – раздаётся в моей голове голос Джая. – Живенько... Креативные милаффы...

– Верни меня назад, – сдавленно говорю я вслух.

Свет опять гаснет.

Оказываюсь всё там же, за гранью перил, на крыше; холодный дождь продолжает лить стеной. Ощущение копошащихся червяков не покидает меня: пытаюсь стряхнуть их свободной рукой.

– Почему Ты сразу не сказал? – кричу я обрывисто, на грани удушья.

– Надеюсь, «что у Вас хватит ума не совершать необдуманных поступков», – голосом того мужчины говорит Джая. – «Но Вы ведёте себя, как детский сад».

Да что ж это такое! Сколько можно обвинять меня в инфантильности!

В этот момент на телефон приходит сообщение. Самое время почитать очередную рассылку про услуги или скидки. Тысячу раз я читала подобный мусор, срываясь к телефону в ожидании сообщений от него. Это даже забавно: читать подобное сейчас, под проливным ливнем, на краю крыши, задыхаясь и только что побывав в яме, кишасей опарышами. Скидка – отличное, подходящее слово для этого случая.

Почему бы и нет? Прочту. Держась одной рукой за ледяные перила, другой достаю телефон из неглубокого кармана и читаю сообщение. Оно гласит: «Я ошибся в тебе. Прости меня».

...На экран телефона откуда-то сверху падает крупный белый опарыш и начинает извиваться. Он упал с моей головы? С головы? От ужаса я отбрасываю телефон – с громким стуком он ударяется о металлическую крышу, отскакивает и летит вниз. Неосознанно я отпускаю перила, двумя руками панически стряхиваю со своей головы виртуальных червей и неизбежно теряю равновесие. Ноги стремительно скользят на мокром козырьке крыши, громким визгом кричится:

– А-а-а! – и, взмахнув руками, я начинаю падать спиной вниз.

Время мгновенно останавливается: капли дождя застывают в воздухе в виде прозрачных шариков разного размера. Внезапно времени становится достаточно, чтобы разглядывать их бесконечно, и одновременно приходит понимание, что вот сейчас я падаю вниз и разобьюсь, и это неизбежно. Как бы я ни упала, но это – конец. Глубокое сожаление.

Быстрый удар приходится на спину и затылок, звёздная россыпь вспыхивает перед глазами, и свет гаснет.

Прихожу в себя уже дома, лёжа спиной на полу посреди комнаты. Спина и затылок взрываются острой болью, во рту – привкус крови. Что за...

...Похоже, Джая перенёс меня домой в момент падения?

На мне мокрая одежда, на полу лежит аккуратным квадратом сложенный цветастый платок, поверх которого покоится телефон. Целёхонький. Кошка в позе охотничьего сеттера с испуганным интересом нюхает его, изрядно вытянув шею. Вид у неё такой, будто что-то тяжёлое только что свалилось рядом. Вероятно, этим «что-то» была я.

Какое-то время лежу, отпуская резкую боль.

«Чтобы отвадить себя от неба, нужно хорошо приложиться к земле», – говаривал один мой друг-парапланерист. Он суеверно отвергал слово «последний», заменяя его на «крайний». Похоже, это падение было не последним, а крайним. Боль постепенно стихает.

Дотягиваюсь до телефона и перечитываю сообщение: оно без номера абонента. То есть абсолютно.

С кухни ароматно пахнет кофе и имбирём. Дрожа от холода, заворачиваюсь в шерстяной плед и иду на запах, потирая затылок. На кухне орудует Джая, гремит чайником.

– Да, привет, Джуди. Да ничего, трудимся помаленьку, – говорит Он с кем-то по телефону. – Отпуск? Всё шутишь, да? Рецидив у нас. Думаю про регрессию. Да, может и увидимся, кто знает? Может и до «пыщ-пыщ» дойдёт...

К моему появлению Он успел сварить кофе и разлить его по чашкам. Молча приземляюсь на табуретку, подтащив плед и поджав под себя ноги. Тихонько отпиваю кофе, приблизившись губами к чашке: терпкий привкус имбиря пробирает горячей волной.

– Пей, пей. Отогревайся, – усмехается Джая, словно заботливая добрая нянька. – На меня не смотри.

– Джая... От кого это сообщение? Здесь нет номера, – вытягиваю руку, показывая телефон. Мне нужен ответ.

Джая, сделав странное выражение лица, поспешно прячет свой телефон в перья на своих крыльях, сунув его себе куда-то через плечо, и в своём репертуаре быстренько «переводит стрелки»:

– Рассказывай, – говорит Он. – Что занесло тебя на крышу? – и это при том, что всегда прекрасно слышит все мои мысли.

– Ты знаешь... – нахохливаюсь, не дождавшись ответа на свой вопрос.

– А то, – отвечает Он, хмыкнув.

Да, было: я сидела на диване, поражённая Любовью, как громом среди ясного неба, когда Джая внезапно возник прямо у меня перед носом и спросил:

– Видеть, как всё проходит... слёзы, разочарование, боль. Уверена, что согласна?

– Да! Да! Да! Я согласна! – чуть не в голос завопила я тогда, будто отвечая священнику на вопрос про «согласна ли ты, раба Божья...» и далее по тексту.

Тот мужчина... Я так хотела быть с ним, ждать его, уставшего, с работы, сидя на табуретке и сложив руки на коленях. С порога забирать портфель и помогать снять пальто, молча улыбаясь. Творить атмосферу покоя и гармонии в этом пространстве. Поливать изобильно цветущий красными цветками гибискус на чистом светлом окне. Стелить белые широкие простыни, расправляя складочки. Любовно вытирать вилки новым вафельным полотенцем, задумчиво улыбаясь, и даже засыхающие капельки на кране. Я была бы согласна даже на капельки!

– Да ладно... – насмешливый голос Джая. – Я бы не стал делать на это ставки.

Ну да. С капельками – это я погорячилась, согласна. Но я могла бы печь лепёшки чапати из цельнозерновой муки, добавляя туда куркуму, имбирь или кунжут и замороженно наблюдать, как на каждой лепёшке во время выпекания растут большие пузыри.

В мои мысли снова врывается Джая. Он переспрашивает:

– Так что на этот раз?

– Карма, – коротко отвечаю я, глядя, как в чашке плавают маленькие кусочки кофейных зёрен и имея в виду линию жизни, которая рвётся. Он слышит мои мысли.

– Карма, карма... Заладили, – раздражённым голосом вечно недовольной уборщицы бурчит Джая, резко хватая меня за правую ладонь: – Дай сюда! – и поучительно говорит: – Оборвётся твоя линия жизни или нет – зависит только от тебя самой. Ясно?

Кротко киваю. Откуда-то из-под перьев Он извлекает красный толстый карандаш, старательно муслит его во рту и уверенно дорисовывает на ладони жирную ровную красную черту цвета крови. Она объединяет два разорванных участка. После чего, довольный, отпускает руку, а карандаш втыкает себе за ухо, действительно добавив:

– Будущее не высечено на камне, ясно? А руку не мочи. Хотя бы сутки.

– Ладно, – говорю я. – А чесать можно? – смотрю на свою ладонь изучающе.

– Чесать можно. Это, кстати, к новым знакомствам. Как раз то, что тебе надо, – и продолжает опять же чужим голосом: – «Вы должны поощрять в себе желание общаться, это очень важно, особенно сейчас».

...Своевременно, и не глядя в мою сторону, Он протягивает коробку с салфетками – одна из них торчит из дырки посередине, и я вытаскиваю её, вытягивая наружу половину следующей. Слезы и сопли не прекращаются. Молча мы пьём ароматный кофе. Мой Ангел грустен: Его голубые глаза отдают глубокой синевой цвета предгрозового неба.

Наконец, я мою чашки, отвернувшись к раковине и совершенно забыв, что руку мочить нельзя. Вспоминаю об этом потому, что ладонь начинает нестерпимо жечь, словно на неё плеснули концентратом перекиси.

Бросаю чашку: дорисованная линия горит сочным огнём, словно раскалённая докрасна проволока.

– О-ё-ё-ё-ёй, что это? Что? Мамочки, что это? – скребу и тру ладонь ногтями и пальцами.

Наконец, боль уходит. Смотрю на руку и вижу, что линия смылась без следа, будто и не бывало. Хлопая глазами, расстроенно поворачиваюсь к столу:

– Я забыла... – но Джая уже и след простыл, и только на поцарапанной от времени клеёнке стола лежит огрызок того карандаша. – Что же теперь делать? – спрашиваю я уже в пустоту.

Внутри головы раздаётся поучительный уставший голос:

– Что, что... – вздыхая, вещает Джая. – Съешь таблетку для памяти. Забыла она...

Тупым ножом кое-как затачиваю огрызок карандаша и терпеливо рисую линию жизни на ладони ещё раз. Левой рукой рисовать очень неудобно: она дрожит и не слушается. Тем не менее, у меня получается нарисовать её ещё раз, пусть криво, но всё же. Я справлюсь. Чёрт побери, я смогу пройти этот участок. Ведь чтобы пройти через ад нужно просто продолжать идти.

...Поздний вечер. На столе – бутылка красного вина, и уставший Джая сидит напротив: у него измождённый вид и взъерошенные, серые от пыли перья на крыльях. Мы болтаем и пьём: я – вино, Джая – безалкогольную Пина Коладу.

– Солнце, – мой Ангел опять обращается ко мне так: Он только что исчерпался, стандартно вправляя мозг словами «вопреки» и «ради», в попытке заставить меня жить: – В конце концов у тебя есть такой весомый аргумент, как кошка!

Аргумент с хонтовыми от старости глазами лежит у него на коленях, блаженно жмурясь и периодически шоркая лапой по шуршащим перьям, стоит только им показаться в зоне её досягаемости: в остальное время она делает вид, что спит.

– Он... Живёт в моей голове, – уныло говорю я про того самого мужчину. – И он ошибся во мне: я не настолько сильная, чтобы каждый раз переживать это разочарование собой.

Джая молча гладит меня по плечу, шмыгая носом – утешает, как умеет – другой рукой при этом параллельно и с тем же темпом глядя кошку.

– Я хочу не так уж и много! – почти кричу. – Любви!

– Любви, – поддакивает Джая, демонстрируя слушание, и достаёт из кармана огромный белый носовой платок, украшенный изысканными тонкими кружевами: бумажные салфетки закончились ещё вчера.

– Я завидовала сама себе, поверив в чудо, в самую вероятность его. А теперь что? У меня даже пустырника нет! – беру платок, погружаю в кружева красный распухший нос и смачно сморкаюсь. Аргумент про пустырник звучит как главная составляющая счастья.

В ответ на это Джая отпивает из своего бокала и отвечает:

– Есть в тебе что-то недобитое...

– Ещё он сказал, что в одиночестве человек сходит с ума, становится злым чудовищем и начинает слышать голоса, которых слушать не надо!

– Это факт, – улыбается Джая. – Не надо меня слушать. Не слушай меня! Не слушай, не слушай, не слушай меня!

Демонстративно кашлянув, Он патетически вещает:

– «Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами, улыбку уст, движение глаз ловить влюблёнными глазами»¹⁴!

О, нет, только не это!

Джая пропускает несколько строк, промышав что-то взамен, и завершает, добавив наигранных чувств:

– Желать обнять у Вас колени!

– Колени... – повторяю я. – Если кто и сведёт меня с ума, то это – Ты! – улыбаюсь и вытираю слёзы. – Объясни лучше, почему и на этот раз Вселенная не поняла мой запрос правильно?

– Сформулируй-ка ещё раз, – просит Джая, скрипуче очертив пальцем круг по краю своего стакана. После чего откидывается назад, внезапно очутившись в большом кожаном кресле психолога и, слегка наморщив лоб, внемлет.

– Я заказала, что хочу любить и быть любимой, – и я повторяю смачное сморкание в белоснежный платок.

– И? Ты и любишь, и любима. Что не так-то? – спрашивает Джая, невинно глядя мне прямо в глаза.

Да, есть мужчина, который безответно любит меня.

– Но это два совершенно разных человека! А не один! – громко возмущаюсь я, не забываясь о том, что сейчас ночь.

– Об этом не было сказано ни слова, заметь! – Ангел смотрит, как я прозреваю.

– Но это же... очевидно! – с возмущением говорю я.

– Для тебя, но не для Вселенной, – Он берёт трубочку, опускает её в свой коктейль и начинает громко булькать.

Я какое-то время тупо созерцаю свой стакан.

– Хорошо, – терпеливым голосом выдаю наконец. – Но как же с моим запросом о том, чтобы он был свободен? Почему он женат? Для меня это принципиально важно!

– Он транслирует свободу. Идеально подошёл, – буль-буль-буль...

Да нет, похоже, Вселенная иногда делает вид, что не расслышала...

– Правда состоит в том, – глухо говорю я, – что любить безболезненно невозможно, да? Вселенная устроена так, что только конфликты, только разница температур рождают движение. А движение – это и есть сама Жизнь. В понятие гармонии не включено поедание друг друга, физическая и душевная боль, голод и прочее. Я верила в то, что понимаю правила игры, в то, что у Вселенной есть и справедливость, и честность, и доброта... Нет, с нейтральностью она убьёт, причём в жестокой форме! С нейтральностью, безэмоционально она возродит новую жизнь! Просто! Потому! Что!

Зло хватаю сахарницу и кидаю её в кафельную стену: пока она летит, сахар белым веером расхлёстывается в воздухе, взметнувшись к самому потолку. С грохотом сахарница стучается об стену, падает на пол, но остаётся целой.

Не моргнув и глазом, Джая продолжает невозмутимо пускать пузыри в стакане. Кошка, даже не вздрогнув, блаженствует на Его коленях.

И тут я случайно бросаю взгляд на свои запястья и вижу глубокие шрамы, как будто я когда-то вскрывала себе вены, причём глубокими мощными разрезами. Вдоль и поперёк. О, фа-а-ак! Пялюсь на это круглыми глазами и замечаю ещё несколько на локтевых сгибах. Откуда? Пока я смотрю, бордовыми уродливыми линиями они проявляются всё ярче, после чего тускнеют и исчезают, как не бывало.

Джая замечает мои мысли и осторожно поясняет:

¹⁴ Пушкин А. С. «Евгений Онегин» (прим. автора).

– Твоя прошлая жизнь, – таким тоном, что понятно: подробностей не будет.

Выпиваю залпом вино, и морщусь: вкуса давно не осталось, только переживание едкого спирта. Ангел в свою очередь пьёт через трубочку, потихоньку опустошая свой стакан с Пина Коладой. Так и сидим.

– Я хочу понять одну простую вещь, – продолжаю как будто торговаться я, потирая руки там, где только что были шрамы. – Можно ли любить безболезненно?

– Не можно, а нужно. Показать? – сочувственно спрашивает и одновременно предлагает Джая.

– Да, давай.

– Глазакрой, – говорит Джая серьёзным голосом.

Закрываю. Жду. Мягкий серебристый ветер с розоватым отливом начинает спирально закручиваться вокруг меня, окутывает и постепенно усиливается. И вдруг я ощущаю себя внутри огромного столба из мощной энергии, наплывающей снизу и текущей вверх. Это похоже на перемещение неких частиц, как песчинок при песчаной буре, но в виде цилиндрического коридора, который ведёт на небо. Завораживающий поток мурашек настолько захватывает своим участием, что я перестаю дышать. Меня колотит, как от тока; трясёт так, словно я в аэродинамической трубе и коллайдере одновременно. Ощущения фантастические. Хочется быть в них вечно, но всё заканчивается так же внезапно, как и началось.

Открываю глаза. Ощущения божественные. Мне так хорошо, что хочется улыбаться и просто быть, – резкая метаморфоза.

– Лучше скажи мне, – вдруг замечает Джая, – почему ты пьёшь одна? Это признак алкоголизма, между прочим.

– Я же по чуть-чуть... – удивляюсь я. – И потом... Нас же двое!

– Уверена?

– А с кем я тогда разговариваю? С призраком, что ли?

Джая пожимает плечами и плавно растворяется в воздухе. Я вижу светло-зелёную штору, перед которой Он только что сидел. Кресло тоже исчезает. На табуретке продолжает сонно лежать кошка, мирно глядя свои кошачьи сны. Исчез, даже не потревожив её!

Затем Джая появляется вновь, кошка снова оказывается на Его коленях, и Он, глядя мне в лицо, констатирует:

– Не только пьёшь одна, но ещё и разговариваешь с призраками. Не порядок!

Не буду об этом думать. Мозг, выключенный вином, отказывается решать задачи.

– Пошли лучше потанцуем, – говорю, хватая Джая за руку, вполне, кстати, тёплую и ощутимую, и тащу танцевать. Он встаёт с табуретки так же деликатно, опять ничуть не потревожив кошку.

В воздухе начинает звучать «Lili was here». Некая красотка Лили, наверняка в красном, облегающем стройную фигуру платье с открытой спиной побывала там, а затем ушла, медленно и виртуозно двигая ягодицами. И теперь некто вдыхает запах её сладковатых ванильных духов, пребывая в светлой печали. «Лили была здесь».

Мы танцуем сальсу, топчась по крупинкам рассыпанного по полу сахара – Джая уверенно ведёт, с лёгкостью закручивая меня в разные стороны. Руки переплетаются и тут же распутываются обратно. Он просто ас. Откидываюсь назад, запрокинув голову, и знаю, что Джая удержит – на то Он и Ангел-хранитель. Танцует Он, вжав крылья, чтобы не задевать стены узкой кухни.

– Я ещё и петь могу, – замечает Джая, читая мои мысли. Я начинаю заразительно хохотать, закрыв глаза и запрокинув голову. – И ещё умею вязать белые шарфики. Спицами, – многогранным баритоном добавляет Он, мягко улыбаясь.

В итоге Лили уходит, а Джая в романтическом порыве подхватывает меня на руки и уносит в комнату, где мягко опускает на кровать, накрывает сверху пуховым одеялом, и я мгновенно засыпаю.

...Просыпаюсь утром от холода: скомканные одеяло и плед лежат на полу. Это был сон?

Босиком прихожу на кухню, волоча за собой плед. На столе – пустая бутылка и два стакана, тоже пустых. В одном из них – трубочка от коктейля. Пол кухни усыпан хрустящими сахарными крошками. На столе – белоснежный кружевной платок. На ладони красная линия, нарисованная карандашом. Значит, было.

В голове в глубоком отдалении раздаётся деловитый голос Джая:

– Готовься. Сегодня вечером устрою тебе... Регрессию...

– Чо? – переспрашиваю я, услышав незнакомое слово. Глаза упорно слипаются.

– Погружение в прошлые жизни, вот чо, – поясняет Он и дальше уже не отвечает ни на какие вопросы.

Глава 3

«Да почему як-то?» (Очередной удивлённый дальнобойщик).

Сижу, придавленная кошкой к дивану и читаю про то, почему покончила с собой Роза¹⁵. Роза – это женщина, мечтающая гулять в широкополой шикарной шляпе по Мичиган-авеню, изображая важную даму, – и она выходит замуж за фермера. Хорошенький деревенский домик, замечательный муж, замечательные дети, и всё вообще долгие годы замечательно, кроме одного: нет исполнения главной мечты.

И вот однажды она моет полы в доме, надевает свою лучшую шёлковую блузку, длинную юбку с пуговицами, и, конечно же, широкополую шляпу. После чего вставляет в рот дуло мужниного дробовика и нажимает на курок...

– Бах! – громким голосом раздаётся за ухом.

Подскакиваю на полметра вверх, захлопывая и роняя книгу.

– ... (*Проститутка*)¹⁶! – невольно вырывается из меня.

– Тоже рад тебя видеть, – улыбается во весь рот Джая: опять возник ниоткуда.

– Ты напугал меня! – откладываю книгу подальше, руки трясутся.

– Регрессия. Не забыла?

– Да помню. Но... это хотя бы безопасно? – хочу уточнить на всякий случай.

– Однозначно безопаснее, чем падение с крыши, – уверяет Он, потирая руки. – Наверное. Вот и проверим.

– Ты что, никогда не проводил этого раньше? – нервным голосом переспрашиваю я.

– Почему же? Много раз. Когда-нибудь даже научусь, – «утешает» меня Джая. Жгучий, прям, юморист. – И потом тебя надо познакомить с проводником.

– Проводник? Кто это? – всё больше округляю глаза я.

– Твоё тотемное животное. Тоже Ангел. Проводник в путешествиях по прошлым жизням. Надеюсь, ты веришь в реинкарнацию¹⁷?

– Да, – отвечаю Ему, нервно сглатывая. Во что угодно тут уже поверишь...

– Вот и чудненько, – и Джая бормочет себе под нос: – Хорошо, что вы, тётки, любите на себе всякие практики испытывать... – и Он нетерпеливо потирает белые узкие ладони друг о друга.

Эх, Роза, Роза... Рано или поздно каждый человек пытается наверстать что-то в жизни – то, чего ему не хватило к тому самому моменту «кризиса средних лет», когда реально начинает ехать крыша, если этого не восполнить. Вот дайте одному кругосветку на самокате, и хоть убей его! Должен поехать и совершить её, иначе жизнь прошла зря!

Вот боится кто-то тракторов. И он идёт, сдаёт на права, дует в деревню и садится на трактор!

Кому-то надо любовь испытать – «бес в ребро» или куда там ещё ниже пояса... Ударяются некоторые во все тяжкие, ибо чувствуют, что опаздывают на свою собственную жизнь, не испытав самое главное: любовь. А потом приползают обратно, к заплаканным бывшим жёнам, помятые и виноватые. Но я сейчас не об этом.

¹⁵ «Бегущая с волками», Кларисса Пинкола Эстес.

¹⁶ Здесь и далее курсивом выделено определение нецензурного слова, представленного в тексте многоточием (прим. автора).

¹⁷ Реинкарнация – в восточных религиях: учение о повторном воплощении души после смерти тела в другое существо; переселение душ (прим. автора).

Называется это состояние «Как же меня всё утомило», и, думаю, большинству оно знакомо. Хочется всё бросить – вот прям всё-всё – и уйти из дома за хлебом, с одной авоськой, чтобы никогда не вернуться обратно.

Но я всегда возвращаюсь, потому что дома ждёт кошка.

– Доверься, – говорит Джая, снимает с ноги горчиный носок, выворачивает его и вытряхивает сахарный песок, попутно шевеля пальцами ноги. – Будет страшно, но сегодня нужно кое-что перепрограммировать.

– Что именно? – я немного нервничаю, мягко говоря.

– Одну из твоих прошлых жизней.

Звучит «заманчиво».

– Джая, а... где Твои крылья? – с удивлением замечаю, что мой Ангел сегодня бескрыл.

– Крылья... Где же они... – Он почёсывает спину, закинув руку через плечо. – А надо?

– Но... Ты же... Ангел?

– Ангелы не похожи на людей, тем более, крылатых. Крылья и образ облегчают тебе восприятие, но и только.

– Но... – сопротивляюсь я, взмахивая руками и желая поспорить.

– Закрывай глаза и ложись на пол, – торопит Джая.

Подчиняюсь, тяжело вздыхая: опускаюсь пластом на пол, послушно закрываю глаза и пытаюсь успокоиться. Джая начинает руководить.

Дыхательные техники на расслабление.

Выход из физического тела, похожий на блуждание мысли: так же легко, как мысль выходит из головы, можно выйти из тела и подняться к потолку, например, или выше. Ещё выше. Назад, в прошлое, в одну из сотен когда-то прожитых жизней.

Я приближаюсь к земле из белого пространства, где бесконечность, пустота и неуютное одиночество, и вскоре начинаю различать землю и траву.

Мелькает изображение мужчины, довольно высокого и рослого, со средней аккуратной чёрной бородой. Он в раздумьях: «Пора или не пора забивать её на мясо? Солнце так сильно греет, мясо может и испортиться...» – думает он. Осознаю себя в чьём-то теле и понимаю, что он размышляет обо мне. Я... свинья? Вот это поворот!

Как меня можно съесть, я же всё чувствую и понимаю? И я слышу его мысли!

– Что видишь, проговаривай, – слышится голос Джая рядом со мной.

– Мужчину... Яркое солнце, зелёная трава наподобие газонной, корыто и высокий коричневый забор из длинных деревянных досок. Наверху доски забора заострены, образуют частокол. Он высоченный, этот забор! Мне страшно, ужасно страшно, слёзы... Я уже предчувствую, как меня убивают, расчленивают и превращают в мясо.

Плачу. Ситуация безнадёжная: сейчас меня убьют. Палящее солнце наполняет этот колодец жарой.

– Джая, почему я понимаю его мысли? – в панике хнычу я, ища поддержки. – Это ужасно!

– Опиши свой ужас, – просит Джая.

– Он вокруг, словно ещё одна оболочка. По ней волнами бегут искры, в виде непрерывных дорожек. Цвет от серебристого, будто это электрические молнии, до кумачового, наподобие костра.

– Представь в себе пробку, как в ванной. Выдерни её.

Представляю, и ужас утекает вниз подобно воде или вуалевой ткани, с воронкой и водоворотом. Так гораздо легче.

– Что там с забором? – спрашивает Джая невозмутимо.

– Он новый, коричневый и очень высокий.

И тогда Джая громким голосом командует мне:

– Метайся! Бейся об него! Ищи гнилые участки!
– Он но-о-овый! – в бессилии кричу я. – Это невозможно!
– Плохо прибиты доски! – кричит Джая. – Это твой мир! ТВОЙ МИР! В нём нет! Ничего! Невозможного!

И я начинаю панически бегать по забору, стучаюсь о стены, доски хрустят, но они грубые и крепкие. Это новые доски, свежепокрытые тёмной морилкой, и сломать их с первого раза трудно. Я бьюсь, застряв в заборе, как в западне.

Джая набирает воздуха в лёгкие и кричит мне прямо в ухо и в полный голос:

– БЕГИ! ВЫБИРАЙСЯ ОТТУДА!

Я пыхчу, кашляю, но доски держат крепко: протараниваю острыми краями отломанных досок глубокие раны в боку. Мне надо решиться – или я вырываюсь наружу посредством ран, или торчу тут, застряв в заборе. В итоге беспомощно плачу, обвиснув на досках:

– Я застряла.

– БЕГИ-И-И! – ещё громче кричит Джая. – Двигай ногами, продирайся!

И я делаю рывок, вырываюсь из этого пространства, из забора и бегу, спотыкаясь, прочь.

– Беги быстрее! – продолжает руководить Джая. – В безопасность! За границу безопасности! И ещё дальше границы безопасности! Ещё! Дальше!

Я не понимаю, как смогу выжить в диком лесу, переполненном хищниками, и просто бегу, – бегу вдоль леса, стремительно, довольно быстро и не зная куда. В конце концов изда- лека до меня доносится долгий голос Джая:

– Ищи тех, кто тебе бли-и-изо-о-ок.

И тут я выскакиваю на поляну, где прямо передо мной оказывается стадо диких кабанов. Завидев меня, они панически разбегаются в разные стороны, и звонким гулом по лесу разносится топот множества ног. Потом возвращаются и с любопытством исследуют моё появление. Знакомимся. Меня принимают в стадо.

...Возвращаюсь обратно, в настоящее.

Открываю глаза. Джая уже нет, только кошка, вытаращив глаза, нюхает носки зачёр- ного горчичного цвета, которые валяются рядом на крошках сахара. Я была свиньёй, заши- бись... Вот так регрессия...

– Завтра продолжим, – слышу в голове голос Ангела. – Переваривай пока. Немного поплющит.

...Дальше я живу будто в параллельном мире – как в театре, но в роли зрителя, – наблю- дая собственную жизнь. Нет прошлого, нет будущего, и всё происходит параллельно, с одно- временным проживанием миллиарда своих же жизней. Так утверждает Джая: и прошлые, и настоящие, и даже будущие жизни проживаются здесь и сейчас, именно в этот момент времени.

Весь день мне попадаются повторяющиеся цифры. Машины с номерами «111» и «555», или, например, «448» и «337». Люди демонстративно разглядывают меня в упор, проходя мимо, и даже обернувшись, я вижу их изучающие взгляды.

...Еду в газели, сидя рядом с водителем: я боюсь и машин, и перемен. Сейчас мне нужно хоть какое-то подтверждение от Вселенной, что я делаю правильный выбор. Любая поддержка. Хотя что-то. «Дорогая, – обращаюсь к Ней, – дай мне знак».

Тут же на дороге начинает твориться что-то странное: светофор загорается красным и одновременно мигает зелёным светом. Дорога многополосная. Тормозим.

Замечаю, что перед нами стоит машина с номером «555». Вдруг слева равняется с ней... ещё одна, с номером «555». И, не успев даже удивиться, вижу, как по самой край- ней полосе справа подъезжает и останавливается... третья машина с номером «555»! Три машины в ряд с одинаковыми номерами!

Кричу водителю:

– Смотрите!

Водитель тоже видит это немыслимое совпадение и радостно кричит:

– Ого! – быстро доставая телефон, чтобы сфотографировать, но светофор даёт уверенный зелёный, и сначала быстро уезжает машина слева, а потом в потоке теряются и две остальные.

...Назавтра Джая приходит снова.

– Сегодня вы, наконец, познакомьтесь, – и Он предвкушающе улыбается, надевая тёплые и чистые, с любовью постиранные мною носки. – Готова?

– Тотемное животное, да?

– Ага, – и Он расплывается в улыбке.

Закрываю глаза. Дышу. Джая расслабляет меня словами «внимание в кончиках пальцев», «в веках», «левая половина тела расслаблена» и прочее; при этом Он хрустко грызёт яблоко. Улыбаясь от такого проводника, обмякаю. Кошка уютно спит рядом, свернувшись в калач.

...Прямо передо мной течёт ручей, заросший местной осокой. Шагая с кочки на кочку, аккуратно перехожу его. Кочки плотные, похожи на пеньки.

Передо мной широкое пустынное поле. Высокая пожелтевшая и высохшая трава напоминает солому: она шуршит на ветру. Сверху плывут рваные белые облака и слепят глаза не хуже солнца. Чуть дальше – забор и деревянный, серый домик, похожий на охотничий. Вдалеке виднеется хвойный лес и горы с верхушками, слегка покрытыми снегом. Тайга. Вокруг тихо и спокойно.

– Туман, – слышу рядом голос Джая, смачно жующего яблоко. – И будь готова.

Да я прям пионер сегодня! Начинает сгущаться белый туман, прохладный и шелковистый на ощупь. Он густеет, густеет и вскоре я перестаю видеть дальше собственной руки: протягиваю её в белую молочную гущу воздуха, ощущая чьё-то присутствие. Он справа, и он огромный. Стоит и ровно дышит. Тянусь рукой, и пальцы натыкаются на жёсткую, длинную, густую, слегка спутанную шерсть. Из тумана показывается чёрный бок какого-то животного. Оно большое. Гораздо больше меня самой! Пытаюсь определить, кто это. Не медведь – агрессии нет. Животное продолжает спокойно стоять и звучно вдыхать и выдыхать воздух через огромные лёгкие.

Туман начинает постепенно расходиться, и из него вырисовывается большой спокойный чёрный як: вижу его умный внимательный карий глаз. Смотрит на меня, продолжая ровно дышать – мирный, спокойный – даётся гладить и распутывать пальцами свою густую, чуть свалявшуюся шерсть, космами покрывающую туловище. Глаз тёмный, не моргающий, очень мудрый и проницательный, в нём нет ни страха, ни лжи.

О, здравствуй, здравствуй, дружище! Родственный, дружелюбно настроенный Ангел-проводник... Запускаю пальцы в шерсть возле его левой лопатки, и он начинает осторожно идти, увлекая меня вперёд. Это так мощно и сильно – такая поддержка – что страх пропадает. Я готова идти, доверившись своему тотемному животному, и чувствую его Силу и поддержку. Окончательно успокаиваюсь. Идём.

– Десять... девять... – считает Джая от десяти до нуля.

На цифре «ноль» впадаю в какое-то оцепенение, похожее на гипноз. Туман опять сгущается, и як пропадает в нём, растворяясь.

Открываю глаза.

Джая жуёт палочку от яблока.

– Джая... Как мне увидеть яка вживую? – в потрясении от нового знакомства спрашиваю Его, приподнявшись на локте.

– Яки... Дикие яки живут довольно далеко отсюда, – размеренно отвечает Он, внимательно глядя на меня. – Это на границе с Монголией, там, где Горный Алтай. Четыре с половиной тысячи километров отсюда и на высоте от двух километров и выше над уровнем моря.

Это так далеко... И так высоко...

Кошка продолжает невозмутимо дрыхнуть.

Як становится для меня символом завершения чего-то важного в жизни, а заодно и целью путешествия. Хотя любое путешествие совершается ради процесса, а не ради цели.

– Знаешь, что? – задумчиво произносит Джая, меняя тему. – Тебе нельзя столько пить.

– Я мало пью! – отмахиваюсь от Него, созерцая несколько пустых бутылок из-под вина, стоящих вдоль стены и ещё несколько – под столом. И в своё оправдание: – Они давно тут стоят!

– Ну да, ну да. Целых три дня, – Джая задумчиво констатирует сухие факты, жуя палочку от яблока.

Глава 4

«А не страшно?» (Каждый первый встречный).

– Отвезёте меня на дорогу? – прошу я соседа Игоря невинным голосом: он только что вернулся с улицы и разувается в прихожей. Мои слова слышит его жена Лена, и в этот же момент раздаётся звонок в дверь – заходит наша общая подруга, соседка Маша.

– Ты слышала? – встревожено спрашивает её Лена.

– Что? – Маша пропустила мою фразу. Я в это время глупо хихикаю, впадая в детство – это от волнения.

– Зачем тебе на дорогу? – спрашивает Игорь.

– Я поеду путешествовать автостопом, по России, – отвечаю я правдой, которая звучит глупо и легкомысленно.

Все участники разговора смотрят на меня, ожидая объяснения или хотя бы справки из психбольницы. А лучше и того, и другого, но ничего из этого у меня нет.

– Завещание написала? – наконец комментирует эту фразу проникательная Маша.

– Страховку оформила? – вторит ей Лена требовательно-тревожным голосом, а я продолжаю звонко хихикать: дурацкая привычка.

– Куда тебя отвезти-то? – пытается уточнить и заодно оценить характер опасности сосед, стоя в одном ботинке.

Меняю стратегию:

– Мне надо на дорогу, которая ведёт на Опочку: там Духова Гора, место Силы. Хочу её посмотреть! – выпаливаю с честными глазами.

Редко кому удаётся понять: шучу я или нет. Про Алтай я не говорю ещё и потому, что он кажется мне не ближе Луны. Да дальше, дальше! Вряд ли я смогу туда добраться даже за ближайшую пятилетку. Это – цель ради ориентира.

– А-а-а! Опочка! – сосед кивает головой. – Это ж совсем близко отсюда!

– Ну да! – я согласно поддакиваю.

– Конешн отвезу! Когда? – отвечает он, наклоняясь и снимая второй ботинок.

Ура. Ура, ура, ура.

– Послезавтра, – уф... Кажись, прокатило... – А за котькой моей присмотрите? – продолжаю публично подлизываться я.

– Разумеется! – сосед рад, не говоря уже обо мне: пристроить кошку было моей основной задачей.

Внутренне облегчённо вздыхаю. Договариваемся на послезавтра, утро, и я молниеносно линияю за дверь, чтобы никто не передумал. Обе соседки, кажется, в шоке. Если я скажу, что еду на Алтай исключительно ради живого яка, меня точно сочтут ненормальной. Сарлык даже, а не як: так называется он на Алтае.

Итак... послезавтра! И теперь надо успевать. Собираю вещи по давно написанному списку – их уже гора, и она ещё не содержит главное: спальник, палатку, сублиматы и, собственно, сам рюкзак, куда всё это должно уместиться, – всё это я заберу завтра в городе. Плюс, ладно, так и быть, оформлю страховку. Надо ещё докупить продуктов и налить воду в бутылку.

Я планирую ехать автостопом. Впервые.

Что же я беру с собой...

Так... Фотоаппарат, дополнительный аккумулятор, карта памяти – это святое.

Два телефона. Один держит зарядку, а со второго можно выходить в интернет: его мне дала встревоженная подруга Таня:

– С ума сошла? Ты хоть в интернет иногда выходи... В кафешках, на заправках же есть wi-fi...

– ... Как выходить-то? – кручу в руках смартфон, держа его вверх ногами.

– Разберёшься. Фоткай номера машин, в которые садишься и сразу мне высылай.

Бесценная моя Танюшка.

Так, дальше... Продукты. Сублиматы, которые включают курицу с гречкой, рисом, картофельным пюре и просто куриное мясо. Плюсы их в том, что они лёгкие, долго хранятся и быстро готовятся: залитый кипятком субlimат за пять минут распухает в три раза, превращаясь с приемлемую и почти домашнюю пищу. Минусы, разумеется, в стоимости и в том, что кипяток всё-таки нужен.

Посуда. Пластмассовая пиала, кастрюлька, бутылка на 1,5 литра. Говорят, на Алтае проблем с водой нет. Некоторые люди берут с собой фильтр для очищения воды. Я же надеюсь обойтись опробованной версией: кучей активированного угля и марганцовкой.

Средства гигиены. Зубная щётка, пробник с зубной пастой, бактерицидные салфетки, антибактериальное мыло в виде обмылка, туалетная бумага, шампуни-пробники, гребешок, перчатка-мочалка, гигиеническая помада, крем для рук, бритвенный станок. Вместо полотенца беру футболку.

Аптечка. Куча лекарств, эластичные бинты, выкручиватель клещей, антибактериальные салфетки. Вытряхиваю все таблетки из коробок, чтобы уменьшить вес, складываю их в пакет и взвешиваю в руке... Ох... Мои потенциальные болячки весят слишком много!

Набор для выживания. Рыболовные крючки и леска, береста, спички в гермоупаковке, зажигалка, маленький скотч, бельевая резинка, верёвка 10 метров, нитки с иглой, булавки, четыре прищепки, большой мусорный пакет на 120 л, несколько пакетов с ручками, маленький клей-момент, чёрный перманентный маркер.

Фонарик. Маленький, велосипедный, в силиконовом корпусе... Хорошо бы налобный, но искать некогда. Батарейка к нему.

Одежда... Так, что тут у нас... Две футболки, два бадлона, трусы, два комплекта термобелья, флисовая куртка, широкий шарф из верблюжьей шерсти, две пары х/б носков, парео (и как юбка, и на голову от солнца), перчатки с пупырьками, тёплая шапка на голову, две пары шерстяных носков, трекинговые ботинки, шлёпанцы, байдарочный комплект из куртки и брюк, плотный плащ от дождя.

Палатка с тентом от дождя. Был бы напарник – можно было бы взять одну палатку на двоих: один несёт палатку с тентом, а второй – дуги и колышки, что значительно облегчает рюкзак и, попутно, жизнь обоих. Это – если быть уверенной, что расставание на маршруте минимально. Но напарника нет.

Пенка. Обычная, пенополиуретановая. Хотелось бы, конечно, потолще и помягче.

Рюкзак 70 л с накидкой от дождя (в комплекте). Мой имеет внизу молнию, для того чтобы залезть в нижний отдел, не потроша весь рюкзак сверху.

Личное пространство (тетрадь, ручка, карандаш, визитки, блокнот с информацией, диктофон, марки на открытки). Почему-то на природе всякая ручка отказывается писать на бумаге, которая становится как будто жирной. В блокнотик буду писать короткие впечатления о дне, чтобы потом воссоздать события и записывать координаты людей.

На диктофон можно записать шум дождя, реки, пение птиц или свои впечатления.

Книга «Атлас дорог» без обложки. Подробную карту Алтая раздобуду на месте.

Зарядка-лягушка для техники. Увы, зарядка «лягушкой» литиевых батарей снижает их долговечность. Если верить умным людям, лучше заряжать технику «родными» зарядками. Некоторые продвинутые берут с собой солнечную батарею, но у меня её нет.

Деньги, паспорт, банковская карта, полис. Все – герметично упакованные.

Экстремальный спальник. На гусином пуху, с уровнем комфорта минус 8°C. Лёгкий, можно ужать до размера мяча, но и цены немалой. Боится воды, во влажных условиях немного теряет в свойствах, но всё равно тёплый.

Сидушка. На резинке.

Ещё я беру с собой фигурки ангелов: их делает Андрей, мой друг. Одного ангела привязываю на лямку рюкзака, второго кладу в карман.

Помимо этой кучи остаются невпихнутые необходимости: кусок целлофана, нетбук, баллончик с репеллентами, куча еды и одежды.

Ну, и изрядно поседевший Джая поедет со мною тоже, и это, пожалуй, самое главное из необходимого. Кто-то когда-то сказал: «Ангелы не белые. Они седые».

...Страх о будущем мерзким щекотным существом продолжает давить на диафрагму. Стребаю собранные вещи в кучу в центре комнаты и еду забирать рюкзак, спальник и палатку. И, заодно, за страховкой.

Вместо синего приходит рюкзак ярко-гранатового цвета. Я смотрю на него и понимаю: моё. Он словно живой. Улыбаюсь.

– Ничего, что он красный? – извиняясь, спрашивает парень-продавец.

– Не-е-ет... Зачётный гранатовый цвет, – задумчиво тяну я, улыбаясь от уха до уха.

Расплачиваюсь. Подхватываю рюкзак на плечо, иду к выходу.

– А далеко едете? – спрашивает меня парень вслед: в его голосе яркой нотой звучит тоскливая мечта.

– Куда обстоятельства позволят, – туманно отвечаю я.

Не загадываю далеко – это никогда не заканчивалось ничем хорошим.

...Палатка приходит тоже другая: противостормовая, за счёт конструкции и интенсивной растяжки колышками. Тент у неё – с юбкой¹⁸.

Продавец, извиняясь, говорит, что она такая же, какую заказала я, и отличие только в тенте и в цене – она дешевле, что радует мою психующую по поводу финансов сущность: деньги на моём счету стремительно тают. Если учесть, что я уволилась с работы – а другого способа уйти в незапланированное по срокам путешествие не оказалось – то моё возвращение грозит случиться к пустому кошельку. Хорошо ещё, если не к долгам.

Продавец отвлекает меня от грустных мыслей:

– С такой же палаткой мои знакомые альпинисты на прошлой неделе... а, вернее, в прошлом году... пять лет назад брали Эверест. Вот, посмотрите фотографии!

Улыбаюсь, верю.

...Спальный мешок на гусином пуху, огромный с виду, пакуется в мешок: утягиваю его ремешками.

Палатку и спальник кладу в рюкзак, на котором ещё болтается красочная бирка, расплачиваюсь и иду к выходу. Позади снова слышу всё тот же вопрос, с той же глубокой пронзительной мечтой в голосе:

– Далеко поедете, если не секрет?

– Ой, не спрашивайте! – я смеюсь.

Продавец-мужчина провожает меня до вертушки на вахте, и в его взгляде мне видится бездонная синь, тоскующая по свободе. Чувак. Как я тебя понимаю!

...Страховка. Когда толчком к путешествию служит одиночество, помноженное на отчаяние, я не вижу смысла тратить деньги. Но страховка – это по-взрослому.

Нахожу контору, которая занимается страхованием от несчастных случаев. Девушка, ответственная за оформление, говорит, что с подобным заявлением обращаются впервые.

¹⁸ Юбка тента – полоска ткани на нижней части тента, которая достает до земли и предохраняет от ветра (прим. автора).

Путешествие? По России? Есть страхование при поездке за границу, но не по России... Впрочем, соглашается оформить меня по этой страховке.

– Вы же не собираетесь ехать автостопом, верно? Да ещё и одна? – она поглядывает на мой рюкзак, прислонённый к стенке. Ей нужно подтверждение моей вменяемости.

– Собираюсь... – я всё уверенно порчу.

Она поднимает на меня ошарашенные глаза, какое-то время молчит, надеясь, что ослышалась и зависает в обдумывании, после чего с надеждой в голосе пробует ещё раз:

– Ну, хотя бы, не будете спать в палатке, одна, в лесу?

– Буду, – опять упорствую я.

Она заметно грустнеет, опускает глаза на договор в двух экземплярах, лежащий на столе и шевелит бумаги вправо-влево. Перед ней сидит какой-то неадекват женского пола с тенденцией к совершению суицида на просторах нашей бескрайней Родины.

Наконец, тихим голосом, слегка наклонившись ко мне и в надежде добиться понимания, она задаёт последний и классический вопрос:

– А не страшно?

Этот вопрос будет задаваться мне практически каждым встреченным мною водителем или просто человеком, пускающим на ночёвку или вписку. Он будет преследовать меня всю дорогу и даже больше.

У меня нет на него адекватного ответа. Мне страшно. Мне стало страшно уже тогда, когда я задумалась о самой идее автостопа. Я поставила себе это отдалённой целью, настолько страшной, что не всегда считала необходимой возвращаться к попыткам её реализации.

Каждый раз потом, вытягивая руку с протянутым сверху большим пальцем, я испытывала ужас от того, что прошу сейчас, и «так я и знала», когда тридцатая, сороковая и пятидесятая машины проезжали мимо. В отдельных из них во весь рот улыбались и водитель, и пассажиры, и я чувствовала себя дурой, но продолжала «стопить», сохраняя благостный нрав, с улыбкой на лице, раз за разом, за шкуру возвращая себя в мир из тёплой зоны своего комфорта.

Здесь мне тоже реально страшно: хочется встать в полный рост и ответить криком:

– ДА СТРАШНО МНЕ, СТРАШНО! ЧТО ВЫ ВСЕ БЕСКОНЕЧНО СПРАШИВАЕТЕ ОБ ЭТОМ?

Вместо этого я мирно сижу на стуле, молчу и думаю о том, что хочу пить и как бы мне попросить эту девушку, оформляющую страховку, о воде, но она, скорее всего пошлёт меня. В магазин.

– Ладно, – обречённо вздыхает она. – Давайте попробуем. Вдруг медведь Вас съест не сразу.

Ещё какое-то время я в подробностях выясняю, будет ли действовать страховка, если медведь съест меня в период её действия, а останки найдут позже? Нервничая, девушка отвечает, что есть специальные методики определения в какой период времени тело умерло, и это меня успокаивает. Заключаем договор. Напоследок она желает мне удачи, отвечаю позитивно:

– И Вам: удачно оставаться!

Иду на выход, изнемогая от жажды, и вижу кулер... со стаканчиками... Такое чувство, что пока я оформляла страховку, Вселенная, услышав мой запрос, быстренько пригнала мужичков с бутылкой воды и кулером.

Вода сногшебенно вкусная... Пью, смакуя глоточки...

На обратном пути покупаю два брикета шоколадного мороженого.

– Ты же не любишь шоколадное, – удивляется Джая очередному витку женской логики, оказываясь рядом: да, Он такой, прям весь внезапный!

– Так другого не было! Пускай хоть так у меня всё будет в шоколаде, – мрачно заявляю я, как будто упрекая Его в своих неудачах. – Хоть так.

– Аккуратнее с желаниями-то, – громко вздохнув, серьёзно отвечает Джая.

Захожу в подъезд и, с рюкзаком за спиной и мороженым в руках, пытаюсь вставить ключ в дверь. Через полминутыковырания понимаю, что замок заклинило: долго и безуспешно сражаюсь с ним, ключ сдаётся и ломается первым. Тупо глядя на металлический кусочек в руке, стою и растерянносозерцаю содеянное. Ты просто везунчик, Оля! Дай пять!

Джая сидит на ступеньках с унылой физиономией, на которой написано: «Я знал». Но Он молчит, оберегая мою психику. Снимаю рюкзак и сажусь рядом.

– Мороженое будешь? – шмыгая носом спрашиваю Его, протягивая начинающий таять брикет.

– Пойду займусь дверью, – говорит Он, забирая у меня обломок ключа и поднимаясь.

– Это надолго? – пытаюсь уточнить я масштаб бедствия.

– Можешь начинать есть, – вместо ответа говорит Он и идёт к дверям.

...Половину первого брикета мороженого, истекающего жидкой шоколадной массой, мне удаётся съесть. Вторую половину – с большими уговорами, и это предел. Другой брикет держу липкими руками – он просто тает, стекая по рукам шоколадной жижей. А, ну да. Всё в шоколаде. «Хоть так»...

Наконец, Джая пальцем руки касается двери, и та с лёгкостью отворяется. Возвращает мне целый ключ. Волшебник.

...Дома отмываюсь от липкого шоколада, после чего пакую вещи – часть с горем пополам запихиваю в рюкзак, выкинув из «необходимого» половину «просто нужного»: почти всё влезает, но становится неподъёмным.

В изнеможении опускаюсь на пол рядом с рюкзаком, с другой стороны которого сидит невозмутимый и спокойный, как никогда, Джая.

– Что ты знаешь про автостоп? – спрашивает Он, скосив на меня глаза.

– Ну... это... – отвечаю я, «максимально развёрнуто».

– Что ж... Начнём, – Джая тяжело вздыхает. – Дальнобойщики... Они голодные до женщин, постоянно в пути. Дома бывают раз в месяц, а то и в три. Пятьдесят из них дружелюбно подвезут и помогут, а пятьдесят первый – нет. Это реально опасно, – и пальцами руки Он зачёсывает на затылок прядь седых волос. – Будем играть с огнём? – крайняя фраза во множественном числе означает, что Он будет рядом, и это придаёт мне храбрости.

– Джая... Это выше меня. Я хочу бросить всё, уехать от прошлого, уехать от себя. Наверное, навстречу принцу, который едет на белом яке и живёт так далеко. Я хочу найти любовь, – в таком её количестве, чтобы вкусно и сочно жить, а не бесконечно выживать, безуспешно пытаюсь восполнить её дефицит! Мне нужна любовь, понимаешь? Порвать патологические привязки, найти способ любить без боли и страданий.

– Ну, привязки мы тебе уберём, было бы намерение, – размышляет Он. – А вот от себя ты не уйдёшь. Скорее, наоборот, к себе. Алтай такой... Любовь? Она находится ближе, чем кажется. Гораздо, гораздо ближе – нет смысла ехать за ней далеко. Только если ты выбираешь идти длинным путём...

И Джая протягивает мне плеер: белый, блестящий, с наушниками.

– Что это? – спрашиваю я.

– Мантра отсечения привязанностей¹⁹. Один раз в день, сто восемь дней. От привязок.

– А поможет? – с недоверием спрашиваю я, принимая подарок.

¹⁹ Имеется ввиду мантра «Саа Таа Наа Маа» (прим. автора).

– Обижаешь, – усмехнувшись, отвечает Он. – Главное – намерение. И практика, практика, практика; и даже не так важно, что практиковать, по сути. Но если честно, то это надо просто проболеть.

– Как это: проболеть?

– Плакать, горевать, выть, валяться по полу, истерить, рычать, орать в голос, – Джая пожимает плечами. – Словом: прожить свои чувства, проболеть – это и есть самая эффективная практика. Живой опыт и чувствование в физическом теле – вот что является самой ценной валютой. И своевременное переживание боли в тот момент, когда она приходит – это и есть самый эффективный и действенный путь для избавления от неё. Иначе ты остаёшься у себя в должниках, затапывая её внутрь, – и Он резко переключается на другое: – Итак, что ты знаешь про Алтай?

– Алтай? Э-э-э... да... – моё ораторское искусство сегодня просто зашкаливает. Замолкаю окончательно.

Джая начинает поучительным тоном перечислять про опасности. Медведи. Змеи. Клещи. Климат. Но самое главное: люди.

– Медведи, – заученно говорит Он, будто читает по книге: возможно, подобным лекциям обучают всех Ангелов, которых пристраивают к неадекватным путешественникам. – Есть два вида медведей: одни умеют лазить по деревьям, другие – нет. Медведей много, и особенно не пуганные они в заповедниках.

С интересом слушаю.

– Особенно агрессивны медведи весной, выходя из берлоги. Осенью более наглы, торопятся, чувствуя приближение холодов, и пытаются съесть что попало. Могут подмять палатку и по ошибке принять за еду туриста. Зима на Алтае длится девять месяцев, так что тяжело быть медведем... – повествует Джая.

Рюкзак тяжело заваливается вперёд и падает на пол. Оставляю его лежать.

– Змеи, – продолжает Джая. – Ужи, гадюки, щитомордники, огнёвки... Хорошо смотри под ноги.

– И много людей умирает от их укусов? – хочу уточнить свои шансы.

– Примерно два на тысячу укушенных, – повествует Джая. – Змеи – животные мудрые, просто так не кусают. Чаше змеи умирают из-за людей, чем наоборот. Легенда есть алтайская, про Змеиную гору: что не было раньше ядовитых змей на Алтае. И у подножия горы было стойбище, где жили одни мужчины, потому что предводитель племени ненавидел женщин. Молодые юноши бегали в соседние селения, и тогда вождь сказал: «Кто сможет подняться со своей невестой на вершину высокой горы, тот и женится, или же невеста обратится в змею».

Очень интересно... Вот что бывает, когда у власти находится странный чувак...

– Многие пытались это сделать, но никто не мог донести свою девушку до вершины: всякая из них превращалась в змею, – продолжает Джая. Ему не хватает только варгана для этно-повествования. – Но вот нашёлся один юноша, который сделал это. И тогда злобный хан сам превратился в щитомордника...

– Щитомордник ядовит? – уточняю я сразу.

– Да. Но гадюка серьезнее.

– Ещё кто есть?

– Ужи. Их больше всего. Уж сам чёрный, на голове два жёлтых пятна – ни с кем не путаешь. Узорчатый полоз ещё, на дачные участки любит заползать. Оба не ядовиты.

– Расскажи про них, – прошу у Джая.

– Уж нырять умеет. Полоз перед нападением бьёт кончиком хвоста, от этого рождается дребезжащий звук, и ещё он умеет лазить по деревьям. Запомни главное, – подводит Джая резюме: – смотреть под ноги, близко к змее не подходить, за хвост не хватать.

Да уж это-то я запомню...

– Дальше... – Джая роется в своей памяти. – Клещи! С них начинается весна.

– Прививки? – перебиваю я Его, откопав из дебрей памяти и свои скудные знания.

– Прививки делают осенью, чтобы к весне как раз выработался иммунитет, так что ты в пролёте, – «успокаивает» Он. – К осени активность клещей падает. Несмотря на это, они есть. Из опасных переносят две болячки – клещевой энцефалит и болезнь Лайма, он же боррелиоз. Всё это лечится. Чем позже снят клещ – тем больше риск. При снятии клеща не сжимай его пальцами и не мажь маслом, а аккуратно выкрути, слегка потягивая. Крутить можно в любую сторону: резьбы на хоботке нет.

Ох, уж эти клещи...

– Часто клещ присасывается не сразу, а ползает, выбирая место послаще, – продолжает вещать Джая. – Это чаще всего: подмышки, пах, подколенные складки, кожа за ушами. Как сказал один из туристов: «Ничто не сближает так, как осмотр друг друга на наличие клещей...».

Смеюсь.

– Про климат запомни одно: он непредсказуем. И, наконец, люди. Могут как внезапно приютить, так и приподнести неприятные уроки.

– Ага, – поддакиваю я, желая подробностей про это, но услышать их не получается.

– Про людей я и сам не до конца понимаю, – философски-задумчиво произносит Джая куда-то в сторону и на какое-то время замолкает.

Мы перемещаемся на кухню, поближе к еде.

Глава 5

Любая последовательность событий всегда правильна (А. Кротов).

– Итак, – подводит черту Джая. – Надеюсь, теперь ты достаточно напугана, и я обязан спросить, – посмотрев мне прямо в глаза Он произносит: – «Может, не надо?».

– Истинные мазохисты не останавливаются на полпути, – угрюмо отвечаю я. – Расскажи про автостоп, – и поддвигаю к Джая коробку с суши и роллами, купленными накануне. Дабы задобрить.

Джая берёт ролл, кладёт его в рот, и начинает вещать:

– Автостоп – это один из быстрых способов попадания из пункта А в пункт Б: не надо ждать рейсов, уточнять расписания и так далее. Просто выходишь на дорогу, ловишь попутку и едешь туда, куда тебе надо под живое общение с разными людьми, – и добавляет между делом: – Самое оно при твоей фобии.

Я в достаточной степени интроверт-самоучка, и боюсь людей. Ещё я панически боюсь машин, изнутри и снаружи – эта фобия возникла после созерцания кровавого месива на дороге, с красным, заляпанным изнутри лобовым стеклом чужой машины, кучи пластика и раскатившимися по асфальту помидорами. И через полчаса – созерцания ещё и Оки, попавшей под колесо огромной фуры. Мы тогда семьей на юг ездили, и подобное попадалось примерно дважды в день, две недели подряд.

После подобных зрелищ поездка в машине превратилась в пыточную камеру: я ехала, вцепившись в кресло обеими руками, не реагируя на вопросы, после чего пошла на курсы вождения. Практические занятия заканчивались полным измождением и меня, и инструктора. Битых двадцать минут он пытался заставить меня тронуться с места, но вместо этого я крепкой хваткой вцеплялась в руль и отчаянно кричала:

– О, нет, нет! У меня к Вам ещё один вопрос! – и, криво улыбаясь, спрашивала что-нибудь про сцепление или особенности торможения на склоне. И мы стояли дальше.

В итоге мой инструктор возводил глаза к потолку машины и вопил:

– О-о-о! У меня к Вам тоже есть один вопрос! Когда уже, наконец, я уйду в отпуск?!

За всю свою жизнь я не обогнала ни одного трактора. Один всячески пытался помочь мне это сделать – пылил по обочине целую вечность, притормаживал, водитель махал руками, активно жестикулируя, но я не сдавалась, упорно продолжая тащиться сзади. Обогнать тебя? С ума сошёл? В итоге он свернул на боковую дорогу, и только тогда я проехала мимо. Кажется, с закрытыми глазами.

Стаж моего вождения тридцать минут. Суммарно...

– Тебе бы напарника, – рассуждает Джая. – Одной сложнее. Ну, это решаемо, только не так быстро... – Он кладёт в рот ещё один ролл и что-то помечает в блокнотике маленьким красным карандашиком.

После чего продолжает:

– Дешевизна. Автостоп – прерогатива безбашенных людей, не особо умеющих зарабатывать деньги – это тот экстрим, после которого отдыхаешь. Ставишь рюкзак на обочину, вытягиваешь руку, и это означает, что ты рассчитываешь на бескорыстный проезд.

– Так просто? – хочу уточнить я.

– Видишь ли... – Джая подбирает слова максимально бережно. – В жизни вообще всё просто, вот только некоторые любят всё усложнять, – на Его лице написано: «и это кое-кто из нас двоих, но не я».

– Ага, – с невинным видом киваю головой.

Джая откидывает голову назад, устремляет взгляд в потолок и зловещим голосом говорит:

– Красивые романтические картинки будут щедро разбавлены жестокой реальностью. Тебе придётся выживать вдали от цивилизации.

Его вид суров, и мои глаза неизбежно округляются от ужаса. Подробностей услышать опять же не удаётся.

– Нужно наметить маршрут, – предлагает Он, – и попытаться придерживаться его.

– Поясни-ка, – прошу я.

– «Правильная» машина – та, что едет несколько сот километров, а не «до ближайшего киоска за сигаретами». Ясно? – Джая вопросительно смотрит на моё ошеломлённое лицо: кажется, до меня начинает доходить, что машин будет много, и придётся пересаживаться из кабины в кабину. – Если машина поймана правильная, и водитель адекватен, то некоторые города придётся пропускать и даже иногда проезжать транзитом вписки.

– Вписки? – в моём словарном запасе такого нет.

– Да! Вписки, не побоюсь этого слова! – восклицает Джая. – Это места, где люди готовы принять тебя в гости: на ночь или на два-три дня. Друзья, родственники, дружелюбные собраты-автостопщики или просто пока ещё не знакомые, но гостеприимные добрые люди.

– Ага, – киваю головой, запоминая слово.

Джая, меж тем, поясняет:

– Классическая вписка подразумевает, что ты уходишь с утра, весь день гуляешь по городу, а вечером возвращаешься с печеньками. Можешь рассказать людям о путешествии, предложить свои знания... тыжврач?..

Вздрагиваю. Джая, улыбаясь, продолжает:

– ... или что-нибудь подарить. Помни: всё в мире измеряется силой эмоций, так что прихвати «ништяки» ещё до выхода из дома.

«Ништяки»... «Вписки»... Откуда только набрался таких слов...

– Одежда, – Джая осматривает меня скептически. – Она должна быть яркой. В любом случае, полагаю, что в чёрной одежде, с пивасиком в руках на трассе делать нечего.

Ещё и «пивасик»...

– Одежда должна быть чистой, как и рюкзак. – Джая опять вздыхает: – Абсолютная чистота в дороге тяжело выполнима, но можно попытаться. Для большинства водителей кабина – это второй, а чаще – первый дом, и не стоит приносить туда грязь извне. То же самое касается вписок.

Пытаясь проглотить стресс, заедая его мякотью жирной рыбы.

– О гигиене, – тут Джая делает ещё один долгий и громкий выдох. – Кабы у твоего рюкзака были ножки – цены бы ему не было! С ним придётся бегать.

– Мне придётся бегать с рюкзаком? – я округляю глаза, и кусок рыбы падает из рук на стол. – Ещё что?

Он отвечает, сощутив глаза и тщательно проговаривая каждое слово:

– Под парящим изнуряющим солнцем ты в полной мере ощутишь себя сушёной вяленой воблой, серебрящейся от кристаллов соли, разъедающих кожу... – О, Он суров, мой Джая! – Мыться и стирать одежду придётся в ледяной воде. Душ в гостиницах платный. Ты будешь воплощением дорожной пыли, солёного пота и дыма от костра!

Какая несравненная поэтическая прелесть! Выпучиваю глаза ещё больше:

– Что? Всё будет совсем плохо?

На что Он расслабляется и задумчиво отвечает:

– Не совсем. На доброжелательных вписках будут тебе и бани, и стиральные машинки. Но реже, гораздо реже.

– Всё, я передумала куда-то ехать, – в шутку говорю я.

– И это тоже правильный выбор, – серьёзно отвечает Джая и кладёт в рот ещё один ролл, одновременно пряча блокнотик в толщу из перьев за спиной. Я пошёл. – и Он при-
встаёт с табуретки.

– Да шучу, шучу! – улыбаюсь я: улыбка выходит криволинейной.

– Вселенная шуток не понимает. Когда уже до тебя дойдёт? – Он садится обратно и переключается на следующий пункт: – Места для автостопа. Водитель – это человек, между прочим. Для принятия решения – подобрать тебя или нет – ему нужно время, поэтому стоять надо там, откуда тебя видно издалека. Лучше всего перед поворотом, перед подъёмом или там, где скорость у машин небольшая. Водителю, если он решит остановиться, нужна обочина, и при этом он не должен нарушать ПДД. Ты же знаешь, что такое ПДД? – уточняет Он, взглянув на меня как-то по-отечески.

Отмалчиваюсь, взвешивая информацию: её слишком много для одной головы.

– Желательно не вынуждать водителя пересекать сплошную линию, идущую по краю дороги, вставить под знаками «Остановка запрещена» или закрывать знак своей машиной во время остановки, – всё это произносится дежурным тоном, будто Джая зачитывает правила дорожного движения по книжке. – Ещё одним атрибутом автостопа является рука с вытянутым вверх большим пальцем. Пальцы не перепутай, а то можно и огрести, так что лучше просто вытягивай ладонь.

Послушно киваю головой.

– Если водитель захочет остановиться – он остановится. Если нет – то никакая удобная позиция на дороге и соблюдение правил не помогут... Контактируй с людьми глазами, улыбайся. Послав запрос, наберись терпения, и сохраняй этот... как это слащавое словечко... позитив! Некоторые водители сами вас боятся, а иногда наоборот сами вас ищут – им скучно ехать одним, или они не спали сутки-двое и боятся уснуть за рулём. Иногда просто идёшь по обочине, а водитель тормозит и сам предлагает подвезти.

Такое ощущение, что Джая сам немало путешествовал автостопом. Протягиваю Ему кухонное полотенце и отворачиваюсь мыть руки, испачканные жирной рыбой.

– А теперь слушай внимательно, – взяв полотенце и вытирая им подбородок, произносит Джая особенно серьёзным тоном: – Техника безопасности заключается в том, чтобы не садиться в машину сразу, радостно услышав про нужный город. Если водитель – утырок, то вряд ли ты туда доедешь.

Вода шумит. Кажется, я прослушала... О чём это Он?

– Что? – оборачиваюсь к Нему.

Джая отдувается, мягко хлопает себя ладонью по лбу, что означает: «Нет, ну это бесполезно, ребята...» и бурчит:

– Нам и так запрещено говорить о будущих событиях с подопечными.

Выключаю воду и возвращаюсь к столу, пропустив мимо ушей, кажется, нечто ценное.

– «Перезагрузка», – выдаёт Джая новое словечко, продолжая. – Выходить на дорогу нужно всегда в хорошем расположении духа. Усталость, злость, разочарование, долгий неуспешный стоп, беспокойство, – всё это прямые показания к «перезагрузке».

– Как в компе, что ли? – переспрашиваю я.

– Типа да, – кивает Джая. – Уйди с дороги, в лес, выпей чаю, съешь конфетку, просто посиди. Часто бывает, что «та самая» машина ещё едет, а вместе с ней и «твоя» история, и тот самый водитель, который принесёт опыт, из-за которого ты здесь.

– Мой опыт ещё едет... – вполголоса повторяю за Ним.

– Если хочешь светлого и доброго опыта, выходи на дорогу с улыбкой, – продолжает вещать Джая. – Улыбайся, в конце концов, насильно, а настроение придёт. Улыбка олицетворяет края чаши, в которую изобильная Вселенная готова насыпать тебе радостей –

помни об этом. Предоставь Ей эту возможность. Долгий безуспешный стоп может означать неудачно выбранное место или же то, что можно выразить двумя словами: «День такой». В конце концов, никто не обязан никого подвозить.

Никто никому ничего не должен – святая аксиома.

Джая доедает крайний ролл и завершает свою лекцию словами:

– Ты никому ничего не обязана доказывать. Дай себе возможность и обещание повернуть назад на любом участке пути, если возникнет такая необходимость. Здравый смысл тоже даётся зачем-то. Если ты идёшь вопреки ему, то будь готова ответить.

После чего без предупреждения тает в воздухе. На табуретке остаётся лежать лишь белое полотенце.

Глава 6

«— Зря я, наверное, всё это... — Может и не зря.» (из личной переписки)

...

Наступает утро первого дня моего путешествия. Пятое августа.

Просыпаюсь до будильника, бесшумно и быстро бегу на кухню, пью заварной кофе, наливаю в бутылку кипячёную воду, подтаскиваю рюкзак к входной двери. Всё. Я готова. Надо шагнуть в пропасть, ибо говорят, что только в полёте вырастают крылья.

Сажусь «на дорожку». Интересная, кстати, примета, посвящённая духам, живущим в доме. Присесть означает: показать им, что я никуда не еду, и тогда они не мешают. А иначе не хотят отпускать.

Через несколько минут в дверь стучится Игорь, и я встёгиваюсь в рюкзак... О-о-о... Надеюсь, мне не придётся много ходить с ним... И бегать.

Инструкции по содержанию кошки написаны и отданы Игорю ещё вчера: кроме кошки здесь меня ничто, да и никто не держит. И я за неё волнуюсь.

Садимся в машину, едем. Игорь выполняет мою просьбу, выехав из дому на полчаса раньше, а вообще-то ему надо на работу. Пытаюсь сохранять спокойствие, но всё равно волнуюсь. Игорь молчит. Спрашиваю его:

— У Вас есть мечта?

— Мечта? — переспрашивает он, усмехнувшись, и надолго задумывается. Через какое-то время громко восклицает: — Чтобы внуки здоровыми выросли! Мечта!

О, классная мечта у мужчины. Улыбаюсь. Всем мечтовым мечтам мечта...

Утро прохладное, небо безоблачное — с этим повезло. Наконец, отъехав достаточно далеко от города, Игорь останавливается на обочине. От страха у меня сжимается сердце, но я бодро выскакиваю из машины и достаю свой рюкзак... О-о-о, блин, кирпичонистая тяжесть... Дотаскиваю его до придорожного столба и благодарю Игоря, радостно улыбаясь. «Если тебе страшно, притворись. Разницы всё равно никто не заметит». Притворяюсь изо всех сил.

Он машет мне рукой, разворачивает в одно движение машину и медленно уезжает обратно.

И вот стоит мой гранатовый рюкзак у столба, и я — у обочины. Поднимаю руку, видя первую приближающуюся машину. От страха колотит. Дом — вот он, близко, куда я еду? Зачем-е-ем?

Машина неожиданно притормаживает рядом. Ух ты! Как быстро! Я подбегаю и спрашиваю водителя:

— Подвезёте?

Машина — иномарка, чистый салон. Водитель, коренастый брюнет, с сомнением спрашивает:

— А рюкзак чистый?

— Да только что из магазина! — восклицаю я живо.

— Ладно, — соглашается водитель. — Кидайте его тогда на заднее сидение.

Запихиваю своего монстра назад, сама сажусь вперёд и начинаю радостно щебетать. В моём представлении поездка автостопом так и выглядит: надо развлекать водителя разговорами.

Он спрашивает, почему я куда-то еду. Невинно говорю, что хочу посмотреть на место силы: Духову Гору, цитируя рассказы про чудеса, происходящие там. Он выслушивает, кивает головой. Достаю свою визитку, протягиваю.

– О, нет, нет, визитку не надо! – он машет руками. – Ещё жена найдёт...

Недоумённо прячу её обратно. Хм... Ничего же не происходит, «такого». Конечно, мы, женщины, очень ревнивые существа. Мужик просто подвёз другую, а мы уже готовы вынести весь мозг, включая спинной, – этого у нас не отнимешь.

Водитель неожиданно начинает рассказывать, как он изменил своей жене: встретил другую женщину, закрутилось. Через какое-то время собрал чемодан и ушёл к ней, сообщив жене, что любит другую.

– И вот просыпаюсь я утром следующего дня, а рядом та женщина лежит, в постели, – рассказывает он. – Смотрю на неё и думаю: «О, Боже! Что я здесь делаю?!». Оделся, взял чемодан, как он был, не разобранный с вечера, и ушёл обратно, к жене.

– Что, только на один день и уходили? – уточняю я.

– Ага! – кивает головой он. – Ну я и дур-р-рак был! Идиот просто! Заче-е-ем?

Он едва не бьёт себя кулаком по голове, эмоционально выражая степень своей глупости:

– Да моя жена лучшая! Из! Женщин!

Спрашиваю:

– А что жена?

– Приняла меня обратно. Простила! Полностью и абсолютно.

Я знаю, что нет: такое не прощают. Ну, не прощают, и всё. Осадок обиды остаётся. Как писала Юлия Рублёва: «Господа мужчины, знайте – вы вернетесь к женщине, которая уже никогда не будет вас любить так, как прежде. Ее душа потеряла невинность. Она может никогда себе в этом не признаться, потому что тогда ей придется ясно и невыносимо четко увидеть цену, за которую она приобрела подделку. Подделка – это мужчина, которому все простилось, но ничего, поверьте, не забылось. Я опрашивала женщин, которым – вот героизм – удалось вернуть загулявших мужей. Вам интересно знать, что они говорят? „Я его больше не люблю“, – спокойно говорят они и идут готовить обед»²⁰. Юлька классно пишет.

Говорю водителю:

– Она не простила, не верьте.

Он сокрушённо кивает головой:

– Ну и дурак я был, вот дурак! Зачем я это сделал? Теперь всем мужикам говорю: держитесь своих женщин! На хрена вам другие? Ваши жёны – самые лучшие.

Чувствую, как он раскаялся, и хочется поддержать:

– Ну... Если бы Вы тогда не изменили, то и не поняли бы, насколько жена дорога Вам, верно?

Он ненадолго задумывается, потом отвечает с пониманием:

– А ведь да...

Дальше едем молча, каждый в своих мыслях. Давать мужчине ошибаться, да ещё и так, по-крупному... Святая женщина.

Уф... У меня на этот счёт есть своё принципиальное мнение: никаких отношений с женатыми мужчинами, и даже в чём-то солидарность с их жёнами. Жалко нас, тёток. Только вот мужчины не сразу признаются в своей женатости. Как я говорила одному, с сожалением качая головой:

– У тебя, знаешь ли, только два недостатка...

– Каких же? – с интересом спрашивал он, пытаясь ухватить меня за выпуклости и огребая за это. – Первое: ты женат. И второе: твоя «налевость». Именно сочетание этих двух факторов, понимаешь?

²⁰ Юлия Рублёва «Девочка и пустыня» (прим. автора).

Статистика на тему «Сколько мужчин из числа ушедших к другой женщине возвращаются обратно?» утверждает: почти все. Только пятеро из ста уходят навсегда, а остальные возвращаются. Факт. Так что я в это не играю: «я в домике».

...Наконец, мы останавливаемся – дальше водитель поворачивает направо (не налево!), а я вытаскиваю свой рюкзак из машины на обочину и затем зависаю над местом, где сидела.

– Что? – спрашивает водитель.

– Волосы с моей головы, – поясняю я. Нахожу один, приставший к наголовнику кресла, убираю его.

Мужчина благодарит меня так радостно, будто я ему только что жизнь спасла. Расстаёмся. Уезжает.

Какое-то время иду по обочине, с рюкзаком на спине: пытаюсь обдумать эту встречу и заодно выйти на удобную позицию для стопа. Солнце начинает жарить, как на сковородке, а ведь только утро. Справа от дороги стоит дом, обнесённый металлической сеткой. Увидев меня, огромный среднеазиат кидается на сетку огромными тяжёлыми лапами и начинает агрессивно лаять: сетка дребезжит и изрядно качается. Кажется, туристы с рюкзаком – вторые по привлекательности для лающих собак после велосипедистов. Замечаю, что возле дома, на скамейке, сидит щуплый мужчина, машет мне рукой и при этом кричит, вероятно, собаке что-то неразборчивое.

Машу рукой ему в ответ. Странно... Здоровается, что ли...

Ещё какое-то время иду. В итоге роняю рюкзак днищем на более-менее чистый участок с травой и стою: тяжёлый получился, да и спина не железная. Настроение у меня хорошее: рада, что первая машина остановилась так быстро. Как начнёшь, так и пойдёт, – хочется верить этой примете. Машины едут, и я начинаю голосовать.

На этот раз никто не тормозит, все едут мимо.

Вдруг рядом со мной останавливается раздолбанная девятка, в окне появляется нерусское лицо, и его обладатель кричит:

– Я тебе машу, машу! А ты мимо идёшь! Я ж говорю: щас поем и поеду! А ты – мимо.

Немного прифигевшая от такого напора, я опасаюсь садиться в машину, но нужная фраза, чтобы отказать, не находится. К тому же он «джигит», и мне как-то страшновато. Он в это время машет руками, открывая дверь, и действительно кричит:

– Да садись уже, чего стоишь-то! Поехали!

Ладно. Вроде активный дядька, но не опасный. Кидаю рюкзак сзади, залезаю вперёд. Дядька оказывается армянином, который просто очень любит знакомиться с другими людьми, заводить новые связи и дружить.

Через пять минут общения начинаю понимать, как они, армяне, умудряются преуспевать в торговле: у них везде есть связи, благодаря общительности. Они налаживают контакты, а потом взаимодействуют. Для них это нормально.

Одет Армен – так зовут водителя – бедно, в салоне всё громыхает, поцарапанный телефон валяется на зашорканной панели, стёкла в машине треснуты. Едет по делам: надо что-то отвезти детям и маме, заехав в соседнюю деревню, оттуда забрать прицеп, заправить машину, пополнить счёт на телефоне, купить сигарет и ещё миллион пятьсот дел.

– ВЛЁТ уходили бананы, ВЛЁТ! – кричит в это время он, рассказывая, как торговал в лихие девяностые. – Масло! В коробках! ВЛЁТ! Колготки! Женщины в три очереди стояли! Я уже не понимал, кто мне даёт деньги и за что! И ведь каждой разные колготки нужны! – тут он недоумевает и на секунду приотпускает руль, изображая на пальцах: – Этой – в пупырку, другой – в цветочек!

Он и ещё два предпринимателя держали район, никого туда не пуская, и продать что-либо можно было только через них. Поэтому, когда накануне 8 марта один из знакомых ска-

зал, что у него вагон ананасов уже начинает портиться, Армен с радостью согласился его купить.

– Покупаю по 2 рубля, продаю по 8! – он радостно хохочет, вспоминая те лихие времена. – ВЛЁТ ушли, ВЛЁТ! 8 марта завтра! А тут – ананасы! Очереди стояли! Я домой вечером пришёл с вот такими сумками денег! – тут Армен опять на мгновение бросает руль и показывает, будто несёт в обеих руках два пузатых баула.

Эмоционально рассказывает, как они умудрились на коротких, трёхминутных остановках поезда забежать в вагон и закинуть на верхние, третьи полки какую-то часть из грузовика, на котором приехали. Время заканчивалось, поезд трогался, они прыгали в машину и мчались до следующей станции, где забрасывали остальное. На конечной станции поезд отгоняли в депо, и там-то уже товар спокойно разгружался.

Вспоминаю эпизод, как однажды ехала в поезде, и ночью нас разбудил проводник, открыв дверь купе: вместе с ним бесшумной беспокойной летучей мышью влетел подобный Армену «джигит» с ящиком коньяка и с лёгкостью закинул его на верхний ярус. Потом из коридора втащил ещё один ящик и закинул его туда же. А затем и третий. После чего оба испарились, как не бывало.

Затем я слышу историю про то, как Армен приехал за вагоном товара, а его вечный поставщик заявил: «У меня новый покупатель, так что больше тебе продавать не могу». Армен горячится:

– Ты понимаешь? Зря приехал, что ли? Как я пустой вернусь? Меня в другом городе люди ждут, я пообещал, а он: «Продавать не могу»!

– А ты? – мне очень интересно.

– Я ему говорю: «Да я не за товаром приехал. Дочку твою замуж хочу взять».

Вытаращиваю глаза и хохочу:

– А он?

– Он сразу изменился, коньяк на стол ставит: «Давай обсудим», за стол пригласил. Потом я с дочкой его на кухне посидел, поговорили просто так: молодые, мол, пускай поговорят...

В общем, уехал тогда Армен с вагоном того товара, а за дочкой компаньона так и не вернулся.

– Как так-то? Обманул девчонку! – возмущаюсь я.

Армен только разводит руками:

– Что я мог поделать?

...Рассказывает, как украл свою третью жену. Первые две были из России, выгнал обеих. «Изменяли».

– Про вторую мне мужики рассказали: «Мол, роман у неё с мясником». Она тогда продащицей работала в мясном отделе. Я подъехал к концу её рабочей смены, сижу в машине, смотрю. Они выходят, дверь в магазин закрыли и «за ручку» пошли...

Больно он говорит это. Молча сочувствую.

– ...Сумку её собрал и выгнал в тот же день из дома, – заканчивает рассказ Армен.

А за третьей женой он поехал уже в Армению. Долго уже вместе живут.

– Сначала молчала, тихая была. А сейчас во! – и Армен показывает рукой длинный-предлинный язык, болтающийся изо рта. Хохочу.

История похищения невесты – а ей тогда не исполнилось и пятнадцати лет – украшенная комментариями, звучит как отменный боевик. Как он приехал и неделю ждал отца девушки, чтобы спросить его разрешения, но тот всё не приезжал, и, как потом выяснилось, не собирался. Сотовых телефонов не было, откуда узнаешь?

В итоге Армен ждать устал и подговорил девушку к побегу. Её двоюродный брат вывез невесту как будто бы покататься и привёз в аэропорт, где Армен уже ждал их обоих. Как

нервно покупал билеты, пихая деньги в окошко кассы и заплатил втридорога, лишь бы улететь: родственники вот-вот могли кинуться в погоню.

– А если бы догнали? – спрашиваю я.

Армен эмоционально восклицает:

– Да прикончили бы прямо в аэропорту! Колени бы прострелили...

Я шокирована:

– Прямо в аэропорту?

– Конечно! – убедительно кричит Армен. – Девушку из семьи похитил!

К счастью, билеты ему продали, и они улетели за пределы досягаемости мстительных родственников.

– Отец её потом до меня дозвонился. «Приеду – убью», говорил. Но не приехал: далеко слишком! Где он, а где я! – и Армен бьёт себя ребром ладони в грудь, радостно улыбаясь.

Каждая его история – как жемчужина. Вскоре Армен останавливает машину:

– Мне – направо, тебе – дальше!

Радостно прощаемся. Он улыбается:

– Где я живу теперь знаешь! В гости заходи!

Вот так просто. Подвёз незнакомого человека и уже – «в гости заходи»! Смеюсь.

Уезжает. У него впереди ещё список дел. Он олицетворяет пословицу «Волка ноги кормят» – бежит и бежит. У меня впереди – список городов.

Глава 7

Легче продолжать любить, чем признать своё поражение.

Иду с рюкзаком, приближаюсь к автобусной остановке. О-о-о, я сейчас умру от жары! Яркий жаркий полдень, и я ощущаю себя яичницей на раскалённой сковородке. Скидываю рюкзак на землю, выцарапываю бутылку с уже нагретой водой и выпиваю несколько глотков: так гораздо лучше.

...Стою уже второй час. С обеих сторон от дороги простирается лес. Немилосердное солнце нависает прямо над чёрным асфальтом, источающим адскую жару. Бутылка воды давно выпита, и сейчас меня хватит insult, не иначе. Никто не останавливается. Тенистый сосновый лес манит прохладной тенью. Ещё немного безуспешно голосую, а потом вместе с рюкзаком погружаюсь в эту зовущую лесную прохладу.

Погружаю пальцы рук в мох, на котором растут кустики черники: внутри он слегка влажный. Хочется остаться тут навсегда, закопаться в благословенную прохладу мха целиком. Без воды в такую жару недолго и кони двинуть.

Ем вкусную, крупную, водянистую чернику под звуки проносающихся по дороге машин. Потом лежу на подушке из мха, глядя на верхушки сосен снизу вверх. «Перезагрузка». Наконец, немного отпускает, и я возвращаюсь на прежнюю позицию.

Мимо меня проходят два парня – оба с барабанами и маленькими рюкзачками. Они идут вдоль трассы, поднимая руку на звук подъезжающей сзади машины. Никто не останавливается, и они продолжают идти дальше.

Мне внезапно везёт больше: как только я поднимаю руку, тут же рядом тормозит красная легковая машина. Внутри оказывается разговорчивая жизнерадостная женщина, согласная подвезти. Прыгаю внутрь.

Аня – светловолосая и улыбчивая, и она едет на фестиваль.

Что? Фестиваль? Я не верю своим ушам. Так вот почему мне не удавалось поймать машину так долго! Я ждала именно эту машину! Разные друзья в течение трёх лет звали меня именно на этот фестиваль!

– Это то, что тебе ТОЧНО нужно, – говорил один, улыбаясь и кивая головой, отказавшись от дальнейших объяснений, и этим интригуя ещё больше.

Аня едет забирать свою дочь и её парня. Она говорит:

– Да я раньше вообще не замечала таких, как ты! – с лёгкостью переходя на «ты» с первых минут знакомства. Мне бы так... – Не видела вас, и всё! До тех пор, пока моя дочка не стала ездить автостопом!

Она явно беспокоится за дочку. Понимаю.

– Прики-и-инь! – возмущённо продолжает она. – Подвозила только что женщину, думала поболтать с ней, так она уснула! И всю дорогу спала!

Понимаю, что если чего от меня сейчас и ждут, так это разговора. Копаюсь в извилинах закромах своей памяти. Цитирую информацию про Духову Гору и Опочку, но понимаю, что заезд туда – это всё-таки крюк, а до Невеля, куда направляется Аня – ещё ехать и ехать. Она с живостью соглашается заехать и в Опочку, но в итоге мы решаем оставить этот великолепный пункт на будущее.

Сознаюсь, что я ветеринарный врач.

– Да ну! – восклицает Аня громко и радостно.

– Ну да! – отвечаю ей, согласно кивая.

Оказывается, всю свою душевную организацию она тратит на передержку бездомных собак, причём чаще ей отдают как раз собак проблемных, или с генерализованной формой демодекоза²¹, или асоциальных.

Говорим про собак. Аня рассказывает случаи из своей жизни: как однажды от неё сбежала собака, оставленная на передержку. Ответственная Аня, оббегав весь район, в итоге обнаружила её возле своего дома, но собака была без ошейника и, уточню, асоциальна, то есть непредсказуема. Дальше я слушаю, поражаясь.

Бесстрашной, но ответственной Ане удалось захомутать собаку поясом от плаща и уговорить зайти обратно в подъезд.

Вот человек! Я бы, наверное, не рискнула. Ну, уличная собака. С улицы пришла – на улицу и ушла: природа у неё такая, и ей там комфортнее, может. Рисковать быть укушенной? Я почёсываю застарелый шрам на руке – память от среднеазиата, – ну нет.

Лечение генерализованной формы демодекоза – это наказание для любого владельца. Ежедневная дача препарата, мытьё с шампунями, и всё это долгое, долгое, долгое время. И посещения ветклиники раз в месяц для взятия соскобов и контроля заболевания. Есть, конечно, альтернатива в виде однократной дачи волшебной таблетки, но она очень дорогая. Делюсь своими знаниями.

По дороге Аня пытается безуспешно дозвониться до дочки: та должна рассказать, как их найти. Заезжаем в магазин за продуктами.

– Дочка просила купить каких-то... «ништяков»... Что бы это значило? – в раздумьях произносит Аня и сама же себе отвечает: – Должно быть, это что-то вкусное к чаю. Ну и что им купить?

Мы зависаем перед стендом с печеньками, халвой, вафлями и пряниками. Я беру пряники.

На кассе Аня спрашивает у кассирши:

– А не подскажете, где-то тут проходит фестиваль, я за дочкой приехала, и...

Кассирша вздрагивает, роняет на пол звонкую мелочь и, не давая ей договорить, машет руками:

– Забирайте её оттуда! Срочно! Немедленно! Скорее! Быстрее!

Ошарашенные, мы выходим из магазина. Н-да... Похоже, местным жителям не очень-то нравится этот фестиваль. В чём же дело?

...Мы едем по ветвистой дороге мимо деревеньки, после чего попадаем напрямиком в лес.

– Как хорошо, что ты со мной поехала, – нервным голосом говорит Аня, когда мы погружаемся в лесные псковские дебри: где-то тут, возле озера, должна быть стоянка фестиваля. Оказаться ночью, в лесу, да ещё и одной – не каждому это понравится. Тем более, мы как раз обсуждали, что делать, если машина сломается. На трассе-то, это понятно: привлечь рукастых мужиков несчастным видом, а в лесу?

Я тоже рада, что оказалась именно в этой машине, но вот только, правда, где мы?

Должны быть слышны, наверное, барабаны, но никаких звуков жизнедеятельности радостных людей нет – только птицы поют. Мы едем и едем. Дорога кажется круговой, потому что не кончается; с обеих сторон нависают ветки деревьев, скрывающих солнце. Никаких вывесок. Так проходит около получаса, и лес постепенно погружается в вечернюю синь. Кажется, что и Олег Митяев, под которого мы едем, начинает петь более нервным голосом. Дочка, по-прежнему, недоступна.

Вдруг мы замечаем на ветке дерева красную ленточку.

– Ленточка! Смотри, ленточка! – вопим хором, тыча пальцами.

²¹ Демодекоз – заболевание кожи, вызванное клещами из рода Demodex.

Радость наша беспредельна. Мы едем, и ленточки на деревьях продолжают вести нас, – уже не так страшно. Наконец, мы видим на дереве лист бумаги, на котором что-то написано про «Уважаемых отдыхающих» и сразу вслед за этим выезжаем на берег озера. На пустынный, замечу, берег.

– Мы что, не туда приехали? – констатирует Аня упавшим голосом очевидное, остановив машину. И недоумённо добавляет: – Мы ж по ленточкам ехали...

Меня разбирает нервный смех. Стоим. В тишине слышно пение какой-то птички.

– Что там со связью? – пытается найти выход Аня.

Связи по-прежнему нет. Мы поворачиваем обратно, начиная нервно хомячить купленное. Едим и едем, едем и едим.

– Но почему ленточки-то висят? – задаёт Аня вопрос в воздух.

Я хихикаю. Машину мягко хлещут ветки растущих у дороги деревьев. Чем ближе вечер, тем больше сгущается лес. В одном месте сбывается худшее – машина начинает буксовать и вязнет в яме. Начинает пахнуть приключениями на причинное место, но к счастью, яма отпускает нас довольно быстро.

В конце концов, мы доезжаем куда надо. Высокий въезд на место стоянки тоже оказывается «весёлым», но Ане удаётся его взять, – правда, только с третьего раза, потому что он распесочен до глубоких рытвин. Из лагеря приходят ребята, кидают на землю веток, и Аня одерживает верх.

Так мы попадаем на фестиваль. Дочка Ани и её мальчик встречают нас на подходе к лагерю. Я вижу, как выглядят все оттенки фиолетового, воплощённые в дредах девочки.

...О фестивале написать невозможно, это состояние. Суть в том, что разные люди съезжаются и живут в лесу, проявляя терпимость к другим и соблюдая некоторые правила. Главные принципы – это приближённость и возвращение к природе, толерантность и свобода от чего бы то ни было.

Начало движения возникло где-то в Америке, основоположниками его были хиппи.

Лагерь стоит в лесу, рядом с озером. По лесу, в отдалении друг от друга стоят палатки, натянутые тенты, типи²². Всюду босиком ходят люди, в основном одетые, но есть и голышом. В дредах, с барабанами, с ленточками, в штанах-афгани, длиннополых юбках, – все они излучают спокойствие и доброжелательность. Лагереи несколько, раскиданы в пространстве. Большинство людей довольно приветливы, но есть и просто молчаливые. Много символики «ОМ» и индийских «примочек» в виде мантр, аромапалочек, индийских барабанов, массажа, вечерних посиделок у костра. Дети чумазы, но никто не плачет, не капризничает, есть и совсем маленькие. Многие, кажется, бегают сами по себе – по крайней мере, они не выглядят потерянными, а родители совершенно лишены беспокойства и суеты. И есть какая-то правильность в том, что дети исследуют пространство, а не сидят, прикованные к коляске, а их родители спокойно отпускают их к природе. Все как будто в своей родной среде.

– Доброе утро! – несмотря на сгущение сумерек приветливо говорят некоторые люди, идущие навстречу.

– Добро пожаловать домой! – слышим мы от жизнерадостной обнажённой девушки, обгоняющей нас: лёгкий ветерок колышет прозрачное голубое парео, перекинутое через плечо – единственное из одежды, что на ней есть.

Атмосфера мне нравится. Аня немного в шоке, потому что не собиралась спать в палатке и вообще ночевать здесь. Она вытаскивает из машины «ништяки» и домашнюю еду в пластиковых контейнерах, пытаясь рассказать ребятам, сколько страхов натерпелась по дороге.

²² Типи – переносной шалаш североамериканских индейцев (прим. автора).

Они собираются уезжать завтра утром. Раскидываю палатку, обсудив с ребятами подходящее место.

– Ну, здесь вообще-то тропа, – говорит один мальчик, – но по ней никто не ходит.

Если бы я знала тогда, что кое-кто всё-таки ходит, да ещё и по ночам, то я не стала бы ставить там палатку! Но об этом позже.

Я так устала за день, что, когда все уходят на спектакль по мотивам «Золушки», валюсь в палатку и просто наслаждаюсь отдыхом, медленно разматывая наушники от плеера... Где там моя мантра отсечения привязанностей? Джая сказал, что главное – намерение. Сажусь в полулотос прямо в палатке и практикую мантру, повторяя слова, несмотря на усталость. У меня получится, я это уже знаю.

Потом всухомятку жую мюсли, залезаю в свой распухший от свободы спальник и пытаюсь заснуть, – заснуть не получается. Ночью у костра ребята поют такие классные песни, да ещё под гитару, да ещё такими хорошо поставленными голосами, что я сквозь сон замечаю сама себе:

– Атасно поют-то ка-а-ак, а?

Чуть-чуть дремлю. И через два часа опять:

– Бли-и-ин... СПЛИ-И-И-ИН...

Моя палатка стоит рядом с лагерем «Кофейник бережОМ». В конце слова нарисован священный символ «Ом», олицетворяющий вибрацию и первопричину всего сущего, и тем прикольное выглядит название лагеря.

– Мы кофейник бережём, поэтому и в варим кофе в кастрюльке! – улыбается, поясняя, кое-кто из ребят. Кофе великолепнейший – утром меня угощают им совершенно безвозмездно. Взамен я приношу дрова.

По вечерам я тихо приползаю к ним, сажусь рядышком и наслаждаюсь песнями. Иногда подвываю неожиданно звонким чистым голосом, поддавшись общему настроению.

Это место, где нет спешки. Где можно купаться сколько влезет, когда хочешь и хоть голышом. Спать до долгих ленивых потягушечек. Танцевать до упаду у костра под барабанный джем в темноте ночи. Стучать на джембе самой. Лежать на досках пирса и смотреть на огромный серебряный шар Луны и блестящую дорожку, дрожащую на воде. Петь. Непринуждённо улыбаться и удивляться этому. Делать массаж и получать взамен взгляд бархатных глаз и благодарности. Помогать на кухне, шинкуя капусту, отмывая котлы. Пить чай из иванчая или каркаде. Лежать в центре огромного круга, когда все поют «Ом», взявшись за руки. Стоять в кругу самой и петь до оглушающих, бесконечно бегущих снизу-вверх мурашек, до вибраций, до интонации, до звука, напоминающего звон тибетской чаши. Рассказывать о своих практиках, жизни, любви и понимать, что людям это интересно. Слушать ответные истории и учиться. Попасть на семинары по Алтаю, по массажу, по самогипнозу. Стоять в озере, созерцая рыбок, плавающих у ног. Здесь все расслаблены, доброжелательны и спокойны, – то, что мне сейчас надо. И я решаю остаться здесь дней на пять, в ощущении: «я дома».

Все эти люди напоминают мне прообраз того племени, к которому я сбежала во время регрессии.

Углубляюсь в сосны: земля усеяна мягким ковром из сосновых иголок с изобилием сухих тёмных шишек. Вкусно пахнет сосновой прелой хвоей, мерцающие блики играют по земле солнечными зайчиками.

Иду мимо небольшой группы ребят, которые практикуют хоровое пение. Они зовут меня к себе, и я с радостью присоединяюсь. Изучаем песню на слова Сергея Есенина:

«Дымом половодье
Зализало ил.

Желтые поводья
Месяц уронил.
Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.
Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.
Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу».

Поочерёдно мы изучаем куплеты, один за другим, а затем начинаем распеваться, причём в разных тональностях. Учит нас Егор, улыбчивый красивый мужчина. Объясняет очень доходчиво и доброжелательно: оказывается, в обычной жизни он учит хоровому пению детей.

Ещё несколько дней после занятия я понимаю, что пою, причём чисто и чётко попадая в ноты. Страх «налажать» исчезает, просыпается голос, который начинает литься откуда-то изнутри, а не просто изо рта. Удивляюсь своему нахождению здесь всё больше и больше.

Днём знакомлюсь с доброжелательным парнем крупного телосложения, который ходит в ярко-жёлтых майке и шортах. Мы идём смотреть сосну, в которую когда-то ударила молния: по всей поверхности дерева – сверху донизу – идут спиралевидные трещины. Потом мы прогуливаемся до магазина, пыля по дороге: рядом с ней растут маленькие ёлочки с чёрными стволами, чуть тронутые снизу весенним пожаром, и заросли иван-чая, который уже начал пушиться.

Вкуснейший стаканчик мороженого в эту жару особенно прекрасен. Парень покупает отменную горсть леденцов и кефир, который мы выпиваем по дороге. Он общительный и грустный одновременно.

Мы говорим о понятии «толерантность», и как это важно: принимать людей такими, какие они есть. Пытаюсь практиковать это. Безоценочное восприятие, *come on*²³. В лагере раздаём конфеты детям.

Вечером нас ждёт суп из чечевицы с картошкой и салат. Меня знакомят с кухней. Дочерна загорелая и худая повариха, которая хозяйничает здесь, пытается научить меня шинковать капусту тонко и быстро, причём порезать так надо несколько крупных кочанов. Режем капусту на узких горбылях, приспособленных под разделочные доски. У меня не получается, хотя стараюсь изо всех сил. Потом кромсаю огурцы – их целый тазик.

На кухне может помочь любой желающий. Особенный талант тех, кто хозяйничает здесь, заключается в том, чтобы грамотно рассчитать количество крупы, которую необходимо засыпать в котёл, если надо накормить, например, двести человек...

Ужин происходит практически ночью. Жёлтые огоньки свечей, которые несут идущие люди, освещают тёмную тропу, ведущую на поляну. В центре её горит яркий костёр, и все рассаживаются вокруг него в огромный круг. Если у кого-то есть что сказать – он выходит в круг, берёт специальную палку «Talking stick»²⁴ и говорит. Это может быть «Я завтра еду

²³ *Come on* (пер. с англ.) – «давай же!» (прим. автора).

²⁴ *Talking stick* – палка, дающая слово (прим. автора).

в Москву, кто со мной?», или «Завтра после обеда будет лекция», или «Я уезжаю, всех очень люблю! Доброе утро!».

В общем кругу, стоя и взявшись за руки, мы поём «Ом»: энергия мантры бежит от человека к человеку. Ночь сгущается всё больше, и темнота накрывает поляну, словно чёрный бархатный купол.

После ужина происходит барабанный джем – импровизируют несколько барабанов джембе, звучащих на фоне пылающего костра, и все, кто хочет танцевать. Я выскакиваю из шлёпанцев, обматываюсь парео в качестве юбки и босиком ухожу в групповой женский танец. Костёр извергает кверху тучи искр. Мы структурируем пространство в нечто магическое, и дикие чёрные тени пляшут на земле вместе с нами. Крутим восьмёрки, изгибаемся, кружимся, рисуя руками спирали, скачем, ведомые звуком, нарезая круги вокруг костра. Развеваются веером юбки. Усталости нет, и уже не остановиться. Барабаны вводят во всепоглощающий транс, в экстаз от танца. Босые ноги и слегка прохладная земля входят в контакт, взаимодействуют друг с другом... Заземляемся, девчонки! Й-й-й-йоху!

Ощущение «я дома» поглощает меня целиком. Улыбаюсь. Это происходит само собой, словно цветок, который распускается, расправляя свои мятые лепестки. Меня уже не волнуют чёрные от земли пятки, восприятие открыто миру. Вся грусть и печаль исчезают в жарком огне этого костра. Это как Свобода, как сама Любовь. Не болезненная привязанность к конкретному человеку, с которой Её постоянно путают, а именно слияние с самой Вселенной. Прозрение. Попадаю в мир, который предсказуем и не бьёт в спину, и от этого счастья хочется плакать. Здесь безопасно. Это как если расслабленно падаешь, а тебя подхватывают тёплые сильные руки. Это как резонанс от звуков, как гармония, как «ух ты!», как выход в целостность и трансляция этого вовне. В невероятной красоте и единении с телом рождается слияние космического пространства сверху и податливой чёрной земли снизу, и в творческом импровизированном танце проявляется уникальность вечного сознания и сознания планеты. Это объединяется в единое целое, и происходит чудо – каждое прикосновение, мысль, действие, чувство, выбор, качество; каждое проявление – это квинтэссенция двух, как одного. Это нечто новое, иное, удивительное, и Вселенная вбирает это в себя, становясь иной каждым чистым действием дикого танца. Невероятная красота и единение с телом расширяют и раздвигают Её, словно безграничное сознание.

Свобода, в страстном порыве к жизни, вырывается наружу огромным цветастым взрывом, и я растворяюсь в бесконечном пространстве чёрного космоса, падая на землю.

В темноте ночи, прямо над головой мелкими точками блестят звёзды. За озером из-за деревьев начинает подниматься огромная круглая луна, и она настолько грандиозна, что можно разглядеть серые пятна на её поверхности. Постепенно она идёт всё выше, уменьшаясь в размерах и в итоге рождает на воде танцующую серебристую дорожку. На этом фоне, прямо на маленьком пирсе, едва освещённом луной, нахожу ребят, которые поют под гитару и укулеле, мастерски импровизируя.

Их импровизация настолько виртуозна, что я нарушаю одно из правил фестиваля: вытаскиваю фотоаппарат, подползаю к ним и снимаю видео, чувствуя себя преступником. Лиц не видно, одни контуры и звонкие голоса на фоне черноты и луны. Если спросить разрешения, как это положено, то есть риск разрушить атмосферу, поэтому я, затаив дыхание, партизански молчу. В итоге меня «палят», и я кричу, прося о пощаде:

– Я всё отдам! Честно! Вот моя визитка!

Глава 8

Всегда говори правду – это обескураживает (Лена Антонова).

Диалог двух ребят.

– Зачем глаз трёшь?

– Соринка попала.

– Тебе нужно поплакать. Стремительно влюбись в ту, что тебя отвергнет!

– О-о-о! Это я практикую!

Яркий солнечный день. Сажу на берегу озера, в тени сосен, а вокруг отдыхает моё племя. Конечно, это метафора, и всё гораздо прозаичнее, но сейчас мне хочется думать именно так.

– Попробуй, – делится в это время парень очередным методом, – посмотреть вправо, влево, вверх, вниз, закрыть глаз и потянуть за ресницу!

Второй несколько раз пробует этот метод и вполне удачно избавляется от помехи в глазу. Необходимость «стремительно влюбиться» отпадает за ненадобностью.

Моё утро началось с Сурья Намаскар: этот комплекс асан по-другому называется «Приветствие Солнцу» или «Йога для ленивых». Я выползла из палатки с ковриком, расчистила от сосновых шишек место на берегу и занималась. А сейчас солнце уже высоко, и пахнет нагретой сосновой хвоей, в изобилии покрывающей землю. Иду к озеру.

О-о-о! Тёплая вода гладит кожу шёлковыми струями. Отплываю подальше, ложусь на спину, расслабившись и погрузив голову под воду вместе с ушами: никак не могла освоить плавание на спине, пока не поняла, что надо расслабить шею именно настолько. Расслабленность – вот оно, главное качество женщины: довериться Вселенной, сдаться Богу. Лежу, и вода качает меня вверх-вниз: перевёрнутые сосны и берег качаются вместе со мной, солнце греет лицо.

Время останавливается. Я делаю вдох и выдох, и это выталкивает, а затем погружает меня обратно в воду, – так и качаюсь, уплывая в бесконечность. Решаю остаться здесь ещё на один день: тут слишком божественно, чтобы уехать так быстро...

На берегу, сильно наклонившись к воде, растёт большая сосна. Посередине её привязана стропа, на конце которой закреплена палка. Загорелые мальчишки поочередно карабкаются на сосну, подтягивают это приспособление к себе, берутся руками за палку и прыгают в воду, плюхаясь с громким плеском и, иногда, криками. Затем они забираются на дерево обратно, снова и снова. Почти «тарзанка». Я смотрю на это в ужасе. Мне страшно за них.

Потом мальчишки убегают, и я остаюсь наедине с сосной. Та-ак... Что тут у нас...

Я решаю только залезть на неё и посмотреть сверху, как это выглядит. Карабкаюсь по стволу, цепляясь руками за сучья и неловко шагая ногами по шероховатой, нагретой солнцем сосновой коре: она сухая и тёплая. Подобрал к себе стропу с палкой, на полусогнутых подбираюсь к месту на стволе сосны, откуда все прыгают и сажу там, на карачках, как лягушка, держа палку одной рукой.

Это очень высоко. Вернее, нет – это не высоко, но очень страшно. Вся сила моего волнения бьётся где-то под ключицей. Я смотрю вниз, на блестящую гладкую поверхность озера, которая тянет к себе магнитом. Спрыгнуть?

Внутри происходит борьба, которая длится минут пять, пока кто-то не кричит:

– Да-ава-а-ай!

Поднимаю глаза и вижу, что неподалёку, на пирсе, свесив ноги, сидят ребята и смотрят на меня, – очевидно, давно уже смотрят. Почему-то от этого «давай!» легче принять решение прыгать. Меня видят, а значит, если что, будет кому вытащить из воды. Ещё немного

ёрзаю по шуршащей, нагретой солнцем коре сосны и подаюсь вперёд, уперев ногу в отломанный сосновый сук. Стропа натянута... Рисуя в воздухе дугу, лечу вниз, держась за палку и в нижней точке этого полёта разжимаю окаменевшие пальцы... При этом ору в полный голос так, как, очевидно, кричала при рождении: в полную силу своих лёгких. Пока я лечу, вопль ужаса, усиленный гладью озера, разносится по окрестностям в радиусе нескольких километров. С громким плеском глубоко погружаюсь в бурлящую воду, и даже там, кажется, я продолжаю орать. Вода обрушивается снизу и мгновенно заполняет уши и рот. Вот это мощно! Очень!

Выныриваю, как поплавков на поверхность и кричу уже спокойнее для тех, кто за мной наблюдает:

– Клё-ё-ёво! О-о-о-о!

Это значит, что со мной всё в порядке. Мне что-то кричат, но из-за воды в ушах не понимаю, что. Наверное, что я – молодец. Это похоже на рождение заново.

...Сажу на берегу. Вдоль берега чёрной ленточкой плывёт змея – только голова с беложёлтыми пятнами держится над водой: очевидно, ужик. Чёрное тело извивается, двигая голову вперёд. Я тоже вытягиваю шею и встаю, чтобы разглядеть её получше. Змея замечает меня, замирает, а потом, испугавшись, поворачивает назад. Через какое-то время вижу, что она делает большой крюк, огибая меня, и всё равно плывёт своим маршрутом.

В лагере, собравшись небольшой компанией, болтаем про автостоп. Я спрашиваю, а девчонки рассказывают, что иногда они даже танцуют на обочине, привлекая внимание водителей.

Мне в одиночестве не только танцевать, но и в юбку переодеваться страшно, так как юбка – это уязвимость.

Одна из девчонок рассказывает, что, идя стопить, она переодевается как на сцену:

– Я однажды надела соломенную шляпку, платье с шикарнейшей фиолетовой воздушной юбкой и взяла дамскую сумочку. И мне остановил водитель кабриолета!

– Что? – дружно смеёмся мы.

– Да! – радостно кричит она. – И мы поехали на совершенно отпадную вечеринку!

Хохочу и качаю головой, поражаясь её затейливости.

– Водители разные попадают, – просвещает меня она же. – Один раз водитель увёз нас в какую-то глушь и начал ко мне приставать. Пришлось изображать, что напарник – это мой парень. Было страшно.

Блин, а у меня даже напарника нет.

– Ага, и не стоит садиться в машину с подвыпившими веселыми парнями, – вторит ей другая, и я понимаю, что она говорит уже про свой отрицательный опыт.

– Прежде чем сесть в машину, посмотри водителю в глаза. Водитель может быть без зубов или агрессивно орать, а на деле оказывается добрейшим человеком, – продолжает делиться девочка. – И наоборот, обладатель приятного баритона может оказаться уродом со стажем. Так что главное – это глаза. И если что-то не нравится, то я обычно говорю заранее заготовленную фразу.

– Какую? – я всё внимание.

– Спрашиваю, например, куда он едет и говорю, что мне надо в обратную сторону.

– А я просто дверь машины захлопываю, без всяких объяснений, – говорит другая.

– Да можешь просто спросить, как пройти в библиотеку! – смеётся первая.

– В библиотеку? – перебиваю я. – И что он про меня подумает?

– Вежливость – это, безусловно, хорошо, – поясняет девочка терпеливо, – но твоя безопасность – дороже. Тебе нужно в библиотеку, причём пешком! И точка. «Извините, до свидания, я передумала». Захлопнула дверь. В противном случае есть вероятность того, что

ты получишь сполна, согласно своей карме и даже больше. «Огребёшь пирожков по самые гогошары», что бы это ни значило.

Парень, которого зовут Женя, согласно кивает головой, поддакивая.

С ним мы ещё увидимся – буквально этой ночью.

Иду гулять в другой лагерь – там у костра сидит парень. Знакомимся.

– Меня зовут Пустота, – говорит он.

– Вот как? – улыбаюсь я, желая объяснений.

– Я понял, – говорит он. – Пустота – это чистота. Это то, за что нельзя ухватиться.

Мы обсуждаем разные темы, про то, что мысли, хоть и нематериальны, но могут сделать больно. Про том, как надоел внутренний диалог внутри головы. И про то, что:

– Нужно слушать промежутки между словами, – цитирует парень Экхарта Толле.

Чуть позже вместе с ним мы попадаем на семинар по самогипнозу. Ведущий рассказывает нам про подсознание, которое защищает от принятия жизненно-важных решений во избежание страшных перемен: о большом его потенциале, и что надо только донести до подсознания важность некоего дела, и тогда оно виртуозно поможет в его решении. Достигается это состоянием транса, которое возникает во время засыпания и просыпания.

Иногда, когда люди смотрят на костёр или, когда долго едут за рулём машины, это состояние тоже приходит. Тогда я ещё не знаю, что он говорит о чём-то, похожем на метод Сильва, основанный на альфа-ритмах в головном мозге.

Расходимся по парам, и мы вместе с Пустотой практикуем гипноз. Он лежит на коврик, а я «веду» его по поляне в пещеру, где он ищет и находит ответ на свой вопрос. Я чувствую себя каким-то проводником, очень ответственным за результат. Потом я вывожу его из пещеры обратно на поляну, вывожу из транса и внезапно решаю пошутить, говоря тем же тягучим голосом на выдохе:

– А теперь скажи пин-код от своей карты...

Парень, ни секунды не задумываясь, говорит четыре цифры. Я хохочу в полный голос, а потом начинает смеяться и он. Цифры я, правда, не запоминаю.

Оказывается, можно загипнотизировать и саму себя, например, от холода. Если человек идёт по морозу, и ему надо выдержать несколько минут, то с помощью гипноза можно внушить себе, что на улице жарко и прийти в конечный пункт без признаков переохлаждения или обморожения. Потом, правда, придётся восполнить те глубинные резервы организма, которые были задействованы.

Семинар по Алтаю проходит дважды. На первый я прибегаю так быстро и вовремя, что пропускаю его. Да, именно так. Полчаса, с ручкой, картой и тетрадкой я сижу в ожидании, а потом, расстроившись, ухожу прочь. Поэтому первый семинар, начавшийся на сорок минут позже назначенного, проходит мимо меня.

– Как так-то? – расстроено пристаю к Лёше, который его вёл. Оказывается, здесь нет понятия «пунктуальность». Мы же в лесу! На фестивале! Мне стоило догадаться!

Лёша думает-думает и решает провести второй семинар. Он сообщает об этом на Кругу после ужина ко всеобщему одобрению и моим восторженным воплям.

На второй семинар он приходит слегка заспанный, садится прямо на землю по-турецки (а, вернее, по-алтайски) и начинает подробно рассказывать. Про Алтай. Про медведей, которые определяют в какой из банок есть сгущёнка, даже если на них нет этикеток. Про то, как он спал в целлофановой трубе, путешествуя по тайге. Про водопады Чулышмана и каменные грибы, облепиху и яков, которых на Алтае называют сарлыками. Что от жары лучше пить чай с солью, и добавлять в него молоко, чтобы усваивались и жирорастворимые витамины. Что мёда нельзя есть много. Про то, как прекрасен Усть-Коксинский район и его пейзажи Рериха. Про хариуса в реках. Про озёра в чашах, образованных скалами. Про корень, который бодрит покруче кофе. Про то, что южнее Чике-Тамана русские не приживаются. Про непредска-

зуемый местами алтайский климат, когда днём пекло, а ночью могут ударить морозы. Про ураганы и снег, который может выпасть ранней осенью, и про морозы до минус двадцати по ночам. Про криминальность отдельных сёл, а затем, наоборот, про отзывчивость алтайцев. Про то, что всех нас алтайцы делят на пять групп: «р#хнутые», «прикольный хиппи», «альпинист», «торчок» и «турист».

Он с лёгкостью произносит названия различных пунктов, перевалов и озёр, которые я не успеваю находить на своей карте, – названия звучат красиво, своеобразно.

Лёша говорит, что все алтайцы – очень красивые люди. Он и сам красивый, гармоничный человек: у него глубокие, цыганские глаза и ещё он мастерски играет на барабане.

– Чтобы отпугнуть медведя, – отвечает Лёша на мой вопрос, – достаточно положить ложечку в кружку, и засунуть их в рюкзак так, чтобы при ходьбе ложечка слегка постукивала – медведи избегают «человеческих» звуков. Если вы встречаете медведя нос к носу, а он ещё не успел перейти в агрессию, сделайте так: – говорит он нам и хлопает в ладоши. – Звук хлопка у медведя рефлексивно ассоциируется с выстрелом. Если Вы увидели медведя – бежать нельзя. Нужно осторожно и медленно, а затем, быстро отступая, уйти.

Лёша рассказывает, как два туриста перебирались через речку: один уже пересёк её, а другой, оставив рюкзак на берегу, пошёл вброд. Обернувшись на середине реки, он увидел, как медведь тащит его рюкзак в кусты, – в рюкзаке была провизия, все вещи и, главное, паспорт, поэтому наш турист громко закричал на медведя.

Медведь отпустил рюкзак, посмотрел на туриста и в ответ издал такой оглушающий рык, что парень в один прыжок выскочил на противоположный берег, едва ли не пробежав по воде. «Ну его, этот паспорт...».

Лёша рассказывает о мерах первой помощи при укусе змеи так:

– Говорят, что не надо разрезать ранку. НАДО. Говорят, что не надо прижигать её. НАДО. Охотники даже носят в кармане большие охотничьи спички, чтобы сделать это сразу. Или можно это сделать сигаретой, но только сразу. Через полминуты будет уже, скорее всего, бесполезно. Суть в том, что яд змеи – это белок, и при прижигании он коагулируется.

Отсасывать яд также можно.

– Чего точно нельзя делать, – продолжает Лёша, – так это перетягивать конечность жгутом – это чревато её дальнейшей ампутацией. В любом случае лучше что-то делать, чем ничего не делать. Но тут как повезёт.

Выясняется, что среди опасностей особо выделяются пьяные коренные алтайцы: договориться с ними невероятно сложно: они начинают требовать водку или говорить что-нибудь вроде:

– А давай поборемся... А что это тут у тебя? – изучая, например, твой фотоаппарат.

После чего есть риск расстаться с деньгами, вещами и уйти с помятым лицом и печеню. К туристам из крупных столичных городов ненависть на порядок выше.

– Если вы идёте по дикой алтайской местности, – повествует Лёша, – не думайте, что вас никто не видит. Алтайцы-охотники могут созерцать вас так, что вы никогда не догадаетесь об этом.

Спрашиваю у него:

– Насколько опасно там путешествовать одинокой женщине?

И он, не раздумывая ни секунды, честно и чётко отвечает:

– Очень опасно.

Вот прям сразу полегчало!

Некоторые посёлки состоят из одних наркоманов. Целые семьи часто спиваются. Отдельные населённые пункты лучше проходить ночью, ибо там процветает местный рэкет. Если в рюкзаке есть водка, этого лучше не скрывать – пьяный алтаец всё равно почувствует

это. Лучше отдать сразу, иначе есть риск потерять и иное содержимое рюкзака. Не стоит пить с алтайцами и останавливаться в семьях, где пьют.

В некоторых районах даже есть запрет на продажу спиртного. Некоторые пьют запоями по полгода, но, как известно, это явление можно встретить не только на Алтае. Пьют, конечно же, не все и не всегда, просто надо быть готовой встретиться с этим явлением.

Лёша путешествовал по Алтаю в одиночку, ловя попутки. Однажды его сначала «запрягли» разгружать мешки, а потом уже согласились отвезти до места. Алтайцы не считают работу качественной вплоть до появления кровавых мозолей на руках – Лёше пришлось испытать это на себе. Когда они сели в машину, и водитель решил было поговорить с ним, тот, уставший, как десять собак, просто уснул безо всяких разговоров, потому что разговоры тоже требуют сил.

Лёша заканчивает семинар следующими словами:

– Разговаривали с другом о поездке на Алтай. Он сказал, что больше всего его там впечатлили староверы. На вопрос «почему?» рассказал следующее: «Сижу я у них в гостях, пью чай, передо мной дед с бородой до живота, лет 70. А я все затираю ему про то, чем и за что мне не нравится христианство. Ницшеанскую телегу про страдание и рабство, про смирение, про гордость духа и прочее. А он меня слушал, слушал, бороду гладил, а потом посмотрел в глаза и говорит: „Понимаешь, основной посыл христианства в том, чтобы сместить точку сборки в анахата-чакру“. Я там и сел, не знал, что еще сказать».

...После семинара забредаю в чей-то лагерь, где у костра сидят два парня и девушка – они приглашают попить с ними чаю. Настя, так зовут девушку, варит вкуснейшую масалу, а ребята поют песни под гитару. Одна из них – про тюленя, который грустит о своей любимой. Парень, которого зовут Гоша поёт её сначала на французском, а потом на русском языке, причём в переводе канадца.

Масала, сваренная на сгущёнке в условиях леса с помощью каких-то подручных ингредиентов, божественна. Поражаюсь, насколько грациозны и женственны бывают девушки. Завидую даже немного, чо.

Потом я забредаю в другой лагерь. Компания тоже из двух ребят и девушки. Разговариваем. Почему-то меня не отпускают, с интересом выслушивая аргументы по различным тематикам: мы обсуждаем веганство, вегетарианство, сладости, а меня в это время угощают финиками, курагой, хлебцами и вкуснейшим зелёным чаем.

Чувствую себя как-то странно: транслятором информации, за которую кормят.

Здесь самые разные люди. Есть адвокаты, есть бывшие начальники предприятий. Многие – фрилансеры. Толерантность и доверие во всей красе. У сосны стоит солнечная батарея, ловит энергию, и никто её не караулит.

Знакомлюсь с девушкой, у которой талант играть на разных инструментах: именно она играла на укулеле и «запалила» мою ночную видеосъёмку на пирсе. К слову сказать, здесь играют не только на барабанах и гитарах – есть даже скрипка.

Эта девушка освоила укулеле за несколько дней. Говорю, какая она молодец, и в итоге мы беседуем о «жопочасах» – эта теория, похоже, создана ею самой.

– Смотри, – объясняет мне она. – Умение что-то делать возникает из жопочасов, помноженных на талант.

– Жопочасов? – пытаюсь уточнить термин, глупо улыбаясь.

– Ну да! Это количество часов, которое ты готова просидеть на месте, практикуя какое-то дело.

Ну, теперь всё предельно ясно!

В нашем лагере делаю массаж одному из парней, раздобыв лемонграссовое масло: пахнет оно фантастически. Самовыражаюсь, контактируя руками с этой широкой, пропорциональной, загорелой спиной. Он благодарит, улыбаясь, а я утекаю гулять дальше.

Потом наблюдаю парня, который стоит на тропе с завязанными глазами – это называется «Практика Слепого», что-то от Кастанеды. «При этом внутренний диалог замирает, и Вы превращаете простое бытовое действие в высокую степень осознанности», как говорят. Звучит заманчиво.

Парень стоит посреди тропы, вытянув руки перед собой. Предлагаю помочь найти дорогу, но он отказывается от помощи. Осторожно ощупывая тропу босыми ногами, он медленно движется, теряет дорогу, уходит в кусты, потом опять находит её, – всерьёз опасаясь, что он себе что-нибудь повредит.

На другой день, опять же, вижу его со всё ещё завязанными глазами: живой и невредимый, и это радует. Потом я вижу его уже без повязки. Болтаем, обсуждая практику. Кто ж знал, что буквально этой ночью он упадёт на меня практически «с неба»?

Ко мне подходит парень и, помявшись, спрашивает:

– Ты ж врач?

О, боже, только не «тыжврач»!

– Ветеринарный, – уточняю я, на всякий случай отодвигаясь и готовясь убежать со скоростью «волосы назад». Правый глаз начинает дёргаться.

– У тебя есть скальпель? – спрашивает он ещё хлеще.

– Конечно, есть, – отвечаю я. У меня есть не только скальпель, кстати. И спрашиваю уже из любопытства: – А что случилось-то?

Надеюсь, мне не придётся удалять аппендицит в лесу.

– Ну, в общем... Я прочитал в интернете...

Прелестно. Это фраза номер два, от которой меня мутит, если говорить о лечении болезней.

– Вот, – говорит парень и снимает штаны, повернувшись ко мне задом.

Й-й-йолки... На ягодице действительно нечто, напоминающее абсцесс. Причём не первой свежести. То есть, я хочу сказать, созревший. Такой нужно вскрывать или даже выскабливать. Собакам и кошкам просто вскрывают, а людям?

– А... ты не хочешь к медикам сходить? – спрашиваю я очевидное, для верности повторяя эту фразу три раза и с разными интонациями. И обращаюсь при этом к тому месту, которое созерцаю. Практика показывает неэффективность лечения животных медиками, и я всерьёз опасаясь, что лечение людей ветврачами тоже «не есть гуд».

Парень отказывается идти к медикам: говорит, что уже был там и им не верит. Лучше, говорит, помру. Что ж. Пиши завещание и ложись.

– Я только посмотрю! – предупреждаю я, извлекая свою аптечку.

Уникальная фраза всех зловещих стоматологов, кстати.

Достаю из аптечки стерильные салфетки, скальпель, шприц, мазь и раскладываю парня прямо на земле. Абсцесс приличный: непонятно, как он столько дней сидел на этом месте... Вскрывается этот нарыв практически сам, и это – хорошо. Вытекает много зеленоватого гноя: синегнойка, похоже, и это – плохо. Назначаю ему всё, как для лечения собак. Отдаю таблетки антибиотика, шприц с мазью и пластырь. Напоследок, помогая надеть штаны, настоятельно говорю парню:

– Тебе нужно к врачу попасть. К медику. Чем быстрее, тем лучше. «Ветеринарные врачи не имеют права лечить людей».

Цитата моего препода в институте. Парень согласно кивает головой, но, конечно, никуда попадать не собирается.

...Вечером опять случаются барабаны. Несколько барабанов джембе будоражат темноту окрестностей, и это хорошо, что деревня далеко. Один из нас уходит в лес и практикует горловое пение, сопровождая его звоном мелодичных колокольчиков – это звучит гармонично и завораживающе. Мы с девчонками опять танцуем, самовыражаясь.

Потом я тоже играю на джембе, местами сбиваюсь с ритма, но это никого не смущает. Меня подбадривают, и я играю дальше.

Как говорит один из опытных барабанщиков: «Если тебе кажется, что ты стала играть хуже – значит, что ты просто стала лучше себя слышать. Именно в этот момент нужно продолжать тренироваться дальше!».

Ложусь спать, залезая в спальник, и пытаюсь уснуть. Темень крошечная, два часа ночи. В тишине вдруг слышу шуршание и шаги, которые уверенно приближаются ко мне, и не успеваю я включить фонарик или что-нибудь произнести, как сверху на меня падает чьё-то тяжёлое тело, с хрустом подмяв палатку под себя.

Я ору, как пожарная сирена. Кто-то сверху меня тоже орёт, но я ору в разы громче. Гораздо, гораздо громче! И дольше. Сначала просто «А-а-а!», потом матеряюсь. Потом вылезаю наружу и вижу того самого «Слепого» и результат его падения: алюминиевая дуга палатки сломана, изрядно пропорот тент, – и со мной случается истерика.

Как так-то? Я ж собиралась на Алтай! До него ещё четыре тысячи пятьсот километров!

– ТЫ МНЕ ДО-О-ОМ СЛОМА-А-АЛ! – ору я на весь лес, чуть ли не избивая виновника выломанной дугой.

Он, не переставая, извиняется. Пахнет алкоголем.

– НАХРЕНА МНЕ СДАЛОСЬ ТВОЁ ЧУВСТВО ВИНЫ! – продолжаю орать я, бегая вокруг смятой зелёной кучи, только что бывшей моей новенькой чистенькой палаткой, четырёх дней отроду. – ТЫ ЗНАЕШЬ, СКОЛЬКО ОНА СТОИТ?

Я называю сумму, парень недоверчиво хмыкает, за что хочется убить его дважды и с особым пристрастием.

– Я сейчас всё исправлю... – обещает он, исчезает в темноте и появляется вновь с топором в руках. Прелестно! Ещё пальцы себе среди ночи отруби!

Прогоняю его прочь. Из глаз двумя ручьями льются слёзы. Только что рухнули все мои планы, не прошло и недели! Автостоп, ага. До Алтая! Четыре тысячи километров! Где я спать буду? Хотя бы сегодня!

Парень меж тем не уходит, продолжая извиняться. Я пытаюсь отремонтировать дугу, при этом тыкаясь с фонариком в темноте. Ничего не получается, парень констатирует это, и я хочу поколотить его ещё больше.

– УЙДИ НАХРЕН ОТСЮДА! – ору уже в припадке ярости.

– Здесь же доро-ога! – слабо замечает он, безуспешно пытаясь оправдаться.

– КАКАЯ ЕЩЁ ДОРОГА? ГДЕ ТЫ ВИДИШЬ ДОРОГУ? – ору я каким-то чужим охрипшим голосом.

Меня предупреждали о тропе. Но она заросла черникой, и по ней никто не ходил уже несколько дней. Из лагеря приходит сонный Женья, привлечённый суматохой и криками – тот самый дружелюбный спокойный парень, который намеренно рассказывал про автостоп.

– Же-е-енья-я-я! – всхлипывая, утыкаюсь в него носом и рыдаю в жилетку, быстро мокнущую от моих смачных соплей. – Он мне НЕ до-о-ом слома-а-ал! Он мне жи-ы-ы-ызьн слома-а-ал!

Женья мягко обнимает меня за плечи и терпеливо утешает, как может:

– Ну-ну, – говорит он. – Когда-нибудь ты будешь смеяться над этим эпизодом!

Звучит вообще неправдоподобно, хотя в этом он оказывается прав.

– За мной, вон, один водитель по обочине гнался. Убить хотел из-за кепки, – рассказывает он мне историю про себя.

– Из-за кепки? – удивлённо я перестаю всхлипывать и начинаю икать.

– Ну да. Зато теперь у меня всё хорошо. И у тебя теперь, вот увидишь, всё будет складываться просто замечательно! – прям не Женья, а мастер-утешитель какой-то.

Это талант – в нужный момент быть рядом и проявить участие, и я ценю это в мужчинах. Обычно они панически бегут, увидев женские слёзы.

– Они продаются, эти палки? – с надеждой в голосе, сморкаясь в снятый носок и громко трагически икнув, спрашиваю я.

– Конечно же, продаются! – уверяет меня Женя. Он не может знать, что таких палок днём с огнём не сыскать, даже бегая по всей Москве, и что нужную я смогу найти только спустя полгода, уже вернувшись домой. Сейчас ему просто надо утешить меня во что бы то ни стало.

– Я отремонтирую! – раздаётся слабый голос «Слепого» из ближайших кустов.

– УЙДИ! – ору я, чуть не переходя на визг и, обращаясь к Жене уже просительно: – Же-е-еня-я-я... Пусть он уйдёт, а?

Женя через моё плечо спокойно говорит парню:

– Слышь... Ты, лучше и правда уйди. Видишь, в каком она состоянии? Утром приходи, разберёмся...

В итоге парень уходит в темноту, продолжая бесконечно извиняться.

Я забираюсь в лежащую пластом палатку, затем в спальник внутри неё и пытаюсь уснуть: при этом противомоскитная сетка палатки лежит на моём лице. Через неё меня пытаются укусить комары, и они преуспевают. Хныкаю и ворочаюсь. Я хочу «на ручки» и при этом, накрытая тканью палатки, продолжаю громко икать.

Мимо меня идёт Женя с другими ребятами.

– Пошли с нами, – зовёт он. – Ляжешь спать в типи.

– В типи? – быстро, как таракан, я выбираюсь из палатки, разгоняя при этом комаров руками.

Понятия не имею, что такое «типи».

– Ну да, в типи, – повторяет Женя.

– Конечно, я с радостью переночую в типи! Никогда не ночевала в типи... Обожаю типи... Мечта моя... типи...

Типи – это нечто похожее на вигвам: жилище индейцев, сделанное из шестов и покрытое сверху парусиной. Фестивальный типи стоит на поляне, где все мы ежедневно собираемся.

Бросаю палатку и все вещи, бегу за ребятами, обнимая свой спальник.

Внутри типи, прямо в его центре горит костёр, а по бокам уложены коврики. Женя уступает мне своё место, а сам уходит спать на улицу. Мы ложимся вокруг костра кто как. Ребята ещё какое-то время разговаривают, а я, истощённая долгой истерикой, быстро засыпаю.

Сколько проходит времени – не знаю. Может, минута. Может, час. Но не больше часа. Кто-то пытается поднять мою тяжёлую голову.

Я всё слышу, но двигаться не могу. Станный эффект.

– Девушка, алло! Тут... суицид. Лежит в ванной, без сознания... Рвота... Не знаю... Наглоталась чего-то.

Мужской голос называет адрес.

Его руки снова обхватывают и отпускают мою голову – со стуком она бьётся о край ванны: я словно тряпка, ведь должно быть больно, но боли нет. Должно быть холодно, но холода тоже нет. Хочется уснуть, и чтобы меня перестали трясти.

Каждое слово падает сверху, словно тяжёлая груша с дерева.

Тёплые руки хватают меня за подмышки, переваливают через край ванны передней частью: рёбра пружинят, но выдерживают. Во рту оказываются пальцы, лезут глубоко

в горло, и меня неохотно рвёт. Потом остаюсь лежать на кафельном полу бесформенной костлявой кучей, имитирующей худое голое тело.

Мужской голос, опять:

– Девушка, я звонил уже... Выехали?

...Появляются два парня – я слышу это по шуму и голосам.

Мальчики разворачивают меня лицом к себе:

– Же-е-ень-щи-на-а-а!

Уверенно и громко:

– Просыпаемся! Что пили? Говорим: что пили?

Меня оттаскивают на кухню, через выступающие пороги. Возле лица с грохотом появляется ведро.

– Что пили? Говорим! – чётко и громко возле моего уха.

Я по-прежнему не могу шевелиться, всё какое-то заторможенное.

Запихивают в горло трубку – она жёсткая, как аскарида. Внутри меня под напором льётся огромный объём воды – я чувствую давление, протест и меня опять рвёт. Это повторяется и повторяется. В меня снова вливают воду, хотя прежняя еще внутри – это уже перебор. Мне кажется, что я сейчас захлебнусь, словно подводник затонувшей субмарины. Мерзкая вода плещется где-то в пищеводе и распирает желудок. Я или лопну, или меня вырвет кишками. Вода наполняет рот снизу и льётся изо рта – один из мальчиков констатирует этот факт. Другой говорит, что ещё «недостаточно промыли», а первый – что «фигня, напишем, что до прозрачных вод»; мол, не парься.

...В тишине ночного подъезда, на одеяле меня несут вниз. Головой я почти стукаюсь о ступеньки, но ощущения всё равно невесомые, необычные. В какой-то момент понимаю, что вижу их всех, вчетвером, и иду позади, не задевая ступеней.

Они грузят в машину скорой помощи тело, а сама я оказываюсь перед белой широкой дорогой, ведущей прямо в небо: в облаках скрывается её суть. Справа лежит дорожный круглый узелок из тёмно-синей ткани в крупный белый горошек, и я стою, ожидая разрешения или приглашения, чтобы пойти по этой дороге.

Звонящий, ритмичный шум накрывает меня с головой: грохот такой, словно я лежу на шпалах, а сверху едет бесконечно длинный товарняк, груженный пустыми сковородками и кастрюлями. Затем, под продолжающийся грохот, я стремительно лечу внутри огромной чёрной трубы и оказываюсь босиком на сочной ярко-зелёной траве. Она прохладна. Цвет такой насыщенный, будто её дополнительно покрасили яркой кислотной краской. Впереди – мостик и речка.

Рядом появляется Джая.

– Уверена? – спрашивает Он, неловко передёрнув плечами.

– А что? Обратно в боль? – отвечаю вопросами на вопрос.

– Не время ещё, – отвечает Джая нейтральным голосом и медленно пропадает.

В ту же секунду начинаю различать голоса:

– О, Боже! Она не дышит! – голос женский, молодой. И зачем так тревожиться?

– Интубируй, чего стоишь? – настойчивый, громкий и тоже женский голос.

Оказываюсь в комнате, под потолком. Внизу, на каталке лежит худое голое тело, вокруг которого суетятся люди: один мужчина и несколько девчонок. Одна из них щупает пульс, сунув пальцы под челюсть, после чего сильно бьёт кулаком по груди, и синюшно-белое тело слегка подпрыгивает. Непрямой массаж сердца. Другая интубирует, вполне успешно. Мужчина катит тяжёлый кислородный концентратор, который грохочет колёсиками по больничной плитке на полу. Они обступают тело, склоняют озабоченные лица, вижу только затылки. Одна девушка с короткой рыжей стрижкой попеременно растирает у тела руки

и ноги. Это моё тело, но оно холодное, синюшное, чужое; стеклянные глаза открыты, смотрят на меня снизу.

Зачем так волноваться? Я не хочу обратно, оставьте его в покое. Оставьте меня в покое!

– Дефибриллятор! Быстро! – командует рыженькая девушка-врач, молодая и шустрая.

В комнату вкатывают аппарат. Включают: он начинает мерзко пищать. Все отходят от стола, девушка хватает электроды, похожие на два утюга, быстро выдавливает на них гель из пластиковой бутылки, трёт друг о друга и кладёт на тело сверху.

– Вот не живётся тебе нормально-то, – рядом оказывается Джая, тоже под потолком и протягивает мне семечки в пластиковом стаканчике: – Будешь?

– Не... – отказываюсь.

Джая лузгает семечки, складывая очистки в ладонь руки, и отдельные из них падают вниз, на реанимируемое тело и затылки врачей.

– Дура! – говорит Он с напором и интонацией. Кажется, разочарован.

Внизу в это время продолжается суeta. Опять дефибриллятор. Тело ужасно скрипит и трещит, но девушка-врач упорно не сдаётся – пробует снова и снова. Я не собираюсь возвращаться. Лучше даже не смотреть туда.

Глава 9

Чужое горе всегда банально.

Открываю глаза, с криком ворвавшись в жизнь от очередного удара током дефибрилятора.

Я внутри типи. Остальные ребята ещё спят. Жутко болят ребра, любое прикосновение к ним отдаёт острой оглушающей болью.

Реанимация? Тру пальцами виски, пытаюсь понять, к чему этот чёткий до мелочей сон. Возле потухшего костра сидит Джая и задумчиво ковыряется длинной тонкой веткой в тёплой серой золе. Вокруг звонко пищат комары.

– Джая, – спрашиваю Его шёпотом. – Что за хрень?

– Ну... – отвечает Он тут же, изображая, видимо, господина Фрейда: на Его подбородке мгновенно вырастает густая фрейдовская борода и тут же исчезает: – Бывает сон – просто сон...

– Реанимация? – такие сны хочется побыстрее забыть. – Почему?

– Побочка от регрессии, – отвечает невозмутимый Джая. – Прошлые жизни. То, сё...

Похоже, трансформация и боль – близнецы-братья. «Научиться бы спать без снов», – угрюмо думаю я, протирая опухшие глаза. Надо вставать. Вместе со спальником осторожно выползаю наружу, стараясь никого не потревожить.

Сегодня мой последний день на фестивале.

Утром с пилой в руках приходит «Слепой», озабоченный ремонтом палатки. Исследую его палец – ночью сломанная дуга не только воткнулась ему в ногу, но и прищемила палец. Какое-то время изучаю рану, он сопротивляется. Ладно.

Отпускаю его с пожеланиями компенсировать мои будущие расходы. Я хочу купить такой же сегмент дуги, а не ремонтировать сломанный. Мой отчаянный перфекционизм усилен тем фактом, что палатка простояла всего четыре дня своей жизни, и я не могу смириться с потерей.

– Деньгами отдашь, – сурово объявляю я, на что парень грустнее ещё больше.

Знай я тогда, каких трудов стоит достать подобную штукину, я бы позволила её починить. Но он забирает её с собой, и мне остаётся только искать новую.

...Днём приходит парень с абсцессом. Меня терзает тот факт, что он человек. Ну... у всех свои недостатки. С собаками у меня есть, по крайней мере, опыт. Бесстрашный чел согласен на дальнейшую экзекуцию. Сообщаю ему о своих подозрениях: что, если дырочку, через которую прорвался абсцесс, не расширить, она быстро зарастёт и будет рецидив, – это всё, что я могу для него сделать. Вычищать абсцесс в условиях леса, или как там это делается у людей, я категорически не намерена. Моя храбрость показная, а хочется вчесать прочь: галопом и без оглядки. Однажды я едва не упала в обморок при виде человеческой крови.

Из инструментов находятся только маникюрные ножницы

– Зачем вам ножницы? – милым голосом спрашивает их хозяйка, симпатичная молодая девушка и, кажется, она хочет идти с нами. Ну, хоть кто-то носит с собой маникюрные наборы, а не комплект вещей для выживания в тайге!

– Аппендицит буду удалять. Вот ему, – серьёзно говорю я и тычу пальцем на обречённого.

Парень стоит рядом с видом приговорённого к пыткам. Шутки мои в последнее время приобретают серьёзнейший характер и не поддаются идентификации, поэтому девушка

бледнеет, провожает нас испуганным взглядом и следом не идёт. Углубляемся в лес. Фламбирую²⁵ ножницы зажигалкой.

– Ложись. Будет совсем невмоготу, – поучаю его, – говори: «Ой». Ладно?

– Ой...

– Я ещё ничего не делаю.

...Пока я зверствую, парень лежит, вжавшись в землю животом и сквозь зубы пытается сдерживать стоны.

Надо отдать ему должное – всё это время он стоически молчит, и я остаюсь довольна. Прилепляю пластырь из крайних стратегических запасов. Мои кровавые мозоли на пальцах ног вопросительно и с упрёком смотрят снизу вверх, на что я приглашаю их помолчать и довольствоваться подорожником. В это время парень, подтягивая штаны, невинно спрашивает:

– А купаться можно?

Без слов я смотрю так, что он понимает, что к воде ему лучше не приближаться. Поэтому он пятится и с риском для жизни спрашивает ещё:

– Ну, это всего на три дня, да?

Мои глаза выпучиваются ещё больше, брови ползут вверх, и он понимает, что, вероятно, три дня грозят растянуться на... четыре?

– Неде-е-е-еля! – эмоционально ору я, воинственно потрясая ножницами. – А то и две! И, вообще, дуй нахрен к медикам!

Начитаются интернету!

...Однако, мне пора в Москву.

Чтобы добраться до трассы, сначала надо выйти из леса и дойти до деревни, под которой мы стоим, а потом доехать до города Невеля на автобусе, и на чём-то ещё – до трассы М9, которая идёт на Москву. Как это осуществить я не имею ни малейшего понятия. Невель окружён паутиной дорог, и заблудиться в них ничего не стоит.

Грустная, иду в лагерь, где встречают всех, приезжающих на фестиваль: там у костра сидят ребята, пьют чай. Здравуюсь, спрашиваю:

– Доброе утро. Не знаете: никто завтра в Москву на машине не стартует? Очень хотелось бы «сесть на хвост».

Нет, ничего не известно. Кроме того, едушие в Москву бывают оккупированы такими, как я, ещё задолго до приезда сюда. Однако, в компании ребят оказывается Марк – автостопщик со стажем – и он как раз завтра собирается ехать в Москву. Автостопом, разумеется.

Решаем скооперироваться, потому что я понятия не имею, как выбираться отсюда на правильную трассу, несмотря на наличие карты, а Марк знает, даже без неё.

Напрашиваюсь к нему на ночёвку – моя палатка вялой зелёной кучей продолжает лежать на траве. Палатка у Марка двухместная, он не против. Перебираюсь к нему.

Марк учит меня искусству автостопа. Он говорит, что проснуться завтра надо будет с восходом солнца, потому что автобус из деревни до города Невеля уходит рано, и что лучший автостоп – с утра.

Мы сидим, обсуждаем детали, а мимо нас проходят уезжающие сегодня, и они несут в себе столько энергии и внутренней силы, что не хочется их отпускать. Они не подают вида, идут с улыбкой, но я знаю, что в этих соснах осталась часть их души и моей тоже – запуталась в верхушках деревьев тонкой паутинкой.

...К вечеру у меня начинают болеть и спина, и шея. Можно лечь в Круг, пока другие поют «Ом», но я решаю петь тоже. Земля внутри Круга – это мощно: энергия, которая исходит от неё ровным потоком, особенно во время совместного исполнения мантры, исцеляет.

²⁵ Фламбирование – обработка поверхности пламенем (прим. автора).

Берёмся за руки и начинаем. «Ом» поётся сам, как будто без моего участия и вдруг где-то внутри начинает вибрировать волнами, словно я большая тибетская поющая чаша. «Ом» течёт по кругу через наши руки, повторяясь, продолжаясь, усиливаясь, резонируя; откуда-то находится нескончаемый запас воздуха в лёгких и нужный тембр. Мы превращаемся в проводников, через которых по кругу бежит эта мощная энергия.

Лес погружается в чёрные сумерки, и ужин в общем кругу снова перетекает в посиделки у костра с барабанами и танцами. Однако, мы с Марком на джем не остаёмся: завтра рано вставать. В темноте добираемся до его палатки, забираемся внутрь.

Быстро засыпаю, упаковавшись в спальник.

Маленькая тёплая уютная баня. Жарко и тихо, сочно потрескивают прогорающие алые угольки в печке. Я тупо смотрю прямо перед собой, сидя на верхней полке. Пот стекает по лбу и едко щиплет глаза. Волосы распущены, струятся широкой пшеничной волной до пояса, прилипли к мокрой спине и рукам. Беременным париться нельзя, есть риск потерять ребёнка – это любая баба знает. Одна из них и присоветовала. Именно за этим я и здесь.

Залетела. Узнают в деревне – заключают. Рожать? И куда я с ребёнком-то, да без мужика? Ещё начнутся расспросы: от кого. Все и так уже шепчутся, мол, с женатым шашни водишь, за глаза обзывают, а тут – форменный позор. И ребёнка затиранят потом. И жена его не простит меня, дуру конченную. Зачем только я ему дверь открыла? Правду говорят: сучка не захочет, кобель не вскочит. Что теперь остаётся? Вот дура-то...

Выход только один.

Беру за длинную ручку ковш с водой и опрокидываю его на раскалённые камни, насыпанные горой рядом с печкой. Густая волна обжигающего пара с шумом и свистом вздымается к чёрному, пышущему жаром потолку. Влажный воздух врывается в лёгкие, прерывает дыхание своей резкой горячностью. Мне не нужен этот ребёнок.

Пальцы... Так сильно мёрзнут, на руках и ногах, пальчики мои, пальчики. Белый лес вокруг медленно погружается в сиреневые сумерки. Мамочка привезла меня сюда на санках, шла впереди, проваливаясь в сугробы выше колена, ругаясь и плача, и оставила здесь сидеть, а сама ушла обратно, по своим же следам. Моя тёплая, всегда грустная мамочка.

Наверное, она скоро вернётся. Она не могла про меня забыть. Тихий зимний лес, высоко наверху сосновые ветки, покрытые снежными белыми шапками. Сажу в санках, глядя прямо перед собой. Ходить я не умею, да и ползать тоже. Слюни, вытекающие из рта, хололят подбородок, и мокрый шарф, закрученный на шее, быстро становится ледяным и влажным. Пальцы коченеют...

Холод течёт по рукам и проникает в самое сердце, окутывая его тугим туманом: оно бьётся всё тише и тише. Ноги уже не мои, никак не чувствуются, не ощущаются, и это так необычно, странно и интересно.

Засыпаю медленным неизбежным беспробудным сном.

...Зимний лес оказывается далеко внизу, а я парю где-то высоко среди заснеженных сосновых верхушек.

– Давай сюда, – знакомый голос Джая раздаётся справа: красавчик сидит у основания толстой сосновой ветки, свесив ноги, держится руками за ветку, растущую выше, а Его крылья за спиной белеют в сгущающихся сумерках.

Прямо по воздуху плавно перемещаюсь к нему, словно земного притяжения не существует. Джая слегка отодвигается, освобождая место рядом и этим приглашает присесть. Послушно повинуюсь. Тёплое облако окутывает меня мягким шаром, холод исчезает и становится хорошо, комфортно.

– О чём это? – как будто спрашивает меня Джая и сам же отвечает: – А о том, что чтобы ни случилось в жизни – это наименее тяжёлый из возможных сценариев. Девка в баню для аборта пошла, например, да ничего не вышло, а то бы умерла от кровотечения.

– А то, что ребёнок замёрз – это тоже лёгкий сценарий?

– Бывает и похуже, – отвечает Он.

– И она его в лес привезла умирать из-за отклонений в развитии?

– Вау, да ты проникательная, – Джая смотрит на меня с наигранным уважением.

– Бли-и-ин, – меня подташнивает от осознания подобных историй, не говоря уже об участии в чём-то подобном! – Я чудовище... Какое же я чудовище, Джая!

– Ну, нет, ты вполне себе красотка, если из меня посмотреть, – Джая практически шутит, в то время как я на грани очередного самобичевания.

– Он замёрз, да? За что ему так?

– Долго объяснять, да и неправильно формулируешь вопрос. Короче, мне нужно твоё согласие на то, чтобы изменить этот сценарий, так как он, похоже, ключевой. Менять буду через Творца, – говорит в это время Джая. – Ну и по мелочи: остановить и трансформировать все тяжёлые и травмирующие воплощения, наполнить вину любовью, отпустить ситуацию в Свет. Согласна?

– Да, – киваю головой, не вполне понимая, что происходит.

– И, самое главное: тебе нужно простить себя.

Ещё и прощать себя за то, что всплыло из прошлой жизни всего две минуты назад! Голова идёт кругом.

– Да-да. Я могу помочь, вложив тебе это прощение наилучшим, наивысшим и комфортным образом, – как будто читает мои мысли Джая: – На нашем жаргоне это называется «пыщ-пыщ». Согласна?

С светки в белый сугроб шумно падает охапка снега. Следом серебристым дождём сыплются мелкие блестящие снежинки. «Пыщ-пыщ»? Ну-ну. Коротко киваю головой:

– Да.

Утро начинается в сумерках. Марк зовёт меня по имени – тревожно просыпаюсь. Пять утра... Чугунная голова требует отдыха, но на это нет времени. Воспоминания о сне растворяются перед необходимостью жить здесь и сейчас. Пока на газовой горелке подогревается вчерашняя каша, мы пакуемся, затем завтракаем.

Бегу на озеро мыть посуду. Пока мы собираемся, просыпается и солнце. Я спускаюсь к воде и вижу оранжевое чудо, сияющим апельсином выплывающее над деревьями. Доброе утро, солнце. Его свет пока ещё не слепит, и я с удивлением созерцаю это зрелище, забыв про кастрюльки и ложки.

Восход солнца сопровождается изящной оранжевой дорожкой, играющей на тихой утренней воде озера: я вижу её за редкой шторкой из тихо шуршащего высокого тростника, растущего здесь же. Меня так очаровывает это зрелище, что я смотрю на восход, продолжая на ощупь мыть тарелки и едва не забываю забрать из озера уплывшую на дно ложку. Оторваться невозможно. Солнце растёт всё больше и больше, освещая поверхность озера мягким оранжевым светом. Веточки деревьев начинают светиться, и сонная тишина сопровождает это чудо. Надо уже идти, автобус ждать не будет...

– Привет... Солнце...

На небе крупной малярной кистью небрежно сделано три мазка, словно Бог ещё не решил, какое небо сегодня нарисовать: в этом и заключается таинство восхода, как начало сотворения нового дня.

...Собираемся мы быстро, но ещё быстрее потом Марк бежит по дороге, а я чувствую себя каким-то старым механизмом, который вот-вот рассыплется, и умоляю поочерёдно то

колени, то шею потерпеть. Бесконечная дорога проходит по ещё спящему лесу. Марк убегает вперёд, дожидается меня, часто поглядывает на часы и потом говорит:

– Я побегу вперёд и остановлю автобус.

Соглашаюсь, отпускаю его, но в итоге он всё-таки дожидается меня, и мы идём рядом: время терпит. Иду, как могу, а рюкзак хочет вернуться в лагерь или остаться в лесу. Угрожаю ему одиночеством, утягиваю ремни как можно туже, прилепляя его к себе или, скорее, себя к нему, – самообман какой-то.

Вот бы нашёлся мужчина, чтобы нести мой рюкзак. Ну, пожалуйста! Глупо рассчитывать на это, конечно.

На автобусной остановке мы видим двух местных жительниц, незнакомую мне девчонку-автостопщицу в экзотической широкополой шляпе и платье, похожем на средневековое, а также Демократа – одного из наших. Демократ – настолько колоритная личность, что я не смогла не познакомиться с ним ранее. Он – обладатель белых длинных волос, такой же белой густой бороды, философского склада ума и нескончаемой доброжелательности. Одним словом – безработный ввиду летнего сезона Дед Мороз. И тут к остановке подходим ещё мы, с рюкзаками! Не компания, а инсценировка из жизни.

Местные жительницы держатся от нас подальше, переглядываются. Они одеты в аккуратно отглаженные платья скромного покроя и имеют даже эти... как их... причёски на голове. И рты накрашены. От них пахнет работой и буднями, от нас же – приключениями, костром и анархией.

Знакомимся с девчонкой, излучающей в диапазоне километра: она едет в Москву, автостопом, одна.

– Ты почему одна-то едешь? – спрашивает её Марк.

– Да... Одной уехать быстрее, – улыбается она.

Оказывается, что уже сегодня к обеду ей надо успеть на какой-то аэропорт в нескольких сотнях километрах отсюда, и билет уже куплен.

Девочка демонстрирует доброжелательное отношение к миру, без которого в автостопе делать нечего, причём этот настрой закрепляется особенностями процесса визуализации. Наконец, автобус приходит.

Кондукторша, проецируя общественное негативное мнение относительно «понаехавших тут» требует платить ещё и за рюкзаки, или же везти их на руках. Мы исполняем её бред, взяв рюкзаки «на ручки», хотя автобус едет полупустой. А девочка, не изменив своего позитивного настроения, говорит ей и остальным местным:

– А знаете, завтра наши ребята будут давать концерт в вашей библиотеке. Приходите, будет интересно! – то есть она остаётся на своей волне. Фантастика!

История завтрашнего концерта такова: накануне два фестивальных парня забрели на местную ночную дискотеку, на которой были только они вдвоём, и ещё библиотекарьша. Она посетовала, что в их деревне ничего не происходит. Ну, то есть совершенно. Скукота страшная. И предложила состряпать нашим какой-нибудь концерт, причём из любых номеров.

Помню тогда кто-то на обсуждениях, посмеиваясь, высказался:

– Ага... Фаер-шоу в библиотеке... Такое надолго запомнится...

...В Невеле Демократ неожиданно подхватывает мой рюкзак и помогает донести его до автовокзала – я только успеваю бежать следом за мальчиками и удивляться происходящему.

На автовокзале Марк хочет зарядить свой телефон, в котором есть карта Невеля и интернет, но розетки все оторваны, и вдобавок туалет – платный. Невозмутимый Марк, обшарив все углы и убедившись, что «ловить тут нечего», зовёт меня дальше, и мы, уже без Демократа, доходим до железнодорожного вокзала, где есть и розетки, и бесплатный туалет.

Марк втыкает телефон на зарядку, и пока «проценты бегут в батарейку», он изучает тот телефон, которой прямо перед поездкой дала мне подружка Танечка.

Марк ставит свою симку в этот телефон и скачивает в него приложение, позволяющее заиметь схемы отдельных городов: наряду с навигатором это позволяет, даже при отсутствии интернета, знать в каком месте города ты находишься. К тому же в поиске можно найти нужную улицу и дом, и узнать каким транспортом лучше добраться до черты города. Плюс телефоны и адреса разных компаний, магазинов, гостиниц и такси. Крайне полезная информация.

Ещё Марк рассказывает мне о возможности выхода в интернет через телефон, делится своими тарифами и в конце восклицает:

– Где ещё ты видела такие цены?!

Я послушно киваю головой. Вот это да! Ещё неделю назад я понятия не имела, что такое смартфон, а теперь знаю какую симку купить, как выходить в интернет в любое время, и как узнать своё точное местоположение, – похоже я учусь плавать, просто прыгнув в воду и пропустив теоретические занятия на берегу. Это событие – встреча с Марком и его знания – даёт мне основания полагать, что нет смысла в серьёзной теоретической подготовке при начале нового дела, нужно просто начать его делать, пусть даже ошибаясь. Шагнуть. И уже в процессе придёт нужная информация, люди и знания.

Забавно. Если только это не касается хирургических операций на сердце, конечно.

В Невеле я забегаю на почту: отправляю открытки тем, кто этого хотел. Потом на остановке мы, поедая вкуснющие невелиские пирожки, ждём автобус, который идёт за черту города. Уступаю место на скамейке грузной женщине с большой тележкой, а сама сажусь на кирпич, лежащий на земле, – обеим так удобнее. Это происходит под всеобщее молчаливое одобрение присутствующих, и это отзывается солидарностью позже.

Маршрутка приходит маленькая, мы едва втискиваемся в неё вместе с двумя своими рюкзаками, но люди относятся к нам благосклонно. Когда же водитель даёт нам неправильную сдачу, все дружно начинают возмущаться и кричать:

– Мы свидетели! Они передавали 100 рублей, а не 50! – и заставляют водителя расплатиться адекватно – тот недовольно повинуетя.

На конечной остановке вываливаемся наружу позже всех: дальше автобус не идёт. Солнце уже над головой, идём на трассу. Марк поднимает руку, и тут же возле нас тормозит грязный грузовичок, в кузове которого катается несколько одиноких арбузов. Кузов тоже неимоверно грязный. Молча водитель закидывает оба рюкзака в компанию к арбузам.

Водитель беседовать не расположен. Я делаю попытки к разговору дважды, но после обсуждения погоды – беспроектная тема, кстати, – тоже замолкаю. Молча он провозит нас какое-то расстояние, высаживает и едет дальше по своим делам. Мой рюкзак после грязного кузова имеет плачевный вид, а Марк по этому поводу не парится: его рюкзак грязно-серый уже давно.

Дальше мы идём пешком. Загрызаю ещё пару пирожков.

В итоге оказываемся на месте с широкой обочиной, и это трасса, идущая на Москву. Ах, вот ты какая! Ну, наконец-то.

Машины едут довольно быстро, но терпимо. Всё складывается хорошо. Предполагается, что до Москвы мы доедем вместе, а там разбегаемся – у Марка вписка на юге города, у меня – на севере.

Не особо парясь, Марк кидает свой рюкзак на грязную дорогу: лямки у рюкзака болтаются, в изобилии черпая придорожную пыль. На моё предубеждение он говорит:

– Будешь так думать, только чистые машины и будешь ловить, а подвозят в основном другие...

Машину ловим по очереди. Час – Марк, час – я.

– Когда голосует один, другому не надо поднимать руку, – учит меня Марк. – Иначе это будет означать, что мы едем отдельно.

Час безуспешного автостопа. Затем второй.

– Ладно, – спокойно решает Марк. – Устроим перезагрузку. Сходи, найди воды, а я пока кофе сварю.

Он достаёт из рюкзака мини-горелку с газовым баллоном и котелок, наливает туда воду. Беру опустевшую бутылку и ковыляю к ближайшим домам – благо они стоят прямо у дороги. Возле домов никого не видно, и пару раз я кричу:

– Хозяева! Есть кто дома?

Но в одном окне только дёргается занавеска, а возле другого на меня кидается огромная цепная собака. Успеваю рефлекторно попятиться за пределы её досягаемости – заходить за забор без хозяев я и так никогда не рискую. В конце концов, привлечённая её лаем, из дома выходит суровая женщина и подходит ко мне.

Улыбаясь как можно дружелюбнее, я показываю ей на бутылку и прошу воды.

– Ладно, – соглашается она нехотя. – Только вода у нас с сероводородом.

Согласно киваю головой, она исчезает, уходя в дом. Собака успокаивается, зевает и, звеня цепью, уходит в тень, но ровно настолько, насколько исчезает женщина. Я понимаю, что она идёт обратно, когда собака снова старательно начинает исполнять свою службу: активно брызгая слюнями, прыгает, демонстративно кидается в мою сторону и лает, натянув цепь, – меня это забавляет.

Беру бутылку, благодарю и удаляюсь.

К этому моменту на грязной, усыпанной мусором, обочине дороги Марк уже приготовил кофе – настоящий, заварной, ароматный. Подобные несоответствия будут часто преследовать меня на протяжении всего путешествия.

Глава 10

Я себя люблю, я у себя одна и в обиду больше не дам.

Воду, принесённую мной, Марк бракует и предлагает тут же вылить – она действительно сильно пахнет тухлыми яйцами. Но я добыла её с таким трудом, что не позволяю: лучше такая вода, чем вообще никакой.

После «перезагрузки» я надеваю парео в качестве юбки, Марк начинает голосовать, и рядом с нами почти сразу останавливается легковая машина.

Водителя зовут Марсель, он не спал двое суток и подобрал нас потому, что боится заснуть за рулём. Пол машины усеян банками из-под энергетических напитков. Но, судя по его измождённому уставшему виду, не помогает уже и это.

Хорошо знаю это состояние: после суточного дежурства в ветеринарной клинике утром наступало нечто подобное, часто отягощённое парочкой критических пациентов, которые требовали мониторинга, жить наотрез отказывались и приходилось «тянуть» их всю ночь, в надежде на то, что они передумают.

Утром, когда приходила дневная смена, пациенты передавались в новые руки, а я ещё какое-то время сидела на диване, тупо глядя на комок из одежды, в которую следовало переодеться, чтобы пойти домой. А дома выключалась на сутки, упав в беспробудный сон.

Марсель же не спал целых двое суток.

– Может, музыку включить погромче? – предлагаю я сочувственно.

– Пробовал, – говорит он ватным языком. – Не помогает.

– Массаж ушей! – выдаю я очередной рецепт «как не уснуть за рулём, если не спал двое суток».

Марсель деревянной рукой массирует себе одно ухо. Потом другое. Смотрит на меня, как бы требуя продолжения советов.

– Ещё апельсиновое масло можно нюхать, – отвечаю я на его вопросительный взгляд. И, наконец, сдаюсь: – Но лучше всего – и это все говорят, между прочим – лучше всего встать на обочине и полчаса поспать.

Марк поддакивает мне, сидя сзади. Марсель медленно возвращает свой сонный взгляд на дорогу. Останавливаться ради сна он не хочет. Единственный раз он тормозит у придорожного магазина: покупает себе ещё один энергетик, тут же выпивает его и кидает пустую банку на пол машины.

Мы едем по дороге на Москву, и это хорошо. Но то, что водитель такой сонный – это плохо. Мне его жалко, и я ничего не могу поделать, кроме как служить раздражителем, чтобы он не убился. Вместе с нами.

Марсель ездил по делам, но кем работает – не признаётся. Не настаиваю. Он спрашивает, кто для меня Марк.

Отвечаю, что мы просто напарники.

– Ты замужем? – Марсель смотрит на меня грустными карими глазами. Я только улыбаюсь. На мне цветастой юбкой надето парео, и я вся такая радостная-прежизнерадостная, похожая на женское существо, одним словом.

Марсель жалуется мне – оказывается, он разошёлся с девушкой – и теперь такой красивый молодой парень не может найти себе другую! Это нонсенс какой-то. Разве такое возможно? Я смотрю на него, как на динозавра. Он необыкновенно симпатичен, только слишком молод, но это недостаток, который быстро проходит.

– Марсель! Ты шутишь, да? – моё недоумение невольно делает ему комплимент.

Он молчит, вздыхает, смотрит на дорогу. Вот печалька-то печалька... Пытаюсь завязать разговор, чтобы развлечь его. Говорим о всякой всячине, и в итоге спрашиваю, возвращаясь к вопросу отношений:

– Вот скажи мне, что ты больше всего ценишь в женщине? – это у меня опросник такой.

Он зависает и надолго. Думает, думает... В конце концов приняв решение, восклицает:

– Котлеты по-киевски!

– Что? – вот не ожидала такого ответа.

– Котлеты. По-киевски.

– И... всё? – я в недоразумении и это мягко сказано.

Нет, я, конечно, предполагала, что женщина должна хорошо готовить, но, чтобы вот так вот огоршить котлетами... По голове...

– Да и хватит, – согласно самому себе кивает головой Марсель.

Котлеты. По-киевски. Надо будет погуглить, что это за приворотное зелье такое.

Потом он рассказывает, что его Родина – это Кавказ, и я, исчерпав свой основной запас тем, начинаю громко цитировать отрывок из стихотворения²⁶:

«И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза
Снегами вечными сиял...»

Марсель поворачивает голову и смотрит так, как будто в первый раз слышит Лермонтова.

– О, Боже, Марсель, смотри на дорогу! – он поворачивает голову обратно, но через пару секунд замечаю, что опять смотрит на меня.

Смущаюсь. Лермонтов. Миша Юрьич. «Демон». В школе учили. Какбэ. К моему тотальному облегчению, Марсель возвращает свой взгляд на дорогу, и тогда я заканчиваю то, что продолжает толпиться в памяти, требуя окончания, без должной уже интонации и в сокращённом виде:

«... И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего».

Блин. Что-то я погорячилась с Лермонтовым, что ли... Марсель берёт меня за пальцы руки и спрашивает, блестя бархатными, как у цыгана, глазами:

– Так ты замужем или нет?

Хочется ответить ему очевидное: какой нормальный муж отпустил бы меня в такое путешествие? Но я только вежливо улыбаюсь, утаскиваю свои пальцы и говорю:

– Марсель. Держи руль двумя руками.

Чуть не процитировала: «Водитель, если ты одной рукой держишь руль, а другой обнимаешь красивую девушку, помни – и то, и другое ты делаешь плохо!», но профильтровав сию фразу в уме, понимаю, что ехать «на халяву», да ещё говорить водителю, что ему делать – это верх наглости.

²⁶ М.Ю.Лермонтов, «Демон» (прим. автора).

Поскольку Марк сидит сзади, то развлекаю водителя я. Пять минут едем молча. За это время Марсель, сидя с открытыми глазами и глядя прямо на дорогу, успевает заснуть, – не думала, что такое возможно! Машину начинает медленно выносить на встречную полосу. Мы едем довольно быстро, а машина тихонько ползёт на встречу!

– Марсель! – ору я.

Он возвращает машину на нашу полосу, смотрит на меня удивлённо:

– А?

– А давай мы остановимся на обочине, и ты поспишь, а?

– Нет. Надо ехать, – говорит, не сбавляя скорости, он.

Вот ведь... Проверяю ремень безопасности. Я говорила, что боюсь машин и изнутри, и снаружи? Мы продолжаем ехать, и через какое-то время опять тихонечко начинаем выползать на встречу. Марсель между тем смотрит прямо перед собой, стеклянные глаза открыты.

– М-м-марсель. Мы. Едем. Н-н-на. Встречку! – говорю я ему членораздельно, начиная заикаться.

Он вздрагивает, смотрит на меня взглядом «Кто здесь?» и только после этого решает, наконец, остановиться.

– На вот понюхай. Сразу в себя придёшь, – говорю я участливо, открываю бутылку с сероводородной водой и сую ему под нос. По салону разносится мощный запах тухлых яиц.

– О-о-о! Что это!? – глаза его резко проясняются – круче нашатыря водичка-то.

– Живительная влага! Энергетик нового поколения! – я трясую бутылкой, отчего снизу поднимаются пузырьки и запах усиливается. – Пей, или спи! Другого рецепта нет!

Взвесив все «за» и «против», Марсель принимает правильное решение – мы съезжаем на боковую дорогу, встаём на обочину и засыпаем. Марсель выключается первым, а следом и мы. Основная трасса далеко, до нас едва доносится звук проезжающих машин. Тихо звенят одинокие лесные комары, дистрофичные, будто только что вылупились из дебрей городского подвала.

Спустя каких-то полчаса, мы все одновременно просыпаемся и как ни в чём не бывало едем дальше. Марсель становится свеж и бодр. Больше старается не разговаривать, я тоже молчу, а Марк и подавно.

За час до подъезда к Москве прошу остановиться, убегаю за деревья и переодеваюсь обратно в штаны: ещё не хватало в Московском метро ходить в шлёпанцах, будучи обмотанной платком! Впрочем, выбор невелик – выходного чемодана с собой нет.

Возвращаюсь. Марсель восклицает разочарованно:

– Зачем переделась?

Объясняю. Он грустнеет.

Дальше едем молча. Грандиозным малиновым закатом на всё небо позади нас садится солнце, отражаясь в боковом зеркале машины. Смотрю на это зрелище. Наконец, оно полностью заходит за горизонт, и дорога погружается в сумерки. В Москву мы въезжаем уже в темноте, освещаемой светом множества других машин, толпящихся в несколько тесных рядов. Каждая норовит втиснуться в просвет, едва заметив несколько сантиметров пустого пространства между другими машинами. А, привет, Московская пробка.

Марк высаживается раньше, прощаемся. Я и Марсель едем дальше. Говорю, что мне нужно любое метро. Марсель наклоняется к навигатору и голосом чётко задаёт ему:

– Ближайшее метро!

Навигатор выстраивает маршрут, и мы едем по нему.

– Марк – твой муж? – Марсель опять возвращается к своему вопросу.

Я молчу, и он добавляет:

– Не хочешь отвечать?

– Ну, ты же не сказал, кем работаешь. Вот и я не буду отвечать, – парирую я, мило улыбаясь.

Как бы мне этак... доехать-то до метро без приключений интимного рода...

Марсель доезжает до конечной точки, тормозит и берёт меня за руку повторно. Ладонь у него тёплая и большая. Он очень грустный. Я поворачиваюсь к нему лицом и с умным видом «я тёртый калач» вещаю:

– Марсель. Не разменивайся на тех, кто тебе не предназначен, – и руку свою забираю.

Во, завернула. Марсель переваривает сказанное и решает уточнить:

– Не предназначен?

– Да. Я, например, тебе не предназначена, – поясняю я. Хочется добавить «тебе ещё детей рожать» – так я думаю обо всех молодых парнях, что им нужны молодые девчонки, а не я.

– А в чём твоё предназначение? – спрашивает в отместку он.

– Вот это я и пытаюсь узнать, – философски замечаю я, меж тем плавно мигрирую из машины.

Марсель, озадаченный философской фразой, выходит следом за мной. Я уверенным голосом даю ему положительную установку:

– У тебя всё сложится очень хорошо, вот увидишь. Где-то через неделю.

Прям ясновидящая, да ещё и с конкретикой. Но на самом деле это неизбежно – это очевидно, что у него всё сложится, я это очень чётко вижу, чего не могу сказать о себе.

Марсель достаёт из багажника рюкзак, я впрягаюсь в лямки, пытаюсь изобразить лёгкость. Вы когда-нибудь пробовали накинуть на себя бегемота, одетого в комбез с непридуманной улыбкой на лице? Махаю рукой на прощание и иду за угол здания, за которым должно быть метро. Через несколько метров оглядываюсь: Марсель какое-то время стоит, потом садится в машину и плавно уезжает. Красные огоньки габаритов его машины медленно уменьшаются в размере. Невообразимо симпатичный и грустный красавчик.

...За углом здания меж тем оказывается торгово-развлекательный комплекс Метро, а не станция Московского метрополитена. Навигатор – такой навигатор. Пристаю к узбекам на автомойке, они в срочном порядке выбирают проводника, и тот радостно провожает меня до автобусной остановки, с которой можно доехать до метро. Благодарю. Отзывчивые люди, эти... эм... москвичи...

Вскоре подъезжает автобус. Захожу в него, покупаю у водителя билет и пытаюсь протиснуться в турникет, установленный внутри салона. Рюкзак в нём едва не застревает. Наконец, с облегчением плюхаю его на пол, и опускаюсь сама на ближайшее сидение. Люди смотрят на меня пренебрежительно, сверху вниз, хотя сидим мы на одном уровне. Видимо, это преступление – путешествовать через Москву, а не работать в ней, даже едучи в автобусе. Чужеродная энергетика прёт от меня за версту. Ну, что я сделаю? Устала я.

Отстраняюсь. Мне бы только до метро доехать. И до вписки. Меня там ждут. Помоюсь. Постираю вещи. Выплюсь. Заряжу гаджеты. Намечу дальнейший маршрут. Поживу дня два-три. И, самое главное, найду эту алюминиевую хрень, которую сломал мне «Слепой». Моя палатка нуждается в срочном ремонте.

Девочка, к которой я еду, правда, живёт с подружкой, но, надеюсь, адекватной. Очень хочется спать, смотрю в тёмное окно автобуса: там мелькает неприветливая Москва.

Женщина рядом со мной начинает жизнерадостно разговаривать. Она вспоминает, как ходила в походы, в её голосе – ностальгия, на лице – мечтательная улыбка. Спрашивает кто я и откуда. Рассказываю. Наличие рюкзака всегда притягивает разговорчивых людей. Чаще – бывших путешественников. Люди эти всегда интересные.

...Вписка в Москве внезапно обламывается. Посреди ночи оказываюсь в тёмном и холодном московском пространстве улиц с припаркованными машинами и пронзительно холодным воздухом.

Автостоп учит способности смиренно принимать любые обстоятельства и перемены, а также расслабленности и доверию ко Вселенной, – очень сложные уроки.

Утыкаюсь в шершавый ствол городской ивы, обняв её руками. Она мой проводник. У неё жёсткая и пыльная кора. На небе едва тускнеют единичные звёзды. Тоскливо вспоминаю о своём «племени», тех деревьях и том, густо усыпанном звёздами небе. Так иногда запланированные вписки оказываются хуже любых ожиданий. И наоборот.

Синим мягким светом горит салон одной из машин. Окно приоткрыто. Подхожу. Внутри мужчина слушает музыку.

– Простите, – обращаюсь к нему. – А где здесь можно купить сигареты?

Курю я только в экстренных случаях, таких, как этот. Мужчина показывает мне в сторону магазина, тут же отдаёт свою пачку сигарет и испуганно уезжает.

Сажусь на поребрике и курю, одну за другой. Зачётно вышло, ничего не скажешь, «внезапно», называется. Хоть палатку раскладывай на газоне. Только она сломана, кстати, не забыла? Впадаю в отчаяние. Интернета нет, потому что зарядка на телефоне села. К тому же есть очень хочется и спать. Живот уже режет от голода и курения натошак.

Неподалёку обнаруживаю дверь в какое-то одноэтажное помещение, захожу внутрь через узкую дверь. Никого, только синие от сумерек стены и одинокий стул в углу. Холодно. Снимаю рюкзак, сажусь на корточки и приваливаюсь к стене спиной. Мне бы тоже не помешал энергетик... Похоже, ночевать придётся здесь. Падаю в чуткий сон.

Маленькая тёплая уютная баня. Хорошо. Слегка потрескивают прогорающие угли внутри кирпичной закопчённой печки. Горячий воздух медленно вливается в лёгкие. Сажусь на верхней тёплой полке. Пар оседает на влажной коже и стекает струйками солёного пота вниз. Под низким потолком тускло светит лампочка.

Вдруг в баню кто-то входит, – громко хлопает дверь. Вздрагиваю. Ледяная кровь взрывается фонтаном брызг где-то возле сердца.

– Где ты тут, с-с-сука? – хрипящий мужской голос ввергает в оглушительную панику.

Вторая дверь распахивается, огромный чёрный силуэт заполняет дверной проём и приближается ко мне. От ужаса не могу даже кричать, зажимаюсь, сжавшись в комок.

Стальная рука хватается меня за волосы, стаскивает на пол, и я получаю мощный пинок снизу, в подбородок. Распластываюсь на холодеющем скользком полу. Свет гаснет.

– Тварь, – коротко констатирует мучитель.

Он сильно пьян. Мощной пятернёй хватается меня за шею сзади и трясёт, словно щенка. Позвонки отдаются звонкой болью.

Отбиваюсь кулаками:

– Пусти! Пусти меня!

Пытаюсь встать, лихорадочно думая, как сбежать. Мощная ладонь ложится на моё лицо и с силой толкает: падаю спиной назад, при этом поскальзываясь на мокром полу и приземляюсь у стены, собрав лопатками жёсткие выпуклости брусьев. Шампуни, стоящие на полу, с грохотом разлетаются в стороны.

– Убью, – с тупым решением заключает мужчина и начинает двигаться в мою сторону, скинув телогрейку прямо на мокрый пол. Взгляд безумный.

Кидаюсь к белому проёму двери, пытаюсь проскочить сбоку. С коротким матом он ловит меня за волосы, закручивает их на руку и после этого тащит наружу, на белый снег, мимо порогов и предбанника. Бьюсь коленками, отчаянно сопротивляясь. Он бьёт меня кулаком по лицу, разбивает губу. Горячая кровь солонит язык, капает на деревянный пол, а затем

на сияющий жемчужным белым светом снег. Грубый наст скользит под ногами, добавляя острой холодной боли.

Жертвуя волосами, вырываюсь из цепкой хватки и бегу в дом. Падаю, встаю, снова падаю. Руки и колени в ссадинах. Он сзади, пытит и догоняет. Вскакиваю. В дом мы попадаем практически одновременно: он пытается схватить меня, но я голая и скользкая, словно рыба.

На ходу он вытаскивает из брюк широкий сухой ремень, один вид которого устрашает. И с ходу опускает его на меня, вложившись всем телом в удар. Звонкий щелчок оглушающей болью бьёт по коже подобно электрическому разряду: ремень попадает жёстким каменным ребром.

– А-а-а! Больно! – кричу я, начиная корчиться и закрываться руками.

Следующий удар приходится по телу и пальцам. Боль, такая же сильная, как предыдущая, разносится по телу шокирующим потоком.

– БОЛЬНО! – в полный голос кричу снова, отползая всё дальше по холодному деревянному полу.

Точные удары сыплются методично и хлётко, один за другим. Пять, шесть... Каждый из них накрывает предыдущий всё новой порцией боли за гранью физической. Остаётся только кричать. Вскоре мои крики из звонких превращаются в хриплые и переходят в животный ужас. Громко и безостановочно я кричу «А-а-а!» каким-то чужим низким басом, и потом начинается кашель, будто кто-то отвратительный, мерзкий и чёрный пытается вылезти изнутри меня наружу. Этот кашель похож на рвоту, меня крючит и катает по полу, живот сводит мощными спазмами, а ремень продолжает опускаться снова и снова, оставляя жгучие полосы на теле. Под его ударами, на локтях и коленях ползаю на полу. За что же? За что?

От бесконечных ударов вскоре боль притупляется: слышу только звук от попадания сухого кожаного ремня по телу.

Мне надо на кухню.

Там на столе лежит нож: большой, длинный, острый. Заточенный на станке.

Я встаю на ноги и рывком порываюсь на кухню. Нож – вот он, на столе. Едва успеваю накрыть его чёрную рукоятку ладонью, порываясь взять, но мужчина опережает меня, отталкивая. От этого со звонким грохотом нож летит на пол, глубоко чиркнув меня по пальцам.

...А он хватает меня за горло. Я вижу пьяные мутные немигающие глаза, карие и глубокие, словно космос, и при этом он меня душит. Хрящи на шее хрустят в его ладони, безуспешно хватаю воздух ртом, пытаюсь разжать стальную хватку своими скользкими от крови пальцами. Где-то у висков рождается глубокая синяя боль, уносящая в беспамятство, и я оседаю вниз. Мне нужен вдох. Хотя бы один. Срочно. Вдох. Пожалуйста. Только один!

Тяжело оседаю на пол, и, отпускаяемая, тыкаюсь лицом в пол.

– Сучка, – смачно констатирует мужчина, поддав ногой в мягкий голый живот и, схватив за волосы, пытается перевернуть лицом вверх. – Сосать у меня будешь.

Другой рукой он пытается расстегнуть ширинку, путаясь в пуговицах.

...Вдо-о-о-ох! Он получается хриплый и громкий. Откашливаюсь до пустой рвоты, выпучив глаза. Боль разливается тёплым приятием, похожим на горячую кровь, шумящую в венах, после чего исчезает. Я становлюсь неуязвимой, потому что дальше уже не больно. Абсолютное принятие боли и тотальная неуязвимость.

Я подбираю лежащий рядом нож и прижимаю его к себе. Соберись же, детка...

Терять. Нечего.

Словно пружина, я вырываюсь и отпрыгиваю в сторону, но мужчина настигает меня. Штаны спущены и от этого он спотыкается, падая на четвереньки, после чего в неуклюжей погоне пытается подмять меня, навалившись сверху.

Решительно переворачиваюсь на спину иставляю нож вперед, сжав обеими руками и оперев его рукояткой себе в грудь.

Тяжёлая туша мужчины оказывается прямо передо мной – взгляд взбешённый – он наваливается на меня, уткнувшись в острие ножа. Его озверевшее красное лицо оказывается прямо перед моими глазами, и оно безумно. Из рта со звериным рычанием извергается перегар. Нож с некоторым сопротивлением втыкается в рубашку, и лезвие проникает прямо между его рёбер, протыкает ткань и проходит внутрь. Через жёсткость межрёберных мышц и воздушность хрустящих лёгких, в тугую мышцу сердца.

Выражение его лица внезапно меняется на удивлённое.

Я корчусь под ним, прижатая к полу огромным телом. Из его рта начинает течь пенная алая жидкость, после чего он влажно и надрывно кашляет мне в лицо тёплой кровью. Ещё и ещё. Толкаю тяжёлую кашляющую тушу, и наконец мне удаётся выбраться из-под него, перевернув на спину.

Я хватаю нож за рукоятку и резко извлекаю его из тела.

– С-с-сука... – мужчина удивлённо разглядывает дырку на рубашке. Его пальцы, прижатые к ране, окрашиваются красным. Пытается встать и дотянуться до меня, рот стремительно наполняется кровью.

Через какое-то время он, хрипя, заваливается на пол, на живот. Всё ещё дышит, часто, тяжело, но я знаю, что это закончится и довольно быстро. Гемоторакс. Тампонада сердца. Сглатывая и выплёвывая алую пузырящуюся кровь, он ползёт ко мне, вытягивая руки. Шагаю назад, пчусь, всё так же выставив перед собой нож. Мне страшно до леденящих мурашек. Он ползёт, окрашивая полы красным, и этим загоняет меня в угол кухни, где стоит ведро, на дне которого – вода. Пятясь, опрокидываю его ногой, резко шарахнувшись в угол, и с жестяным грохотом ведро падает на бок, вода проливается на пол.

Мужчина приподнимается, глядя мутнеющими глазами прямо перед собой, и падает навзничь, с силой ткнувшись лицом в пол. Больше он не двигается.

...Через несколько секунд приходит осознание. Я убила его... Убила человека...

Нож, всё ещё зажатый в дрожащих руках, трясется. Меня уже колотит всю – то ли от холода, то ли от ужаса. Кладу нож на стол, едва заставив себя разжать пальцы. Внутри вибрирует горячий ужас и осознание нереальности происходящего.

– А-а-а-а... – тихий писк, похожий на скуление, рождается изнутри, пока я сползаю по стене на пол.

Не может быть. Я не могла его убить. Это невозможно. Нет. Но огромная неподвижная куча в виде человека лежащая рядом, говорит об обратном.

– У меня не было выбора... Не было выбора... – оправдываюсь я перед кем-то, всхлиывая. Всплипы быстро переходят в громкие несурзные рыдания. Меня колотит и трясёт.

– Проснись, – раздаётся возле уха. – Просыпайся же!

Вздрагиваю, резко вскинув руки:

– А-а-а-а!

...Вокруг меня только сумеречные синие стены. Меня крупно колотит. Стул по-прежнему стоит в углу, и на нём сидит Джая – тусклый силуэт с крыльями. Короткими прыжками прочь уносится чёрная крыса и исчезает в проёме двери. Это был сон, только сон, но он так реален, что я ещё какое-то время разглядываю свои дрожащие руки, будто на них осталась чужая кровь.

– Я убила его, – в ужасе твержу и твержу я, слёзы льются из глаз двумя потоками. Вспливаю, подавляя рыдания.

– Ага, – поддакивает Джая. – В одной из своих прошлых жизней.

– Поэтому, да? Поэтому я одна?

– Ага, – опять отвечает всезнающий Джая. – Боишься мужского начала, не можешь сладить с этой силой. Нет в тебе ни покорности, ни кротости. Тянешься вроде к мужчине-то, а потом эта историческая память приходит.

Всхлипываю, продолжая дрожать.

– Я не хотела. У меня не было выбора, – я безобразно и громко икаю, начиная рыдать.

– Выбор есть всегда, – Джая, как всегда, говорит истинами. – И хорошо бы тебе переписать этот сценарий.

– Переписать сценарий? Как? Когда? – едва сдерживаю истерику.

– Сейчас давай. Чего затягивать-то, – Джая спокоен. Он подходит ко мне и крепко обнимает, прижав к телу: – Ну, ну. Тихо, тихо. Всё хорошо. Я рядом. Плакать – это нормально. Ошибаться можно. Я тебя слышу. У тебя всё получится. Ты справишься. Ты больше своих эмоций.

От этого участия меня прорывает окончательно, и я рыдаю в полный голос, уткнувшись в своего тёплого Ангела и чувствуя пальцами рук перья на крыльях за его спиной.

Понемногу успокаиваюсь.

– Давай, нам нужна другая концовка, – направляет меня Джая.

– Я попробую, – остаточные всхлипы и хриплый голос выдают мою расстроенность. Делаю глубокие вдохи диафрагмой...

– Нет, пробовать не надо. Просто перепиши.

Итак, баня, и я голая. Итак, мужчина, который ворвался туда и вытащил меня за волосы на улицу. Я попадаю на кухню. Какой же сценарий выбрать...

На кухне есть нож.

– Не думай про нож, – тут же отчётливый голос Джая возникает в моей голове.

Это почти как «не думай про белого медведя»... Что ж...

На кухне есть ведро, на дне которого – вода. Я бегу мимо ножа, в угол кухни, а мужчина, расстрёгивая ширинку, нагоняет меня. Поворачиваюсь к нему лицом, и, пятась, опрокидываю ведро ногой, резко шарахнувшись в угол. С жестяным грохотом ведро падает на бок, вода проливается на пол. Длинная дорожка воды течёт по направлению к мужчине.

– Лужа на полу, Джая. Что мне от этого?

– Ну ок, ок, – загадочно говорит Джая. – Пусть так. Лучше, чем ничего.

Мужик, заплетаясь в штанах, двигается ко мне и поскальзывается на луже воды, всплеснув руками в воздухе. Мне показалось, или Джая поставил ему подножку? Словно в замедленной съёмке, огромная туша медленно опрокидывается на спину, продолжая движение вниз, и головой встречается со столешницей. Мощный удар приходится на затылок. Наконец, спустя вечность, всё тело приземляется и лежит уже неподвижно, разбросав по столам руки и ноги.

Я стою в потрясении, зажав рот ладонями.

– Чего стоим? Кого ждём? – торопит меня Джая.

– Он... живой? – я смотрю во все глаза на лежащего в луже воды человека.

– Обижает, – шмыгает носом Джая. – Конечно, живой. – И бурчит под нос: – Ещё я людей не убивал...

Я бегу одеваться. Быстро набрасываю в объёмную сумку документы и вещи, бегу к выходу и на пороге оборачиваюсь: мужчина на полу начинает ворочаться и мычать.

Быстро сунув ноги в огромные валенки, выбегаю из дома.

– Так, да? Так надо было? – спрашиваю я у Джая.

– Не совсем, – уклончиво говорит Он. – Надо копать глубже. Почему в твоей жизни возник такой мужчина... Зачем тебе этот опыт... Когда он возник впервые... – и Он пространственно машет в воздухе рукой. – Как-нибудь займись этими раскопками...

Ладно. На сегодня с меня достаточно соплей и слёз.

Безразличное московское солнце встречает тусклым рассветом.

...С утра звоню Юре – с ним мы познакомились по интернету и никогда не видели друг друга.

– Юр, привет. Можно к тебе приехать? – у меня нет других вариантов. Остальные знакомые «живут на табуретке» или не звали меня в гости, а он имел неосторожность позвать. «На денёк». Поэтому я набираюсь наглости.

– Когда? – спрашивает он.

О, Боже, прямо сейчас, конечно же.

– Когда тебе удобно, если это удобно вообще, – отвечаю я, попутно выкуривая ещё одну сигарету.

У него есть девушка. Симпатичная, кстати, поэтому добавляю:

– Я сплю в спальнике, не кусаюсь и ревновать ко мне глупо ввиду моего возраста.

Юра называет адрес, по пути покупаю печенье. Моё отчаяние выражается в дальнейшем выкуривании «канцерогенных палочек», одну за другой.

В маршрутке водитель-узбек приветливо спрашивает:

– На заработки приехала, да? – принимая за свою.

– Нет, я автостопом путешествую, из-под Питера еду, – отвечаю ему.

Он удивлённо вскрикивает:

– А мне тогда деньги зачем дала?

Хочу. Да потому, что мы в городе, а не на трассе, вот почему!

...Юра носит тяжёлый гипс на ноге и выгуливает йорка своей девушки – так меня и встречает, на костылях. Рада им обоим: и Юре, и йорку, хотя я йорков не очень-то люблю. Профессиональная деформация. Закидываем мой рюкзак домой и делаем кружок вокруг дома, прогуливая собачку.

Я рада, так рада.

Юра – очень целеустремлённый парень, настоящая личность, и я прям горжусь таким знакомством. Он готовит обед, пускает в душ, даёт постирать вещи и определяет в комнату. Я стою под душем в ванной и созерцаю, как от грязной воды, стекающей с меня, коричневеет её дно. Тем блаженнее моя физиономия, когда я выползаю оттуда, переодетая во всё чистое. О, счастье – это просто, очень просто!

В это время моё бельё стирается – Юра предусмотрительно поставил какой-то деликатный режим, потому что стираются все вещи сразу.

Потом мы едим горячую картошку и разговариваем о разных вещах. Юра говорит, что гипс ему будут снимать в середине октября. Смеюсь. Прямо в день моего рождения, я это запомню...

Ночью дрыхну без задних ног. «Спасибо тебе, Господи, за ночь, за сон». Вернее, за отсутствие снов...

Глава 11

Ты заходи, если что (мультфильм «Жил-был пёс»).

Утром Юра говорит:

– Мне сегодня в обед придётся уехать.

– И мне? – пытаюсь уточнить я.

– Да.

О, нет! Эта дуга для палатки, где её искать? Разве я успею?

До обеда мне нужно найти её и починить палатку, а после обеда как-то попасть на Новорязанское шоссе и уехать из Москвы. Автостоп «в ночь» – это «жесткач», но, похоже, у меня нет выбора.

Безуспешно проползав через смартфон в интернете и не найдя ничего подходящего, я выхожу из дома, и огромная Москва принимает меня в свои урбанистические объятия. Видон у меня что надо: шлёпки, штаны, бадлон и дюралевая палка в руках, – здравствуйте, что называется.

Здесь мерзкая вода, отдающая тухлым хлорированным водопроводом. Дети сидят, будучи заключёнными в коляски, притянутые лямками. Взрослые заняты накручиванием себе статусов. А я вспоминаю счастливых фестивальных детей, рисующих друг на друге красками.

Дохожу до ближайшего спортивного магазина, продавцы предлагают дуги из фибергласа. Других нет.

– Посоветуйте, где они могут быть? – в отчаянии спрашиваю я.

Девушки-продавщицы пожимают плечами: одна, вторая... я не уйду отсюда, пока не узнаю, куда идти.

– Пошлите меня уже куда-нибудь! – восклицаю при виде третьей.

Она оценивающе смотрит на меня, затем на предмет моих поисков и говорит:

– Знаете... Здесь у перекрёстка есть магазин «Рыболов», мы с мужем как-то забежали туда, прячась от дождя. Там такой продавец хороший, он всё знает.

Я чуть не кидаюсь её обнимать. Время 10.00, в 13.00 мне надо быть у Юры. Бегу к «Рыболову».

Замечаю между тем, что прямо по шоссе идёт странный парень – шатается, теряет равновесие, заваливается, отвесно падая прямо на асфальт. Потом встаёт и идёт дальше только затем, чтобы опять упасть, споткнувшись о собственные ноги. За ним в боковое зеркало своей машины с интересом наблюдает водитель газельки.

– Что это с ним? – спрашиваю его.

Он усмехается и молчит.

– Задавят же! – восклицаю я встревоженно. Шоссе пусто только потому, что на светофоре красный, но машины уже построились в ряд, готовые ехать.

Блин. Чёрт. Ёлки. Вот ведь БЛИН ЖЕ, а!

Бегу к парню, хватаю за руку, оттаскиваю на тротуар, – он едва шевелит ногами. Алкоголем не пахнет, но глаза стеклянные. Нарик, что ли?

– Вам нужна помощь? – спрашиваю его отчётливо.

– Да, мне нужна помощь, – говорит механическим голосом он, отбирает свою руку и продолжает идти, продолжая падать и подниматься. К счастью, всё это происходит уже не на шоссе. Рядом замечаю машину, в открытом окне которой – водителя.

– Пожалуйста, вызовите «Скорую»! – прошу я.

Я бы сама могла, «112» с сотового, я помню, но не смогу назвать адрес!

– Он на территории Торгового Центра, – безразлично говорит водитель машины. – Вот они пускай и вызывают.

Парень продолжает идти, к счастью, как раз по направлению к Торговому Центру. Забегаю внутрь, бегу к скучающему охраннику:

– Там парень похож не в себе, – говорю ему.

Охранник выходит на улицу и видит, как парень с грохотом сносит собой часть ограждения. Он оттесняет его к перилам лестницы и начинает что-то говорить по рации. Уф-ф-ф...

В «Рыболов» я врываюсь пулей – мне самой нужна помощь, причём срочная. Продавец испуганно вздрагивает, услышав с порога громкое:

– Помогите! – с отчаянным видом я кладу перед ним свою палку: волосы растрёпаны, глаза горят и вдобавок пыхчу, как паровоз.

– О... – оценивающе смотрит он на неё. – Ого! – оценивающе смотрит он на меня. – Таковую... палку... можно найти только на птичьем рынке.

– Где это? Где? – ищу в кармане блокнот, карандаш и смартфон, с громким треском вываливая всё это на исцарапанное толстое стекло витрины. Странно то, что дюралевые штуки продаются на птичьем рынке. Разве они живые?

– Это... торговый комплекс на окраине Москвы, «Садовод».

Я набираю это в смартфоне, и умный гаджет прокладывает путь. Попутно я признаюсь, что работала ветеринарным врачом – не хочу остаться в долгу – и рассказываю продавцу про заболевания кошек, передающиеся иксодовыми клещами, и какие капли надо накапать на холку кошке, чтобы вывезти её на дачу и не бояться. Он остаётся доволен, а я бегу дальше, потом еду в метро. От метро до рынка ехать ещё сорок минут. Где-то тут должен быть бесплатный автобус, если верить интернету. Ловлю какого-то мужика – он нерусский и явно водитель одной из маршруток, готовых отвезти туда же за деньги:

– А где здесь останавливается бесплатный автобус?

Он смотрит на меня, усмехаясь:

– Бесплатный? Нет таких.

– Нашла у кого спрашивать, – подзуживает надо мной Джая изнутри головы.

– Помогите лучше найти остановку! – парирую Емю про себя.

– Слева она, – отвечает Джая с готовностью.

Поворачиваю голову и вижу её – остановку бесплатного автобуса. «Нет таких», ага. Остановку можно увидеть издали, определив по количеству народа: часть из них сидит на пузатых синих сумках. Затискиваюсь вместе со всеми в подошедший автобус, едем.

Рынок огромен. Он похож на муравейник или на город в городе: все суетятся, отовсюду нависают кучи одежды, давят сверху. Люди прямо передо мной, как назло, ползут улитками, а время, меж тем, близится к обеду.

Расспрашиваю всех подряд о месте нахождения птичьего рынка в этом столпотворении. Показывают. Когда у меня есть время, я обычно иду искать сама. Сейчас, когда времени в обрез, я спрашиваю, спрашиваю, спрашиваю, и это – уроки борьбы с интровертностью. Не спросишь – не успеешь сделать. Фактически это вопрос выживания, что является достаточной мотивацией для действий.

Быстро иду по рядам, ловко огибая людей, тележки, ящики с товарами и нахожу нужный отдел, уставленный палатками и столами с туристическими предметами на них. Но не успеваю я шагнуть на эту территорию, как утыкаюсь в первого же прошаренного продавца, который, видя мою дюралку, тут же громко и уверенно восклицает:

– А-а-а! Нету. Даже не ищите!

Зашибись. Ну, как так-то...

– Вы же спасёте меня? – слабым голосом спрашиваю я: щас разревусь, точно. – Мне палатку сломали. А я автостопом еду, мне без неё никак...

Мужчина вздыхает, поворачивается боком и кричит:

– Ва-а-ась! Где эти хрени продаются? Дюралевые?

Из-за стенки высовывается бородато-волосатое лицо, вероятно, Васи, и он оценивающе смотрит на палку, которую я для большей видимости выставляю впереди себя, вытянув руку. Потом Васино лицо исчезает обратно, и через паузу из-за стенки раздаётся уверенный голос:

– Магазин «Сплав» – они занимаются алюминием.

– О-о-о! Спасибо! – я готова расцеловать этого Васю.

...Озадачиваю смартфон новой целью: он послушно выдаёт несколько адресов магазинов, нахожу ближайший. Надо спросить, есть ли в наличии... Звоню туда, но мне отвечает автоответчик, который рассказывает миллионпицот минут про их чудесный магазин. Я в роуминге, и это дорого, поэтому решаю доехать и узнать на месте.

Бегу обратно, на остановку автобуса. Еду до метро, потом в метро, потом ищу магазин, – время поджидает, умоляю его подождать. Иногда хочется, чтобы оно остановилось, а иногда, наоборот, думаешь – куда бы его девать в ожидании... Жаль, что нельзя перекинуть несколько минут с ожидания на спешку...

Магазин встречает меня большой вывеской, и я спускаюсь по ступенькам в просторное помещение. Продавцы неприветливые – тот, который мне нужен, демонстрирует фонарики мужчине, который никак не может определиться, какой выбрать. Я топчусь на месте, поглядывая на часы и помахивая палкой: меня игнорят.

– Витрину им разбей, – звучит в моей голове скучающий голос Джая.

– Слы-ы-ышь... – перебиваю Его. – Ты это... не в палатке, а в «обезьяннике» хочешь переночевать, что ли?

Хотя Ему-то что? В итоге выбираю менее хулиганский способ добиться своего – пристаю к продавщице-девушке, проходящей мимо, говоря при этом как можно вежливее:

– Простите, не могли бы ВЫ мне помочь? Или мне нужно обязательно дожидаться этого продавца? – и я указую на мужчину палкой, словно дирижёр.

Девушка, скривившись, останавливается. Не дожидаясь её согласия, протягиваю ей палку:

– Мне нужна вот эта хрень.

С неисчезающей кислой физиономией она уплывает за прилавок и достаёт оттуда коробку с алюминиевыми штуковинами, похожими на мои. Диаметр подходит, да. Только они без переходника, то есть в дугу не собираются.

– Брать будете? – вопрошает девушка, глядя снисходительно.

Без переходника это просто ненужные трубки, даже со скотчем.

– Нет, – отвечаю я, отчаянно выдохнув. – Но продайте мне нож. Вот этот.

Решение об этом приходит внезапно: у меня нет ножа, а ведь это наиважнейший атрибут в путешествиях! Как писал Стивен Каллахэн: из всех изобретений человечества он больше всего оценил бумагу, верёвку и нож²⁷.

Девушка, услышав про нож, настораживается, ибо палку я держу довольно воинствующе, а безумие и решительность на лице попеременно сменяют друг друга. Она достаёт нужный мне ножик, протягивает его и отступает на пару шагов назад.

– Простите, а не могли бы Вы посмотреть, есть ли в других Ваших филиалах то, что мне надо? – эта фраза сама неожиданно вываливается у меня изо рта.

Ого. Я ещё могу говорить умные вещи! Перед мысленным взором, тяжело вздохнув, Джая демонстративно закатывает свои прекрасные глаза небесно-голубого цвета.

²⁷ Стивен Каллахэн, книга «В дрейфе» повествует о том, как автор 76 дней плавал на спасательном плоту, питаясь одной рыбой (прим. автора).

С видом совершения глубочайшего одолжения, девушка подползает к компьютеру, шарит там, шоркая мышкой, и в итоге объявляет:

– Да. Есть один-единственный элемент, с переходником, 8,5 миллиметров.

– Вы не могли бы попросить их, чтобы они отложили его для меня? Я прямо сейчас туда подъеду! – О, неужели, я всё-таки успею решить свою задачу?

Девушка полностью игнорирует мою просьбу. Ладно. Беру у неё адрес магазина, расплачиваюсь за нож и бегу в метро. Смартфон выдаёт, что магазин находится практически рядом с Юрой. Не, ну, а? Меня пробирает смех: и стоило столько бегать? Я уже полдня потратила, а проблема осталась! Вот она, большущая Москва!

– Или же твоё неумение гуглить, – мягко поправляет меня Джая.

В филиал магазина я вбегаю уже впритык по времени.

– Мне сказали... – запыхавшись, восклицаю я и выкладываю палку на прилавок: – Вот!

Продавцы смотрят на меня так же пренебрежительно, как предыдущие. Их так всех готовят, что ли?

– Нет, такой нету.

– Как нету? В другом филиале проверяли по интернету наличие – она была!

Девушка дубль два с таким же безразличным лицом, как у предыдущей, вытаскивает коробку с алюминиевыми штуковинами на прилавок, ковыряется в них и выдаёт:

– Говорю же: нету. Может, пока Вы ехали, её уже пробивали по кассе. Потому и значилась.

К слову скажу, что она числилась там и спустя полгода.

Да что ж такое-то! Ну и что мне делать? Что делать-то, а? Стою у прилавка и отчаянно смотрю на коробку с алюминиевыми трубками. Придётся импровизировать. Прости, перфекционизм, прости. Отвернись.

– А какие трубки с переходниками у вас есть?

– 9,5 мм.

– Ну так дайте таких. Две.

Что-нибудь придумаю. Во всяком случае, у меня есть скотч и ещё какое-то количество мозга. Покупаю две палки другого диаметра, бегу назад в метро.

...Юра открывает мне дверь:

– Ну что, решила вопрос? – спрашивает он с порога.

Мой озадаченный вид говорит сам за себя. Юра сторонится, пока я с угрюмым видом молча прохожу в комнату. Раскладываю по полу все эти палки, складываю целую дугу воедино и выдёргиваю внутреннюю резинку из второй. Конструктор, блин.

– Помощь нужна? – Юра, хромая из-за гипса на ноге, останавливается в проёме двери и смотрит на это отчаянное безобразие.

Вообще-то принято просить мужчин о помощи, но я такая бяка, что всё равно буду вмешиваться и останусь недовольна, поэтому отрицательно мотаю головой. Если накосячу, сама и буду отвечать, руки-то золотые. И неважно, откуда они растут.

Купленные мною палки не только больше по диаметру, но и короче. Ножка, которая должна входить в крайнюю трубку и затем фиксировать саму дугу на петле палатки в эту трубку не подходит, собираю вторую дугу как придётся. Пускай ножка болтается. Примотаю дугу к палатке скотчем, если что. Скотч рулит. Аминь.

Собираю всю кучу обратно в рюкзак. Пора выдвигаться. Прощаюсь с Юрой.

...На Новорязанское шоссе я попадаю после обеда. Небо, несколько дней подряд радующее безоблачностью и теплом, обещает разразиться ураганом и дождём; с горизонта уже ползут угрюмые грозовые тучи, заполняя весь горизонт, ветер несёт холодную сырость, – весёленькое дело. Ещё неизвестно, устоит ли палатка с новопочиненной дугой.

Шоссе можно смело назвать «нет автостопу»: оно широченное, и пересечь его с рюкзаком на плечах быстро практически невозможно. Движение здесь – интенсивнее некуда, а перекрёстки несусветно огромны. Но самое ужасное – нет ни широких обочин, ни прочих возможностей для остановки потенциальной машины.

Доползаю до автобусной остановки, скидываю рюкзак и сижу, оценивая обстановку. Москва... Отпусти меня. Ну, пожалуйста. Что тебе стоит?

Светофор помогает пересечь шоссе, где я перешагиваю за ограждение, идущее вдоль него. Выбора нет: придётся какое-то расстояние идти за ним в поисках подходящего места для «стопа». Меж тем туча позади набирает обороты: она всё больше темнеет, ветер становится интенсивнее. Капец. Попасть в ночь, да ещё в ураган – хитрый план, очень хитрый план...

Шоссе изобилует несущимися машинами, никаких широких обочин нет и в помине. Кроме того, периодически от него отходит боковая дорога вправо, и мне приходится перешагивать ограждение обратно только затем, чтобы быстро пересечь её, прошмыгнув между поворачивающими машинами. В одном месте, где дорога ответвляется, я никак не могу её перейти – поток машин нескончаем. Стою, в унынии, а они всё сворачивают и сворачивают: кажется, пересечь её вообще нереально. Вдруг рядом тормозит фура. Я открываю дверь в кабину и слышу изнутри приветственный голос дальнбоя:

– Забирайся!

Это первая фура, которую я «застопила», даже того не желая.

Останавливаться тут нельзя, так что я пытаюсь залезть внутрь как можно быстрее, то есть не снимая рюкзака. Ступеньки начинаются где-то в районе неба, а поручни, которые я распознала не сразу – вообще в районе космоса. Цепляюсь одной рукой за поручень, лезу, балансируя на высоких ступенях, а рюкзак тянет назад. Хрюкая от усилий, вваливаюсь в кабину и выдыхаю:

– В Рязань?

На что водитель с сожалением говорит:

– О! Извини! – что означает, нет, не в Рязань.

– Ну всё равно спасибо! – кричу я искренне.

Выбираюсь обратно. Фура стоит, перекрыв собой одну полосу, и за ней выстраивается пробка. Благодаря этому я, наконец, перебираюсь до другого берега оживлённой дороги. Спасибо тебе, братан! Машу ему рукой на прощанье, он сигналист в ответ и едет дальше.

...Какой-то закоулок. Останавливаюсь, чтобы попить воды, скидываю рюкзак на землю. Странное здание стоит рядом: на рекламной растяжке написано «Маргарита 100 рублей». Из дверей выходит плотного телосложения мужчина и направляется к машинам, стоящим рядом, неспешно позвякивая связкой ключей. Вид у него философский, на голове короткая стрижка, и лишь несколько длинных волос на затылке переходит в длинный хвостик.

Машина похожа на «Ягуар».

– Простите, – вопрошаю я, не двигаясь с места, чтобы не спугнуть его. – Вы не подвезёте меня?

– Да я недалеко еду, – отвечает он.

Самая частая отмазка, кстати, в том числе для тех, кто едет далеко, но не хочет никого подвозить.

– А мне хотя бы сколько-нибудь, – говорю я дружелюбно.

Ехать «по чуть-чуть» – в автостопе это форменное лошарство, но не сейчас, когда за этим закоулком снова идёт бесконечная трасса без всякой возможности поймать хоть кого-то. Уехать бы отсюда, лишь бы не идти пешком.

Мужчина спокойно соглашается. Кладёт мой рюкзак в багажник, я сажусь вперёд, и мы едем. Только сев в машину, я замечаю, что модель её – одна из тех «крутых тачек», которые являются статусными – корпус как будто обтянут крокодиловой кожей, сама приземистая. В пробке мы останавливаемся, из окна другой машины высовывается девушка и задаёт вопрос:

– Простите, а как называется Ваша машина? Jaguar?

– Нет, Mitsubishi, – отвечает водитель, добавив ещё какое-то второе слово.

Девушка благодарит, а потом радостно восклицает, обернувшись к своему водителю:

– Я угадала! Угадала! Ты продул!

Оказывается, именно таких машин в Москве всего пять: водитель говорит об этом без лишних понтов. Проникаюсь пониманием «Когда бы ещё я могла проехаться в такой машине?». Прикольно.

Мы доезжаем до автозаправки, и там я вылезаю: водитель, пожелав удачи, сворачивает направо, а я остаюсь, едва успев поблагодарить его.

На заправке орудуют два товарища: один узбек, второй русский. Подхожу к ним:

– Здравствуйте! Я тут потусуюсь у вас, хорошо? – говорю таким приветливым тоном, будто мне не впервой.

Узбек кивает головой и начинает улыбаться, второй же сохраняет какое-то злое лицо, глядя на меня в упор. «Узнал, чтоле?». Хватит пялиться!

...Этих людей, которые орудуют на заправке, обычно не замечают: есть они и есть. И за людей-то часто не принимают. Ставлю рюкзак у столба, пью воду и жду. Одна за другой подъезжают разные машины, подхожу к выходящим из них водителям:

– Здравствуйте! Простите, пожалуйста...

Но большинство из них смотрят куда-то поверх или сквозь и быстро уходят, будто меня нет. Я удивлена. Я есть. Вот же я. Эй, куда вы?

Подхожу к следующему: так же картина. Они даже не хотят узнать, с чем я подошла, и только один раздражённо говорит:

– Нет, – и уходит.

Что: «нет»? Я же только подошла! Стою в недоумении. Подходит узбек: на его бейджике написано «Мансур». Он видит моё лицо, смеётся и говорит:

– Да тут все местные заправляются. Тебе куда надо-то?

– В Рязань, – отвечаю я растерянно.

– В Рязань, – повторяет за мной Мансур.

Я мучительно думаю, как же мне быть, чтобы, не приставая к водителям, озвучить окружению свой запрос.

– Мансур, у Вас картонки не найдётся? – спрашиваю его с надеждой.

– Картонки? Сейчас организуем! – радостно восклицает он и быстро исчезает за дверями магазина у заправки. Через стеклянные окна вижу, как Мансур разговаривает с девушками-продавщицами, те брезгливо оценивают меня, глядя изнутри как будто большого аквариума, и потом протягивают ему пустую коробку. Довольный Мансур возвращается и отдаёт её мне.

Никогда не думала, что пустая коробка будет для меня таким подарком. Тоже начинаю улыбаться до ушей. Человек, которого обычно никто не замечает, проявляет такое участие – и это трогает меня до глубины души. Вспоминается карикатура про довольного буддиста, которому на день рождения дарят пустую коробку: «Пустота – это то, о чём я мечтал!». Мансур между тем говорит:

– Там на трассе дальнотойщик спит. Я сейчас сбегаю, разбужу его и спрошу, куда он едет!

Останавливаю его: ещё не хватало, чтобы он будил уставшего водителя! Пусть спит человек. Сажусь на ступеньки магазина, отрываю от коробки кусок и пишу на нём чёрным издыхающим маркером: «Рязань». Ставлю картонку рядом с собой и жду. Если водитель, проходя мимо, смотрит мне в лицо, я показываю на картонку пальцем и вопрошающе спрашиваю, не приставая больше лично:

– М?

Такая просьба звучит лучше. Часть людей просто угрюмо проходит мимо, но есть и те, что смотрят и качают головой: «Нет». Улыбаюсь, пожимаю плечами и сижу дальше. Наконец, один из водителей внемлет моим гримасам. Он говорит:

– Но я еду недалеко, только до супермаркета.

Соглашаюсь. Мне бы только уехать подальше от Москвы, любыми путями. Махаю Мансуру рукой, он радуется за меня, как ребёнок. Его напарник на этом фоне остаётся молчаливой зловещей тучей, похожей на ту, что всё больше разрастается на горизонте.

Сажусь в машину, и мы едем минут десять, всего до супермаркета, возле которого находится автобусная остановка, – там меня и оставляют. На автобусной остановке стоит народ, а дальше опять начинается трасса со всё тем же ограждением по краю. Пытаюсь поймать машину на остановке, но безуспешно, и даже моя картонка с тусклой надписью «Рязань» не помогает.

Рядом тормозит белоснежная иномарка, внутри которой сидит такая же белоснежная девушка, вся в кружевах: флегматично она пукает пузырями из жвачки, поглядывая на меня, как на таракана и при этом заслоняя от потенциальных водителей машин, проезжающих мимо.

Ну, вообще труба. Девушка утыкается в свой сотовый телефон, тыкая пальчиком с длиннющим ногтем по клавишам. В салоне её машины тепло и сухо, а мне грозит потенциальная туча, несущая грозу и холодный ветер. Жду, пока она уедет, вяло опустив картонку и руки.

В этот момент сзади меня вырисовывается некий Миша. Держа банку пивасика двумя пальцами руки, он насмешливо замечает:

– Что, голосуешь?

– Ага, – отвечаю я тоном «только из приличия».

– А бесполезняк тут, – говорит он издевательски. – Я сам часто отсюда уехать не могу. Приходится идти двадцать пять километров вдоль трассы. Не первый раз уже, знаю.

Пьян он несильно, и обстоятельства вынуждают ему верить. А верить не хочется. Двадцать пять километров? А что не сто? С моим-то рюкзаком, ага.

Миша начинает красочно описывать, какие грандиозные кровавые мозоли ждут меня через первые пять километров: ладонью одной руки он изображает ступню, а второй тычет пальцем, указывая на месторасположение неизбежных, пузыристых и наикровавейших мозолей. Мистер Зловещая Очевидность. Хочется послать его, но не знаю, как, так что просто отворачиваюсь. Он похож на один из моих внутренних голосов, который, когда случается очередная глубокая яма, обречённо констатирует: «Я так и знал». Миша меж тем маленькими порциями дозирует пивасик, усевшись поодаль и созерцая мои безуспешные попытки уехать.

Белоснежная девушка пускает пузыри, уткнувшись в телефон, туча ползёт, машины несутся мимо, Миша пьёт пивасик. Оля уныло стоит с картонкой.

Наконец, к девушке подходит длинноногий парень, неся в руках несколько бумажных пакетов с покупками и два воздушных шарика, стремящихся улететь в предгрозовое небо. Он садится внутрь машины, шарики тоже исчезают из видимости, и они уезжают. В очередной раз я пересиливаю себя и стою с вытянутой рукой, к вящему неодобрению ждущих автобус. Машины продолжают ехать мимо. В итоге решаю идти вдоль трассы. Мозоли – не мозоли,

а палатку на автобусной остановке не поставишь. На крайняк сойду с трассы и поставлю её рядом. Плевать. Отчаянно накидываю рюкзак на плечи, с хрустом утянув ремни, перешагиваю через ограждение и иду вдоль трассы, – с таким настроением всё равно ловить машины нельзя.

С удивлением замечаю, что Миша идёт за мной: след в след. Мало того, что идёт, но ещё и продолжает вещать о том, какие трудности ждут меня впереди. Терплю минуты три, потом останавливаюсь, с изрядной амплитудой оборачиваюсь к нему и зло говорю:

– Так. Иди вперёд.

Он отмахивается от меня банкой пива, но я настаиваю. Хватит с меня на сегодня вашего негатива, дорогое окружение. Гребите на хрен, широкими шагами. Шнель, шнель! Миша чувствует сей настрой, обгоняет меня и какое-то время молча идёт впереди. Вот увязался на мою голову. Я настроена воинствующе: не могу больше. Так бы в глаз и дала за навязанные им установки, да воспитание не позволяет. В итоге он спускается к столбу электропередач, установленному у дороги, и приземляется у его бетонного основания. С интересом глядит оттуда, как я, сгорбленная и злая, прохожу мимо. Притянутый ремнями рюкзак давит мне на плечи, спину и таз; сзади и поперёк его привязан свёрнутый рулоном коврик.

Иду по тропинке вдоль трассы, за ограждением. Вскоре справа от неё начинается стоянка машин, огороженная решёткой. Проход довольно узкий, и коврик, привязанный сзади поперёк, встаёт ровнёхонько между решёткой и ограждением, так что я прочно и наглухо застреваю. Протискиваю руку назад, пытаюсь отстегнуть коврик от рюкзака, и в этот момент справа на меня кидаются два огромных мохнатых среднеазиата: они лают, брызгая густыми слюнями и вставая лапами на прутья редкой решётки. Басистый лай гремит прямо в ухо. Каким-то чудом в считанные секунды отстёгиваю коврик, высвобождаясь из капкана. Уф-ф-ф... Быстро миную собак.

Далее идут дырявые пролёты на мосту, в которых видно на какой головокружительной высоте от земли проходит дорога, – здесь нельзя ошибиться, и я максимально концентрируюсь. С бешеной скоростью рядом проносятся машины. Впереди – ещё одна автозаправка. Что ж, придётся опять приставать к водителям.

Сажусь опять у входа в магазин, ставлю табличку рядом и жду. Подъезжают машины, из них выходят водители, смотрят на меня и идут мимо. Я катастрофически устала. Скоро уже стемнеет, а я всё ещё под Москвой.

Глава 12

«Убивает не падение, а приземление» («Безобразная невеста», фильм).

Машины продолжают подъезжать, заправляться и уезжать. Вечереет. Из-за надвигающихся щупалец свинцовой тучи, набирающей цвет, быстро наваливается сумрак.

Вдруг ко мне подходит мужчина и протягивает мелочь:

– Вот. Возьмите хотя бы это...

Прелестно! Я отрицательно мотаю головой, начиная смеяться:

– Нет, нет, спасибо! Деньги мне не нужны.

Нет, нужны, конечно, но я – не нищая, а опыт автостопа получаю. Всесторонний. Так что вот.

Мужчина между тем смотрит на табличку «Рязань» и говорит:

– Я в Рязань не еду! До Бронниц и – всё, сворачиваю.

С тоской и надеждой смотрю на трассу:

– Ну... в ту же сторону, верно?

Быстро приняв решение, мужчина говорит:

– Ладно, поехали.

Бодро подхватываю рюкзак и семеню следом за ним, к машине. Он берёт рюкзак, кладёт его в багажник. Кажется, я улыбаюсь до ушей, внутри себя – точно. Проеду ещё чуть-чуть, а там видно будет, лишь бы подальше от Москвы.

– Садитесь назад.

Открываю заднюю дверь машины, забираюсь внутрь. Впереди сидит женщина, а на заднем сидении двое детей: один лежит в автокресле, а второй оказывается милейшей белокурой девочкой с выразительными ясными глазами. Я здороваюсь, аккуратно сажусь сбоку, начинаю громко разговаривать с ними и только потом замечаю, что второй ребёнок спит.

– Это моя сестра, – улыбаясь, замечает девочка. – А не «ребёнок».

Ой. Убавляю громкость. Действительно... Сестра девочки оказывается такой же светленькой и очаровательной. Обе – белокурые милейшие создания.

Мы едем, разговариваю тише.

Андрей и Кристина, так зовут моих замечательных спасителей, спрашивают про автостоп, не забывая задать классический вопрос: «А не страшно?». Сознаюсь, что «страшно», но аргументов опять не хватает.

Здесь хорошо – чистейшая атмосфера благополучной семьи, и я в этой среде отдыхаю душой: мне даже кажется, что мы сможем уехать от тучи. Весело и спокойно болтаем с девочкой сзади, и иногда я отвечаю на вопросы её родителей. Историй у меня пока мало – так же, как и километров.

...Бронницы начинают маячить на горизонте слишком быстро: время всегда летит стрелой, если попутчики хорошие. Назревающие сумерки за окном неумолимо трансформируются в ночь. Вот и развязка.

Андрей останавливает машину на полосатом островке безопасности, нарисованном на дороге, и мы с ним выходим. Достает рюкзак. Бесконечно благодарная, впрягаюсь в лямки, прижав к себе картонную «Рязань»; прощаемся. Андрей, махнув рукой, садится обратно в машину. Жду, пока машина уедет; потом перейду дорогу, и «буду решать проблемы по мере их поступления», как любила говаривать моя свекровь. Однако машина не уезжает.

Спустя полминуты из неё выходит Кристина и говорит:

– Мы не можем Вас тут так оставить. Садитесь. Переночуете у нас.

Что? Не верю своему счастью!

– Соглашайся уже! – вопит Джая в голове, потому что я постоянно отказываюсь от помощи, даже если она искренняя.

– О, я согласна, спасибо! – киваю головой.

– В кои-то веки... – говорит Джая, закатив по обыкновению глаза.

Андрей в это время открывает багажник и забирает мой рюкзак, и я сажусь в машину, с наслаждением погружаясь обратно в это светлое тёплое пространство.

...В пригородном доме оказывается так же светло, несмотря на навалившуюся за окном ночь. Пахнет деревом и уютом. Стены разрисованы весёлыми детскими рисунками.

– Соседские дети помогали нашим, – смеётся Кристина: она занята приготовлением ужина, и по дому распространяется дивный запах домашней еды.

Многочисленные попытки выведать рецепты разных блюд у меня неизбежно заканчиваются какой-то «кашей-малашей», и остаётся только наслаждаться кулинарными изысками тех гениев, кому это дано.

Пока готовится что-то райское, меня пускают в душ, где текущая тёплая вода смывает все неприятности прошедшего дня. Я люблю и комфорт, и путешествия одинаково сильно, – только совмещать не получается.

...Сажусь за столом с тарелкой божественно вкусной еды – это мясо с картошкой и капустой – и не верю в происходящее. Только недавно я опасалась, что навсегда останусь между ограждением и решёткой автостоянки, поетая собаками, и вот: сижу в тёплом доме, наслаждаясь приятной атмосферой домашнего уюта нормальных семейных людей.

Не то, что я.

Кристина спокойно улыбается, Андрей, как уверенный и спокойный папа, руководит дочками. В этой семье царит полное взаимопонимание и гармония, и хочется сидеть тихо, чтобы ничего не испортить. Завидую им обоим, им всем. Наверное, так выглядит Счастье. Счастье – это семья.

Девчонки забираются по лестнице на второй этаж, спать.

Внизу мы ещё какое-то время разговариваем о жизни, путешествиях и медведях, а снаружи резко накатывает мощный дождь, перемежающийся раскатистым громом и завыванием ветра, и от этого в доме становится ещё уютнее.

Ближе к ночи мне выделяют диван – Андрей раскладывает его на всю ширину, несмотря на мои протесты. Сами они уходят спать наверх. Сплю в спальнике, спрятавшись в него с носом, хотя мне изначально хотели дать и постельное бельё тоже. Всю ночь продолжается сильный дождь. Вот бы я сейчас возле трассы-то, да в палатке с «дугой на сопле» ночевала... Чур меня, чур...

Утром я собираюсь, и на прощание Кристина говорит мне:

– Ты не пропадай. Пиши, хоть иногда.

Рассказы о медведях, похоже, впечатляют не только меня.

Андрей отвозит меня обратно на дорогу и уезжает.

...Иду вдоль трассы, машины едут со средней скоростью. Сбоку дороги выделена небольшая полоса, и я пробую голосовать, выставив картонку.

Практика показывает, что важно само её наличие – на ней можно ничего не писать вообще, ведь в большинстве случаев, водители всё равно не видят буквы. Иногда даже притормаживают и вытягивают шею, чтобы разглядеть написанное. Во мне рождается мысль написать универсальную табличку со словом «Туда» и пририсовать стрелку. По-моему, это просто атрибут автостопа.

Рядом тормозит легковая машина, иномарка.

– Я только до Луховиц еду, – отвечает мне водитель – представительный, но грустный мужчина средних лет.

Киваю головой. Здесь позиция для «стопа» не самая шоколадная, так что я согласна. Ехать – не стоять. Солнце ещё высоко, успею поймать кого-нибудь ещё.

Сажусь внутрь, закинув рюкзак назад.

Водитель оказывается журналистом крупной газеты. У него уставший, спокойный, какой-то смирившийся вид. Слава Богу, даже не спросил: «А не страшно?», а то никак не могу придумать, что на это отвечать.

– Я посадил Вас потому, что мне нравятся неординарные люди, – поясняет он.

Удивлённо смотрю на него. Кто тут неординарный? Я? Вот те раз. Путешествовать – это же нормально, он же сам журналист!

– Вы в этом году были на море? – спрашиваю его, не зная, как отвечать.

– Дважды, – отвечает он тем же ровным тоном. – На Японском. И на Чёрном.

Завидую его морям и профессии заодно. Рассказываю про фестиваль и про то, как тяжело выехать из Москвы. Про Алтай молчу, по-прежнему опасаясь «сглазить», так что я, типа, еду в Рязань.

Уже потом нахожу одну из его статей, где оказывается, что полтора года назад он был в Алтайском крае и встречался с губернатором края. С ним они говорили про Михаила Калашникова, создателя знаменитого автомата – «простого алтайского парня», как он сам себя называл. Был Михаил Калашников семнадцатым ребёнком в обычной крестьянской семье.

Кстати, Алтайский край и республика Алтай, – с некоторых пор это два разных региона. И административные центры у них разные: Барнаул и Горно-Алтайск. У меня по географии всегда была тройка, и то – из жалости, так что самое время начать восполнять эти пробелы. По крайней мере, когда я купила метровую по ширине карту России и гордо растелила её на полу, то была уверена, что озеро Селигер, до которого ехала в прошлом году на велосипеде и в великой усталости, находится не иначе как на середине России.

– Ну, пол-России проехала, стопудово! – гордо восклицала я, ползая по карте и сощуривав глаз.

Уверенность моя подкреплялась степенью усталости, больным коленом и количеством пролитого в ходе велопутешествия пота. Но посередине карты оказался Байкал, а озеро Селигер маленькой голубой лужицей нарисовалось в полутора сантиметрах от Питера, да и то после длительного обследования карты с лупой и сморщенным от натуги лицом. Полтора сантиметра? Шутите?

Вот когда я ощутила настоящий культурный шок от осознания величины России – она не просто огромна, – она ошеломительно, оглушительно огромна! Восемь часов полёта, если попытаться пересечь её на самолёте. Восемь!

За разговором быстро доезжаем до города Луховицы, и там я высаживаюсь и вытаскиваю свой рюкзак. Прощаемся.

Эх, клёвый дядька. Не женатый...

...Когда я выбираюсь из одной машины и нужно ловить другую, то всегда устраиваю передышку: мне нужна пауза, чтобы вернуться в себя. В чужой машине приходится подстраиваться под настроение водителя, поддерживать разговор, и это тоже требует определённых усилий. Разговоры забирают энергию, и для её экономии очень полезно иногда помолчать.

Какое-то время иду вдоль дороги, потом ставлю рюкзак в тень от придорожного дерева, а сама плюхаюсь рядом. Даю себе пять минут. День такой солнечный, хороший. Водитель отвёз меня прямо на выезд из города – небывалая удача для автостопщика – и водители здесь едут медленно, осторожно. Обочина широкая, в бутылке есть вода, – что ещё надо для счастья? Ляпотища...

Встаю, голосую: несколько машин проезжают мимо, потом автобус. И вот: одна из легковых машин изрядно проезжает вперёд, а затем сдаёт назад и останавливается рядом

со мной, так что мне даже не приходится бежать за ней с рюкзаком. Сую нос в салон через полуоткрытое окно машины, из которой громко орёт музыка, и ей заунывно вторит кот.

– Вам куда? – пытаюсь переорать этот содом, кричит радостный водитель.

– Рязань! – так же громко ору я.

– Садитесь!

Рюкзак я кладу назад и там же замечаю переноску.

– Кот? – спрашиваю я так же громко.

– Ага! – подтверждает водитель, кивая. – Он так и будет орать всю дорогу.

– А Вы куда едете? – на всякий случай спрашиваю я.

– В Кузнецк, – отвечает водитель.

Мы оба продолжаем орать, иначе не слышно, потому что музыку он не убавляет. Извлекаю из рюкзака свою карту:

– О! Мне туда и надо!

Он соглашается подвезти меня до Кузнецка, после чего включает музыку ещё громче. Видимо, та громкость, что была, считалась тихой.

Едем. Сознаюсь о своей специальности. Попутно выясняется, что кот – вислоухий шотландец, и я начинаю ором рассказывать про гипертрофическую кардиомиопатию кошек и предрасположенность шотландцев к сердечным болезням. Мол, стрессы для них очень опасны, а громкая музыка – это сильный стресс. Водитель отвечает:

– Да он привык!

Кот меж тем, видимо, на стрессе портит воздух.

– С-с-сука! – весело орёт водитель.

– У него пелёнка-то там есть? – хочу уточнить я.

– Нету!

Бедный кот. Если случится то, о чём я думаю, то весь кот, мотаясь в тесной переноске, рискует оказаться вымазанным сами знаете в чём. Водитель, видимо, думает о том же. Он останавливается, открывает переноску, вытаскивает оттуда худого длинного серого кота и сажает его на обочину дороги, держа за подмышки, словно маленького ребёнка. И ждёт. Мимо с шумом едут машины.

– ... Да он так не пойдёт! – предупреждаю я, тоже выйдя из машины.

– Нет? – искренне удивляется мужик.

– Нет. Он же КОТ.

Удивлённый кот задней частью сидит в траве: теперь он обескуражен не только громкой музыкой, но и проносящимися мимо машинами. Как бы не удрал. Подождав ещё немного и убедившись, что ничего не происходит, мужик кладёт кота обратно в переноску. Безвольный кот ничего не предпринимает: послушно втекает задом внутрь корзинки.

Мы едем дальше под аккомпанемент той же громкой музыки: как и коту, мне приходится смириться. Вдруг я слышу песню, которую пели ребята на фестивале: это Ляпис Трубецкой «Я верю».

– Обожаю эту вещь! – кричит мужик.

– Я тоже! – кричу я.

Он врубает музыку ещё громче.

Подпеваем все втроём: мужик, я и кот.

«Я верю в Иисуса Христа,

Я верю в Гаутаму Будду,

Я верю в пророка Мухаммада,

Я верю в Кришну, я верю в Гаруду...»

Кот просто кричит: «Мяу!».

Прوماхиваем Рязань. Заскочить туда я собиралась, услышав стихотворение одного из, как он сам себя охарактеризовал, «молодых, талантливых, гениальных, изумительных, но очень скромных поэтов». Заунывным голосом, нараспев гениальный, но скромный поэт читал: «А где-е-е-то та-а-ам в Ряза-а-ани... Расту-у-ут цветы-ы-ы с глаза-а-ами»... Потом знающие люди сказали, что не цветы вообще-то, а грибы, и даже есть памятник этим глазастым грибам. И второй причиной моего интереса к Рязани оставался Серёжка, с которым мы переписывались, но, как это часто бывает, оставались знакомы только виртуально.

Серёжка делает в каждом слове по десять ошибок, переставляет буквы местами, сливает слова в одно, заменяет значения непонятно на что и при этом в конце каждого предложения ставит смайлик, означающий философский вид «ну всё же понятно!». Мне было интересно: так ли он говорит в жизни, как пишет в интернете.

– Серёжа, я ничего не понимаю из того, что ты пишешь! – жаловалась, хохоча, я на другой стороне экрана.

На что он отвечал:

– Ссобо яне забур. Так каок смысл чтото старать провзиодить делать?

Мы переписывались о том, кто чем хочет заниматься в жизни, где хотел бы жить, и иногда я спрашивала у Серёжки как установить ту или иную программу в компьютере. Он отвечал без промедления:

– О привед соратник. Пряма так любишь жифтоне? Ну это примрно как лечить кошек только наоборот. Эт моя перва вылазка вобещ а рпедылы рязайн я в цлеомдоволен. Она у них, бананово рисоваяим норм у них адвайта во все поля. Ато у нас сегодня тоже туман, жома сосденгео плохо видно. Качаеш утанавливаше профит. Это рили просто сособо.

– Ничего не поняла, Серёжа, – пишу опять, корчась в коликах от смеха. – Пойду спать, завтра на работу... Программу потом поищу...

– Прально треза вперед и смыслью. О хоспаде. Тактчоыт меняне удивляешь. Аовбещ да ы чгео всхе мужиков в округе ерепугала что тебе венду не кто установить ен может?

В общем, он замечательный и очень отзывчивый. Несмотря на «ет немного когнитивныйдисонанс сд етсивтельность, поэтмоу чета во мней так много концепций я уже и такзапутался ета».

В итоге Серёжку вмсете с Рзянаю я промахинваю мимо.

...Вслед за Рязанью мы проезжаем Шацк. Каждый раз, когда водитель видит гаишника на дороге, он начинает очень экспрессивно кричать в полный голос:

– УТЫ-Ы-ЫРОК! ОН ЖЕ УТЫ-Ы-ЫРОК! – тыча в него пальцем, пока мы проезжаем мимо.

Должно быть, это какая-то мантра для отсечения гаишников от машины. Один раз водителю кажется, что слово не вмещает всю степень эмоционального возмущения этой профессией, и он кричит:

– ДА ЭТО ЖЕ... УТЫ-Ы-ЫРИЩЕ!

Хохочу над словом – мой словарный запас продолжает пополняться народными высказываниями подобного рода. Водитель оправдывается тем, что обычно употребляет другое слово и даже говорит его первую и последнюю буквы, чтобы я прониклась, и оно более оскорбительное, чем «утырок», уж поверьте.

Зубова Поляна встречает нас огромными ярко-оранжевыми тыквами: из них построены стенки, которые стоят с двух сторон от дороги. Рядом с каждым таким строением сидит хозяйка-продащица, и я в восторге фотографирую эту невидаль. Мордовия – моя Родина, решаю заехать туда на обратном пути... И в Рязань – на обратном пути...

Выясняется, что Зубово-Полянский район – самый тёплый в Мордовии. Хочется научиться водить машину и проехать по этой трассе ещё раз, останавливаясь в каждом населённом пункте на несколько дней...

Потом мы проезжаем Спасск и Пензу. Решаю, что и в Чебоксары, где меня ждут, я заеду на обратном пути. Так и откладываю всё, на потом. В повседневной жизни тоже часто приходится откладывать что-то важное «на потом». А потом оказывается, что две трети жизни уже прошли, а оставшаяся треть по здоровью не позволяет реализовать задуманное ранее. Человек может очень сильно любить кого-то, но так и не признаться, наивно полагая, что никто никогда не умрёт.

Однажды на приёме, когда владелец животного спросил: «А он не умрёт?», я, желая его успокоить, философски заметила:

– С уверенностью могу сказать только одно: мы ВСЕ умрём.

Владелец, проникнувшись этой мыслью, тогда ответил:

– Хотелось бы попозже...

Кстати, «мы все умрём» – хорошая вариация для ответа на вопрос «А не страшно?».

...Фоткаю, что попало. Водитель решает мне помочь и преуспевает в этом:

– Окно-то открой, чтобы грязь на стекле не фоткать!

Как только мы подъезжаем к очередной табличке с названием города, он сильно притормаживает, я фотографирую, а он потом с интересом кричит:

– Получилось?

Я кричу ему в ответ:

– Да-а! – хотя получаются в основном размытые пятна.

Не хочется его расстраивать, – он так старается...

Через десять часов езды под, напомним, оглушительную музыку из проигрывателя, мы достигаем Кузнецка: вокруг уже ночь, и водитель всерьёз озабочен тем, куда меня высадить. Ставить палатку ночью неправильно: в темноте можно ошибиться с местом, да и палатка моя с новой дугой ещё не опробована. В итоге, задавленная темнотой, я соглашаюсь на придорожную гостиницу, в холл которой мы и заходим вместе.

– Места есть? – спрашивает водитель.

– Да, – сурово отвечает ему девушка и смотрит на меня исподлобья.

– Сколько стоит?

– 700 рублей. Вы вдвоём? – она решает, что мы – парочка.

– Не-е-ет! – вопим весело и одновременно.

– Ну что? 700 рублей, устроит? – спрашивает водитель уже у меня.

– Да! – говорю я бодро, думая при этом: «Ни хрена себе цена!».

– Ну я тогда поехал.

– Да! Спасибо Вам большое! – благодарю его.

Он уезжает. Я затаскиваю рюкзак в комнату и селюсь – это значит втыкаю в розетку телефон и падаю спать. За окном – глубокая ночь, а освободить комнату надо в 8 часов утра.

Семьсот рублей. Офонареть просто... Погружаюсь головой в мягкую подушку.

Прихожу в себя на кушетке, привязанная тряпками за руки и за ноги, накрытая сверху белой простынёй; яркий свет бьёт прямо в лицо. Я хочу прекратить всё это. Открываю глаза, жмурюсь и вижу, как меня обступают молодые девушки в белых халатах: циничные, немного моложе меня. Заметив, что я зашевелилась, они восклицают, что «ну вот и хорошо!». Вроде как: «доброе утро!». Одна из них рыженькая, с короткой стрижкой: где же я её видела?

Справа – две койки. На одной, у стены лежит маленькая бабушка: две девушки вставляют ей катетер в подключичную вену и пришивают, судя по крикам, без обезболивания. Она лежит и громко хрипит; возможно – это отёк лёгких, кардиогенный. Закончив, девочки уходят.

Что происходит? Где я? Джая?

Его нет, но слева на соседней койке лежит длинный мужик, с бородой и усами. Он тоже привязан, бессвязно разговаривает на каком-то арабском языке, иногда открывая глаза и при этом беспрерывно шевелит руками и ногами: от этого простыня и одеяло каждый раз падают на пол, в лужу мочи, вытекающей из переполненной бутылки. В бутылку моча поступает из трубочки, вставленной в член. Стараюсь не смотреть в его сторону. Сумасшедший и голый мужчина. А я тут кто, интересно?

Мне надо в туалет. Ярко горит свет, словно в морге. Быстро развязываю руки, затем ноги, аккуратно складываю завязки в кучку и сажусь. Внутри сокращается сердце, словно это рука или нога: ощущается целиком, прямо в середине грудной клетки и сжимается так бессильно, что каждое сокращение обещает стать последним. Пытаюсь встать: внутри возникает чёрная дыра, и я перестаю чувствовать что-либо, кроме воронки, засасывающей воздух с невероятной силой и скоростью. Внутри неё – космос, усыпанный звёздами, вокруг – ритмично накатывает шум, словно вода в заливе. Сокращение... ш-ш-ш-ш... пауза... и поновой... В глазах темнеет.

Опускаюсь на карачки на пол – так легче, хоть шум и усиливается – и так, в нижнем ярусе и передвигаюсь к выходу. Понемногу отпускает: из темноты перед глазами постепенно проявляется белый кафель пола. Уйти отсюда мне не удастся – я голая. У меня нет ни телефона, ни денег, но мне надо в туалет, и это – достойная мотивация.

Прямо в дверях сталкиваюсь с медсестрой. Вернее, втыкаюсь носом в её колени и сажусь на кафель, задрав голову. Она в шоке, глаза круглые, пройти не даёт. Не знает, что от меня можно ожидать – вдруг я накинусь? Но позади неё другие, поэтому не так страшно, и она говорит мне:

– Так голая и будешь ходить?

Я делаю ей знак «Тс-с-с!» и пытаюсь протиснуться наружу, тыкаясь лбом в колени, словно бычок. Она:

– Куда?

В ходе суматошной борьбы мне удаётся встать на ноги, а к ней на подмогу приходят другие. ПИЛЯТЬ. Я говорю, что «пустите в туалет хочу очень сейчас польётся... я быстро туда и обратно!», – и это происходит уже в коридоре – узком и длинном.

– Где ты видишь туалет?

Поднимаю глаза и вижу дверь с надписью «Туалет»:

– Да вот же он!

Хватаюсь за ручку двери, тогда как в голове начинается шумный прибой. Я благоклонна и вежлива, но упорно продвигаюсь к намеченной цели: мотивация очень сильная, а туалет закрыт. Они молча, но недолго смотрят, как я безуспешно дёргаю ручку.

– Это туалет служебный. Ща тебе мочевой катетер поставим, – говорит одна.

– Не надо мне катетер, пожалуйста! Дайте в туалет сходить, как человеку.

Дверь вдруг открывается, и из туалета выходит бабища: она моментально включается во всеобщий процесс, молча выкручивает руки, и меня с лёгкостью утаскивают обратно на койку. В глазах рассыпаются серебряные сочные звёздочки. Меня снова привязывают: справа вяжет одна, симпатичное лицо – и я вспоминаю, что это та самая, рыженькая, которая вернула это тело к жизни.

– Как Вас зовут? – спрашиваю её. Сопротивляться бессмысленно – я на их территории, к тому же голая.

– Алёна.

Ну да, это её рыжий затылок был созерцаем мною из-под потолка.

– Алёна?... А Вы знаете, что самое красивое в слове Алёна?

– Что? – она методично завязывает ровный бантик.

– Две точки над буквой «Ё», – откровенничаю я.

– ... Никогда не думала об этом, – сосредоточенно и быстро отвечает Алёна.

Слева злобно вяжет узлы бабища из туалета, Наташа. Похоже, я сдёрнула её с горшка, поэтому она такая злая. Говорю ей примирительно:

– Наташа – тоже красивое имя.

Молчит. Констатирую:

– Си-и-ильная какая... Ната-а-аша!

Этими констатациями я напоминаю себе шизофреника в стадии обострения. Наверное, так и есть, и сходят с ума вот именно так. Ноги тоже привязывают. Наверх, через подмышки пропускают рулоном простыню: детский сад какой-то, чес слово. Дальше они делают, что хотят. Я замечаю, что могла бы сходить в туалет, как человек, а теперь они потратили на меня расходники. Говорю, что я не псих, и тут же оговариваюсь поспешно, что психи, конечно, про себя говорят тоже самое. Алёна согласно кивает головой.

Она ставит мне катетер в вену на кисть правой руки. С первого раза – профи. Лежу спокойно, говорю, что у меня вены хорошие, и Наташа обращает внимание на эту фразу:

– Вены! – девчонки переглядываются. – Надо посмотреть...

Меня считают уже чуть ли не наркоманкой.

Наташа с усмешкой говорит Алёне:

– Слушай, у тебя в волосах мусор. Откуда это, интересно? – и она вытаскивает пальцами шелуху от семечек, несколько штук. Припоминаю, как Джая лужгал семечки, когда мы с ним были под потолком.

– Ай! – восклицает Алёна от того, что Наташа при этом случайно дёргает её за волосы.

Прошу Алёну побыть со мной.

– Алёна! Дайте мне руку...

– Что?

– Дайте Вашу руку, пожалуйста, постоит со мной немножечко, мне это ТАК НАДО, Алёночка!

Никогда никого ни о чём не прошу, а тут такое. Алёна против: она не хочет привязываться к пациенту, снимать маску доктора и становиться человеком. Она опасается быть со мной наедине. Я держу её руку в резиновой перчатке, а рука упорно выskalывает из моих пальцев.

– ПОЖАЛУЙСТА! – я плачу, умоляю, мне нужен человек рядом.

Алёна говорит, что её ждут другие пациенты, и все уходят, оставив меня «на гос. обеспечении». Чем крепче сжимаешь чужую руку, тем больше у неё желания вырваться. Ничего нельзя удерживать. Ничего. И никого.

Алёна уходит, и тут я даю выход своему горю: рыдаю. Хнычу и громко рыдаю, по-настоящему, как буйный больной. Я ору и одновременно вижу, как ору, навзрыд. Про то, что «Горе – это не диагноз» и «Дайте мне лекарство от горя».

И дальше просто ору и плачу, рычу и рыдаю без слов, – и это хорошо, что я привязана. Голый мужчина слева, простыня с которого давно свалилась на пол, на время этих криков затихает и перестаёт дергаться. Бабушка у стены сочувственно смотрит на моё временное помешательство: я уже не уверена в том, что оно временное, остановиться тяжело, если такое вообще возможно. Горе никак не выплакивается, у меня не хватает ни голоса, ни воздуха в лёгких. Где-то за рёбрами появляется тугая пробка, которую никак не продохнуть, и неизбежно приближается очередной приступ удушья. Туда мне и дорога...

На крики и хрипы от удушья приходит Алёна со своими точечками:

– Не устала рыдать?

От меня остались одни хрюки: я пытаюсь выкричать всё, что меня убивает, задыхаясь и хватая воздух ртом, словно рыба.

– Разве Вы никогда не любили? – всхлипываю я.

Алёна молча откидывает простынь, и я вижу в её руке шприц. Расслабляю ногу. Укол в бедро.

– Лекарство от горя?

– Да.

– Спасибо... Алёна...

Она уходит. Лежу. Лекарство начинает быстро действовать. Дыхание выравнивается, воздух свободно течёт в лёгкие. Мочевой удивлённо молчит. Начинаю распутывать левую руку – узел смехотворный, на бантик. Я не могу лежать привязанная – всё затекает, а кушетка жёсткая.

Переворачиваюсь на бок и смотрю на кафельный пол: тёмные линии межплиточных швов внезапно поднимаются вверх и висят над поверхностью плиток – такая сетка из швов, на расстоянии полуметра от пола. Удивлённо разглядываю эту галлюцинацию, сфокусировав взгляд: она не исчезает.

В голове всплывает тот короткий диалог, который предшествовал череде этих событий.

Я стою у стены маленькой тесной кухни, внутри гуляет адреналин и отчаяние, в глазах кислыми горошинами толпятся слёзы. А на стуле сидит он: человек, который так мне дорог и одновременно так далёк...

– Выпьешь со мной? – сбивчиво говорю ему. – Мне нужно сказать тебе...

– Мне завтра рано вставать, к тому же всё уже сказано, и не раз. Уходи из моей жизни, – мужчина резко встаёт со стула и уходит спать, так и не выслушав меня.

Смотрю, как по трубке капельницы ко мне в руку продвигаются крупные пузыри. Пытаюсь выпустить их свободной рукой – поджидаю, когда они подойдут поближе к катетеру и собираюсь отсоединить капельницу, – это настоящие пузыри, а не галлюцинация. Так забавно: только что пыталась умереть, и вдруг меня беспокоила вероятность воздушной эмболии²⁸...

Снова заходит Алёна и кричит:

– Что ты делаешь?

Будучи под «препаратом от горя», отвечаю медленно и спокойно:

– Тут пузыри идут.

– Куда идут?

– В меня. Идут.

Она хватает шланг, видит – там и правда пузыри – и выпускает их сама, молча, после чего снова присоединяет к катетеру. Невинно смотрю на неё: что-то не так, Алёна?

Она спрашивает уже спокойнее:

– Теперь нормально?

Киваю головой. Пузыри – это неправильно, даже если хочешь умереть. Когда возвращается Наташа, я обреченно поднимаю руку с завязкой вверх и говорю, победно-издевательски:

– Развязалась...

Наташа бешено подбегает и начинает, пыхтя, снова меня привязывать, а я говорю:

– Наташа, я же смирно лежу. Не привязывайте меня.

Но она уже не может остановиться.

– Наташа-макрамешница, – констатирую я всё тем же спокойным тупым голосом.

²⁸ Воздушная эмболия – закупорка кровеносного сосуда пузырьком воздуха (прим. автора).

...На узлы этой замысловатой вязки времени у меня уходит на две минуты больше, чем в прошлый раз. Развязываю всё остальное, аккуратно и адекватно складываю стопочкой и лежу, демонстрируя, что могу быть и так.

Меня привязывают снова, и снова уходят, – они без конца приходят и уходят, приходят и уходят. Лежу смиренно, сердце бьётся в такт тихо капающей капельнице. Шестьдесят капель в минуту – классика жанра.

Опять методично развязываюсь, складываю все верёвки в кучку и лежу калачиком под простыней. Они больше не пытаются меня зафиксировать, только меняют бутылочки.

Тут мужик слева замолкает, и начинает пялиться в стену. Смотрю туда, и вижу сидящего на корточках Джая: материализовался внезапно, как всегда. Он сидит, прислонившись к стене спиной, и смачно ест поп-корн: подкидывает каждый воздушный кусочек кверху и мастерски ловит его ртом.

– Джая! – громко зову его. – Что происходит? Где я?

– Всё ещё в реанимации, – поясняет он, ловя ртом новую порцию поп-корна.

На кинотеатр, точно, не похоже.

– Но почему?

– Рецидив. Пить надо меньше.

– Ох ты ж... – в голове никаких воспоминаний: – А что будет дальше?

– Жирный спойлер²⁹ хочешь?

– Очень хочу, говори же!

– Оклемаешься маленько... В дурку поедешь.

– ЧТО? Зачем?

– Буйная ты. И вдобавок сама с собой разговариваешь.

– Джая, я С ТОБОЙ разговариваю.

– Да ну? – удивляется Он и в очередной раз тает в воздухе, подвергая сомнению мою нормальность. Галлюцинация от препарата? На этот раз на кафельном полу остаётся поп-корн – несколько жёлтых штучек... Закрываю и открываю глаза, напрягая зрение – они никуда не исчезают.

– Ангел, – вдруг заворуженно произносит сумасшедший мужчина, лежащий на кушетке сбоку: он аж привстал на локте.

Проходит какое-то время, прежде чем к нему возвращается прежняя бессвязная речь – он начинает беспорядочно двигать руками и ногами, как и прежде, говорит неразборчиво и бесконечно. Справа у стены под эти звуки всё так же хрипит бабушка.

Отклеиваю пластырь на руке, выдёргиваю катетер и зажимаю дырку в вене пальцем. Никакая я не буйная, и хватит мне уже этой жижики.

Появляется Наташа.

– Та-а-а-ак! – вопит она громко, чтобы и остальные услышали. – Что это? Сняла катетер!

– Ну да, – говорю спокойно, – у меня уже вена болит, а вас нет никого.

И изображаю кривую «примирительную улыбку для Наташи». На её лице отображается жестокая внутренняя борьба: ставить мне новый катетер и вливать «из принципа» или ну её, эту дуру. Особенно заманчивым вариантом для неё кажется стукнуть меня стойкой по голове, а меня бы устроило «ну её, эту дуру».

В этот момент поступает ещё одна бабушка: её кладут рядом со мной, на койку справа, и уходят. Она голая, грудь обвисла, но она ЖИВАЯ. И она беспрестанно твердит, что ей плохо – это действительно так. Молча лежу на боку и смотрю на неё, не моргая. Раньше я бы,

²⁹ Спойлер – преждевременно раскрытая сюжетная информация (прим. автора).

может, стала звать их на помощь, а тут лежу безразлично и просто смотрю. Что за препарат безразличия мне вкололи? Позвать бы их... Но они сами по себе...

– Ой, доченька, как больно-то, а... Больно-то как...

Бабушка вызывает ко мне, но по моим венам циркулирует безразличие. Лежу калачиком на боку и смотрю, а она совсем рядом, в метре от меня. Негромко говорит:

– Больно... Ох, больно...

Погромче бы, бабулечка... Я-то тебе верю...

Наконец, они появляются, явно в растерянности от того, что не знают, что же делать в таком случае. Так же, как и предыдущей, ставят ей подключичный катетер – это такая трубка, которую вводят глубоко в подключичную вену, потому что у бабушек нет таких толстых и упругих вен на руках, как у молодых. Один из моих знакомых врачей однажды возмутился: «Подключичка – это же прошлый век! Есть же ярёмка!».

Ну, давай, процитируй им это, ага... Пока они ставят подключичку, бабушка плачет, как и предыдущая:

– Всю искололи, девочки!.. Тренируетесь на мне?

Девочки ей ласково-профессионально:

– Бабулечка, полежи, полежи...

Бла-бла-бла...

Через какое-то время, которое я трачу на созерцание вытекающей мочи из бутылки, которая стоит на полу под голым мужчиной слева, снова медленно оборачиваюсь к ним.

...Бабушка лежит, глядя вверх, глаза и рот открыты. Через неё мы смотрим друг на друга – я и та бабуля с хрипами, что у стены с краю. Я замечаю, что она вжалась в стену и как будто боится стать следующей, взгляд испуган.

Девочки быстренько снимают ЭКГ, убеждаются, что «ну прямая, видишь же... прямая идёт». Убирают прибор. И начинают тренироваться правильно вставлять интубационную трубку. Я пытаюсь понять: она мертва или нет? Грудная клетка неподвижна. Я не верю, что она мертва, это невозможно. Она поступила в реанимацию живая. Как она теперь может быть мёртвой?

То, что она действительно мертва, я понимаю только после «оправданий» более профессиональной медсестры:

– Ну, на трупах же учились...

Девочка, которая пытается интубировать, попадает в пищевод, а не в трахею, и та настойчиво говорит:

– Пробуй, пробуй ещё!

Потом одна из них видит мой потрясённый взгляд и говорит своим:

– Вы это... потише... а то тут... лежат.

И они продолжают. Опытная объясняет, как вставить пальцы в рот, повернуть руку, отведя язык и вставить туда инструмент:

– Видишь, желобок сбоку? Он для языка. Да возьми же подальше, за ручку! Смотри, куда трубку вставляешь!

Наконец у них получается, довольны. Одна подходит ко мне и говорит тем же слащаво-лицемерным тоном:

– Отвернись в другую сторону, Солнышко, отвернись...

Он тоже называл меня Солнцем...

Глава 13

Карма лечится разговором (Джагдиш Сингх).

Четырнадцатое августа. Утро. И я в придорожной гостинице. Вяло шевелю зубной щёткой во рту, запершись в туалете. Слышала, что некоторые автостопщики рискуют даже принимать в туалете душ или прямо в раковине мыть бошку холодной водой.

Проснуться бы для начала после такого сна. Глаза разлепить. Нет никакой Алёны с её точечками, ни Наташи, ни бабушек, ни, слава Богу, голых сумасшедших мужиков. Пришится же такое... А есть Джая, который сидит на бачке унитаза и тоже чистит зубы.

– Джая... Зачем мне такие сны? – спрашиваю Его, выплюнув в раковину лужу белой пены.

– Заочное обучение, – отвечает он опять односложно. – Тебя ещё учить и учить.

...Наконец, выползаю на улицу с рюкзаком. Настроение никакое. Рядом с гостиницей выстроились рядами фуры, и я начинаю медленный обход. Неподальку стоит группка водил, которые смотрят на меня очень оценивающе. Слишком оценивающе даже. Подойти к ним? Как-то мне неуютно, притормаживаю. Мужики продолжают молча пялиться, и отдельные взгляды мне категорически не нравятся. Джая рядом нет.

Вдруг справа от меня раздаётся голос:

– Тебе куда?

Поворачиваю голову. Из тени, которую отбрасывает рядом стоящая фура прямо на меня идёт парень: у него нет нескольких зубов, и от этого он выглядит крайне пугающим. О, Хоспаде. Куда я попала? Что-то мямлю.

– Куда тебе надо? – парень повторяет вопрос более настойчиво и при этом ещё пытается улыбаться.

Лучше бы ты этого не делал, чувак: отсутствие зубов делает улыбку ужасающей.

– В Самару, – отвечаю угрюмо.

– Поехали.

Для того чтобы определиться, разговариваю дальше:

– А Вы скоро поедете? – тем же серьёзным тоном.

Парень суетится и говорит:

– Через три минуты, – почему-то сильно желая, чтобы я поехала именно с ним.

Оцениваю его ещё раз: вроде доброжелательный, весь на виду. Ладно. Соглашаюсь. Он помогает закинуть мой рюкзак в высокую кабину, а потом говорит:

– Ты только разуйся, пожалуйста, на улице.

Хм... Ладно. У меня ещё нет опыта езды на фурах, но автостопщики говорят:

– Да фуры – это САМАЯ ТЕМА!

«Самая тема», ага. Забираюсь внутрь, наконец-то разглядев, что поручни есть с двух сторон, а не только справа. Расшнуровываю свои огромные ботинки, отряхиваю их, стуча друг о друга за пределами кабины, и кладу на картонку, которую предварительно кинула под ноги. Внизу – красивый зелёный ковролин. Оглядываюсь... Батюшки...

В машине порядка больше, чем у меня в голове: чистота такая, будто хозяин дважды в день её пылесосит. В дверцах машины стоят освежители воздуха, панель натёрта до блеска, стекла сверкают чистотой. Кровать, расположенная за спинками сидений, убрана и идеально заправлена. Для полного сходства с домом не хватает, разве что, комнатного цветка. На приборной доске лежит закрытый ноутбук.

По центру лобового стекла висит кожаный мешочек, и парень поясняет:

– Это амулет, с казахской молитвой внутри.

Выясняется, что для него, как и для многих дальнобоев, кабина машины и есть дом – отсюда и отношение. Сижу, созерцая идеальную чистоту зелёного ковролина в салоне. Не проходит и минуты, как парень стремительно заводит машину, как будто боится, что я передумаю, и мы начинаем ехать.

– Меня Оля зовут, – говорю.

– Азамат, – представляется он, опять же улыбаясь и демонстрируя отсутствие трёх зубов сверху и четырёх снизу.

Азамат по национальности казах. Понимаю, что моё первое мнение о нём было ошибочным: на него наложились зубы (вернее, их отсутствие) и вид тех мужиков.

– Ты видела, как они на тебя смотрели? – спрашивает Азамат с особым ударением и интонацией. – Как волки! Я-то увидел! Вот потому и окликнул тебя! Я никого не сажаю к себе вообще-то! Один раз посадил парня, так он давай всё трогать и спрашивать: «А это что такое? А это зачем?». Не люблю этого. Прямо до драки дошло, выкинул его из кабины.

Сижу смирно: меня не придётся выкидывать. Единственное, что я делаю, возможно, не так – это сижу: подобрав под себя ноги – так они меньше устают. Азамат как будто читает мои мысли.

– Сидишь, как казахи, – мягко смеётся он, давая разрешение. Потом громко вздыхает и разочарованно качает головой: – Зачем ты куда-то едешь? Одна! Автостопом! Ты знаешь, какие люди на дорогах бывают! У-у-у! Домой езжай!

– Мужа себе найти хочу, – вдруг выдаю я. – Еду ему навстречу.

Азамат бросает на меня взгляд – всерьёз я или нет? – и начинает расспрашивать о личной жизни подробнее.

Когда едешь с дальнобойщиком, то скрывать нечего, ни ему, ни мне. Это как в поезде – часто люди рассказывают такие вещи, которые не обсуждаются даже с близкими родственниками – такая психологическая помощь онлайн. Дорога вообще ассоциируется с движением, как сама жизнь. «Всё пройдёт» – это и о дороге тоже, о движении.

– У каждой машины свой характер, – просвещает меня Азамат. – Приятель мой рассказывал, что как только тёща садится в его легковушку, машина тарахтит, с места двигаться не хочет. Другие садятся – едет. А с ней – ни в какую: с горем пополам ползёт, глохнет по пути раз десять. Жена его не верила, пока однажды сама не повезла маму по делам. «Она ехать не хочет!» – звонит ему. Он ей: «Маму решила куда-то свозить, что ли?». Так точно!

Вспоминаю описание из книги «Посланник» Клауса Джоула, как его новая машина с полным баком бензина неизменно глохла, когда он пытался свернуть на дорогу, ведущую к горному обрыву, чтобы покончить жизнь самоубийством. Действие происходило рядом с бензозаправкой, мимо которой он всю ночь и ездил туда-сюда. Машина превосходно ехала по другой дороге, но наотрез отказывалась ехать по той, которая вела к обрыву.

– Про эту машину, – рассказывает Азамат дальше, – прежний хозяин говорил: «Когда она начинает хандрить, заливаешь в неё стопку водки, и сразу всё проходит». Показал, куда вливать. Я посмеялся, думал: шутит. Проходит месяц, и машина впадает в форменную депрессию – заводится не сразу, пыхтит, «едет грустно», глохнет, в общем, «хандрит». Купил чистый спирт, в шприц набрал и влил, куда было завещано. Машина тут же ожила! Едет! Бодрячок! Воспряла!

Посмеиваюсь.

– Апатия даже у машины иногда бывает, – продолжает вещать Азамат, рассказывая, как хотел продать машину и для эмоциональности сдабривая свою историю сочными «французскими» словами. – ... (*проститутка!*), машины всё чувствуют. Я свою машину долго продавал на базаре, ... (*проститутка!*), ... (*абстрактное осознание ситуации, в которой под влиянием различных фактов вы терпите колоссальное фиаско*). Всю её натёр: «Всё, продам я тебя ... (*на пенис*), на базар поедem, готовься». Всё, ... (*проститутка!*)! На базар прие-

дем – она не продаётся ни хрена! – он смеётся. – А продал один раз просто. Сказал: «Всё, ... (*проститутка!*), продавать не буду, буду сам ездить». Всё, заездила, всё ... (*хорошо, прекрасно, великолепно*). И у магазина клиента встретил: «Всё, берём, берём», о цене договорились, там сразу бабки забрал, поехали до нотариуса, ключи отдал, да и всё. Она сама, даже, по ходу не поняла, как продалась. Это ... (*ещё одно колоссальное фиаско*), ... (*проститутка!*). И такая ... (*ситуация*) бывает. Всё-таки душа есть у них тоже, – завершает он свой словоохотливый французский рассказ.

Самое забавное то, что мы едем под классическую интеллигентную музыку – вечернюю серенаду Франца Шуберта в исполнении, ни больше ни меньше, академического оркестра.

Дальнобой вообще все «франгузы». Со мной они стараются не материться, но не всегда получается – общаться же как-то надо. Между собой с помощью трёх-четырёх матов они умудряются пересказать сложную обстановку на дороге, без которых получается сухо и непонятно. Под такие байки ехать – милое дело.

Азамат говорит:

– Сразу видно, что ты новичок, – а на мой удивлённый взгляд добавляет: – Всё время в карту смотришь. Опытные-то наизусть все города знают.

Улыбаюсь. Сами водители-дальнобой знают географию не просто на «5», а на «5» с тремя плюсами, – особенно те, кто со стажем. Я едва успеваю отыскать на карте следующий пункт, а они уже перечисляют их с десятков дальше по трассе, причём включая маленькие деревеньки.

А ещё Азамат не курит. Уверена, что, как некурящий дальнобойщик, он занесён в Красную книгу.

В каждой фуре обычно есть рация, и у большинства даже в рабочем состоянии: по ней они предупреждают друг друга о проблемах на дороге, иногда просто болтают. Часто можно услышать что-нибудь вроде: «Ребята, кто на Казань едет, скажите обстановочку», и встречные рассказывают. Бывает, что и ругаются со страшной силой.

– Кричат, – посмеивается Азамат, – уже хотят кишки друг другу прилюдно пустить, печень помять или надавать по щцам... По рации всё слышно! Одни тут орали – думал, точно поубиваются. Остановился, пошёл в кафешку поесть, и вижу обоих – за одним столом сидят и «братаются»! Подхожу... – и Азамат описывает диалог: – «Здорово, пацаны!» – весело здороваюсь. «Здорово», отвечают. «Вы ж только что глотки друг другу рвали, не? Чего теперь делаете?». «Мировую заключаем», – Азамат смеётся в полный голос и продолжает пересказывать: – «Ну понятно, ... (*проститутка*). Вы были злейшими врагами, а теперь вы ... (*удивительные, потрясающие*) кенты?», – и его пробивает на откровенный смех.

Едем и оба смеёмся: у мужиков нет дружбы лучше, чем после драки.

– Вот дают пацаны! Красавцы! – восклицает Азамат, и затем с грустью замечает: – Обмельчал водитель-то. Раньше только сломайся – обязательно две-три машины останавливаются узнать, чем помочь. Теперь не докричишься, бывает...

Какое-то время едем молча, под незабвенного Шуберта.

– Я аж сам удивился, когда окликнул тебя! – внезапно поражается Азамат сам себе, повторяясь.

Выясняется, что он тоже один, и девушки нет уже давно. С некоторых пор он боится даже знакомиться с противоположным полом – так и живёт в машине месяцами.

Свои рассказы он перемежает страшилками и увещеваниями: «А давай ты домой поедешь? Пересадим сейчас тебя на встречную фуру, и – домой, а?». Волнуется за меня, видит, что я – новичок.

Потом, поняв, что он сделал всё, что мог (включая неизбежный перечень рассказанных страшилок), махает рукой, и мы опять переходим в режим баек. Азамат рассказывает о жизни дальнобойщика.

– ... Одни на самолёте летели из Китая до Киева пять дней! А мы приезжали за четыре сутки, – рассказывает Азамат, слегка коверкая русский язык. – Но, конечно, приезжали в умат: сонные там и никакие, аж ноги нунах ватные какие-то становятся, страшно. Приезжаешь в Киев, только на погрузку встал, они выгружают... выгрузили... Отъехал, всё: брык, спать. Я сколько ездил – постоянно ровно сутки спал. Сутки высыпайся, через сутки встаёшь... моисся... себя в человеческий вид приводишь...

Одной рукой он выдвигает пластиковый ящик, спрятанный под койку, открывает крышку и вытаскивает мешок с баранками:

– Ты ешь, ешь! На меня не смотри! Вишь, какая худая.

Угощаюсь парой баранок, улыбаясь, а он продолжает рассказывать:

– Я один раз в Минске чуть не женился. Да! Не веришь, что ли? Там... девчонка одна... Лена. Вот, видит Бог, я Ленку даже пальцем не тронул! Но почему-то жениться хотел на ней. Потом всё уже, я говорю: «В следующий рейс приеду...»: ну знаешь, хи-хи, ха-ха... Её отец всё время нас по Минску катал, мамка блины пекла. Всё, конкретно решил: приеду, женюсь и в Минске останусь жить. Ну её на ... (*старинное название буквы «х» в старославянской азбуке*) Алма-Ату, всё равно чё там... меня там ничего не держит.

На какое-то время он замолкает.

– Меня на следующий рейс раз: в Москву отправили. Потом приехал обратно, думал, всё, в Минск поеду. Нет, блин, меня берут – в Грузию отправляют!

Так и заездился. Не вернулся он в Минск, и осталась девушка Лена без Азамата, а Азамат без тёщиных блинов.

Тут у меня звонит телефон, отображается номер ветклиники.

– Алло? – снимаю трубку.

– Привет! – голос Лерки. – Не отвлекаю? Ты где?

– Я в роуминге! – кричу в трубку. – Но если точнее, то где-то рядом с Казахстаном.

Лера какое-то время молча переваривает информацию, говорит в воздух: «Ох, ни хрена себе!», потом быстро находитесь и переходит к делу:

– Рыжик пришёл, с уретростомой. Они всё делали сами, две недели прошло, пришли швы снимать. Снимать?

Теперь понятно, почему она звонит: внутри коллектива есть правило – после уретростомы швы снимает тот, кто оперировал.

– Конечно! – кричу я. – Там все швы на виду, не бойсь. Он ест, писает, какает?

– Да, с этим проблем нет, – быстро отвечает Лерка, проникнувшись словом «роуминг». – Ладно, давай! – и я слышу, как она говорит кому-то из наших, прежде чем повесить трубку: – Снимаем!

Прячу телефон в карман. Азамат смотрит на меня странно. Здесь долгая дорога, пыль, трудности, а в полутора тысячах километров отсюда – кот Рыжик, который ест, писает, какает и пришёл снимать швы. И это прекрасно! Вкратце рассказываю об этом Азамату.

– Это Сызрань, – поясняет он, когда мы проезжаем очередной город транзитом.

– Сызрань, – повторяю я, стараясь запомнить города на маршруте.

Карта лежит у лобового стекла, нагреваемая солнцем, – я изредка заглядываю в неё.

– Город проституток, – бодро характеризует Азамат город Сызрань.

Начинаю хохотать: какой гид пропадает!

– Я тебе... серьёзно я тебе говорю! – посмеиваясь, громко кричит Азамат. – Куда ни нырни – везде они стоят: там они стоят, там стоят... На той стороне стоят... – он показывает рукой в разные стороны будто Ленин на бронеике.

«Плечевых» Азамат не любит:

– Ляжешь спать, уставший. Шторами все окна задвинешь. Только засыпать начнёшь – стучат в стекло, окружают машину, спать не дают.

К тому же с его любовью к чистоте он, наверное, старается даже не дышать в зоне их видимости. Я вполне его понимаю.

Попадаем в пробку, и через какое-то время моему взору открывается величественная река Волга. Я вижу её издалека: дорога идёт извилистая, и на одном её участке видна речная голубизна на фоне невысокой горы. Медленно мы проезжаем по широкому мосту: слева возвышается стена огромного сооружения.

– Это плотина Волговская стоит, – поясняет Азамат, видя мой интерес.

Справа – высокий проволочный забор, за которым разливается синяя бескрайняя река. Густой толпой у бетонного берега, где сливается широкой полосой вода с плотины, что-то ловят, пикируя с высоты, белоснежные чайки. На ограждении висит табличка «Запретная зона. Проход и проезд запрещён». Плавно проезжаем мимо неё, двигаясь в пробке.

За Волгой стоит город Тольятти, где мне, по идее, нужно ехать прямо, а Азамату, который едет в Казахстан – поворачивать направо. Чем ближе этот поворот, тем в большей я неуверенности. Азамат мне нравится своим спокойствием и уравновешенностью, – таких водителей терять всегда жаль. И мне вломашно опять стоять на обочине и кого-то ловить, не будучи уверенной в своей удачливости.

Мучительно вглядываюсь в карту, листаю её назад-вперёд и, наконец, делаю свой выбор:

– Азамат! А можно я с тобой поеду? Через Казахстан?

Он впадает в задумчивость, которую я разгадываю далеко не сразу. Наконец, произносит:

– Хорошо, – но как-то неуверенно.

Проезжаем Тольятти, Азамат останавливает машину, зажигает плитку и ставит на неё сковородку.

– Кормить тебя буду, – объявляет он торжественно. – Толстеть тебе надо.

Я вытаскиваю из рюкзака свои продукты, но Азамат, махая руками, требует убрать всё это обратно. Повинуюсь.

На сковородку он вытряхивает ярко-оранжевое жирное содержимое банки «Тушёнка говяжья с кашей», мешает жижу вилкой и потом отдаёт её мне:

– Ешь давай.

– А ты? – вопрошаю я.

– На меня не смотри! – восклицает он патетически свою любимую фразу.

Тоже берёт вилку, но едва ли съедает четверть содержимого сковородки. Обмякиваю её хлебом – крупные белые ломти нарезаны и лежат рядом – и с наслаждением смачно ем: Азамат смотрит на это зрелище и улыбается. Омноном... Вкусненько!

– Чай сейчас будем, – говорит он.

Я начинаю вещать о том, что чай, как и любые жидкости, после еды вреден, так как разжижает желудочный сок, нарушая пищеварение. Азамат начинает хохотать:

– О-о-ой... Ну у тебя вообще в голове беда. Срочно замуж надо! Чай она уже не пьёт после еды! О-о-ой... – он смеётся, держась за живот, но так безобидно, что я начинаю хохотать вместе с ним и в итоге соглашаюсь на чай.

Наконец, ужин закончен – Азамат прячет посуду с хлебом в ящик, и мы снова едем. Вот и поворот в сторону Казахстана. Долго пытаемся выяснить, нужен ли загранпаспорт для пересечения границы: я – отправляя смски Танечке, Азамат – спрашивая в рацию своих коллег, – оказывается, что не нужен.

Мы подъезжаем к границе ночью. К счастью, очередь из машин небольшая, и мы проходим её за час. Но сначала, пытаясь подъехать к очереди из фур, мы едва протискиваемся между «колейкой» легковушек и краем ужасающе раздолбанной гравийной дороги. Целиком превратившись во внимание, Азамат старательно маневрирует, пока мы не утыкаемся в легковушку, вставшую посередине полосы. Терпение на пределе. Азамат останавливается, открывает окно и начинает орать:

– Уйди на ... (*пенис*) с дороги! Не видишь: у вас своя колея, у нас – своя?

Легковая машина пятится, пропуская нас на вторую полосу. Проезжаем, пыля и изрядно бултыхаясь в воздухе из-за дорожных ям.

... Прохожу все процедуры, мне дают специальный пропуск в виде маленькой анкеты – это миграционная карточка. Заполняю анкету печатными буквами: «гость», пишу адрес и свои данные. На листок ставят печать с датой въезда. Азамат велит беречь эту бумаженцию с особым тщанием.

– Ты же не сбежишь? – спрашивает он настороженно.

Я так удивлена вопросу, что переспрашиваю его:

– Чего?

... В итоге въезжаем на территорию Казахстана, когда за окнами начинает чернеть глубокая южная ночь. Азамат говорит:

– Значит так... Если тебя кто-то увидит здесь – то ты просто попутчица. Поняла?

На три секунды я недоумённо задумываюсь, а потом парирую:

– Азамат... Я и есть... просто попутчица...

Он неожиданно и громко смеётся так, будто я сказала смешную шутку. Подтверждает: да, так оно и есть, и почему только он это сказал? Мне становится понятным его смещение – он боится людского мнения, что его знакомые могут подумать, будто он подобрал проститутку. Не дай Бог ещё кто-то из родственников увидит...

Мы едем по ночной дороге, потом Азамат заезжает на одну из стоянок для фур и ставит машину на место, указанное сторожем, который при этом пристально разглядывает меня. Стоянки для фур платные.

– На этой стоянке «плечевых» нет, – объясняет свой выбор Азамат.

За окном чёрная ночь, и мне становится стрёмно: я в замкнутом пространстве, с едва знакомым мужчиной, в незнакомой стране, да ещё и ночью. Азамат в это время раскладывает верхнюю полку и говорит:

– Ты будешь спать наверху, а я – внизу.

Киваю головой, ничем не выдавая свою тревогу. Достая из рюкзака спальник, вытаскиваю его из компрессионного мешка, и он, словно живой, начинает медленно распрямляться, приобретая обтекаемый вид. Забираюсь наверх, улезаю в него и слышу снизу просительный и жалобный голос Азамата:

– Только ночью не приставай ко мне, ладно?

Ну нет, прям сейчас начну от страха помогать. Едва сдерживаясь от смеха, отвечаю:

– Азамат... Обещаю, что буду держать себя в руках изо всех своих сил!

Уф... Чуткая ночь без снов – и это прекрасно.

Утро встречает нас восхитительным восходом солнца: пастельные тона всех цветов смешиваются на грандиозной палитре неба. Ни облачка.

Азамат уже проснулся, чистит зубы, стоя у бока фуры. Для этой цели в канистру со впаянным краником налита вода, а сама канистра боком стоит позади кабины – там есть небольшое пространство. Выползаю на улицу, слегка опухшая, тоже с зубной щёткой в руке.

Завтракаем. Азамат кипятит на плитке красивый металлический чайник с изогнутым носиком, заваривает чёрный мелкий чай.

– Сахар, – объявляет он, открывая огромный пластиковый короб с белыми кубиками сахара: количество впечатляет.

По стоянке мелкими перебежками кочуют низкорослые худощавые собаки. Из высокой травы, растущей по краям стоянки, периодически вышныривают более мелкие, или ещё щенки, бредут, нюхают на ходу землю и ложатся в общую кучу боком к боку.

Глава 14

Кто не матерится за рулём – тот плохо следит за дорогой.

– Мотает тебя. С ума сходишь, потому что одна. Замуж тебе надо, срочно! – ставит диагноз и тут же даёт рецепт Азамат, протирая узкие глаза одной рукой; второй – рулит.

Рассвело. Мы едем по направлению к городу Уральску.

– За кого же? – в весёлом отчаянии восклицаю я, всплеснув руками.

– Да хоть бы и за меня, – говорит Азамат и мимоходом смотрит на мою реакцию.

Отмалчиваюсь.

– Ты мне свой телефон дай, я тебе позвоню! Обещаю, что позвоню! – он горячится, отвлекаясь от дороги. – И ты мне звони.

Диктует два своих номера.

Тут как раз один из телефонов звонит у него.

– СИДИ ТИХО, – отчётливо говорит Азамат, сделав испуганные круглые глаза.

Эту фразу я буду слышать регулярно. Азамат начинает говорить с такой интонацией, что будь я его женой – сразу бы догадалась, что он едет в кабине с женщиной. Стиль разговора и сразу меняется, и я этот тон хорошо знаю. Женская интуиция, которая так правдива, часто открытым текстом предупреждает о чём-то, но большинству женщин кажется выгодным быть глухой, слепой или хотя бы тупой бабой как можно дольше.

Азамату звонит женщина, они говорят на казахском. Меж тем дорога пустынна, и это подтверждает фразу, сказанную им ранее: «В Казахстане такие дороги – хоть боком езжай!». Так и есть: изредка, примерно раз в десять минут нас кто-нибудь обгоняет или едет навстречу. Поэтому скорость у нас приличная, а рулит Азамат одной рукой.

Для меня становится очевидным, что я не буду ему звонить. Проходит полчаса, а он всё говорит и говорит по телефону. Я пытаюсь не забыть, что надо молчать и сидеть тихо, но тут случается непредвиденное.

Прямо перед нами, как по волшебству, возникает лошадь, трюхающая в телеге со скоростью, едва ли превышающей двадцать километров в час. Ползёт она по нашей полосе. А рядом, слева от неё, с той же скоростью, но по территории встречи так же неспешно бежит крупная собака, – ни объехать, ни обойти. Приближаются они столь стремительно, что я, забыв про осторожность, невольно громко вскрикиваю:

– Ой, ... (*проститутка!*)! – и тут же зажимаю рот обеими руками, с той же громкой мыслью, ухнувшей в голове: «Ой, ... (*проститутка!*)!».

Одновременно с этим Азамат с грохотом роняет телефон на пол и начинает гудеть и тормозить одновременно. Ремень безопасности врежется мне в ключицу, которая и так уже болит от постоянного давления. Лошадь резко уходит вправо и умещается на обочине, продолжая трюхать, а собака – влево, и мы каким-то чудом проскакиваем мимо них, никого не задев...

По всей вероятности, я не спалилась только потому, что Азамат уронил телефон как раз в момент моего вопля. Во всяком случае, проблем не возникло... Уф-ф-ф... Даже не знаю, чего я испугалась больше...

Табуны, стада и отары ходят с обеих сторон от дороги: везде пасутся лошади, и коровы, и овцы. Некоторых пасёт пастух. Большинство ходят у обочины и объедают одинокие зелёные пучки травы, оставшиеся исключительно здесь. С обеих сторон от дороги лежит выжженная степь, преимущественно бежевого цвета. Иногда она раскрашена красноватыми или фиолетовыми пятнами цветущих трав, и даже полосы деревьев, посаженные с двух сто-

рон, выглядят как коряги, воткнутые в землю: сухие палки, у основания которых едва пробивается новая зелень, – вся остальная степь покрыта чухлой с виду, тощей травой.

– Лошади! И коровы! – с восторгом кричу я, тыча пальцем в сторону степи.

Именно Казахстан начинает первым удивлять меня количеством этих животных.

– Да-да... Мя-я-ясо, – подтверждает довольный Азамат.

– Там пастух! На лошади! – мой детский восторг плещется через край.

– Ну правильно, чтобы еда не убежала, её надо пасти, – Азамат громко смеётся надо мной. – И чтоб жирнела. Вот сейчас придёт зима, и как начнёт он их... – в его голосе слышится дополнительная мечтательность, – ... резать. И – направо. И – налево... – и тут же переключается: – Вот урод, ... (*проститутка!*) что делает на ... (*пенис*) камазик, а? Выехал на середину, а ехать не может...

Камазик, как будто услышав его мысли, прижимается к обочине, и мы огибаем его под добродушный мат Азамата.

– Казахи в основном мясо только и едят! – радостно восклицает Азамат. – Как ты собираешься быть в Казахстане и не есть мяса?

– Ну... Я не собираюсь здесь быть. Проездом жеж!

Мясо я периодически ем. Но, видимо, не в таком количестве, как среднестатистические казахи.

Кладбища здесь похожи на памятники – широкие стенки оградок выложены из красного или светлого кирпича, много чёрных монументальных могильных плит. Среди них иногда встречаются даже маленькие, как будто игрушечные, домики, выложенные из камня и украшенные сверху аккуратными маковками.

Вдоль дороги периодически появляются небывалые горы из арбузов и дынь, сложенные в виде пирамид.

Нас догоняют белорусы. В рацию они спрашивают друг друга: «Почему не работает GPS?», на что Азамат, отвечая в воздух, начинает возмущаться:

– Прально, нихрена вы хотели, чтобы в степи GPS вам показывали, блин, ёу! GPS вам верблюды нах покажут, куда как ехать нах. Вот, блин, белорусы, а! Ещё нас чурками называют, а сами-то. Хитро (*совокуплённые*), ... (*проститутка*)...

Азамат любит структурировать время разговором. Что-то только материться начал много: наверное, я становлюсь «своей» в его среде.

– Где ментозавры-то? Вдоль дороги обычно всегда стоят. Спят, что ли?

Въезжаем в город Уральск. Главная дорога города немногим более оживлённая, чем трасса до этого. Примерно три-четыре машины едут одновременно в зоне видимости по широкой, многополосной дороге. В городе очень много зелени.

– Пушкин, Лермонтов сюда приезжали, – говорит мой гид. – Для чего, ... (*проститутка*)? Они сюда, по ходу, для это... по тёлками приезжали просто, я так думаю. А для чего сюда приезжать ещё? Пушкин! По тёлкам приезжал сюда, балдеть. Ему там скушно, видать, было. В дом терпимости сюда срывался, к тёлкам. А как по-другому сюда срываться? Потому что всегда считалось: ссылка эти города! Уральск, Семипалатинск, Усман... в эти города отправляли в ссылку. Всё! При царе тоже ссылка же была, прально?

– Конечно! – меня забавит такая историческая справка, и я поддакиваю для поддержания разговора.

«Усман» – это сокращённое название Усть-Каменогорска.

– Я ж говорю. Без права переписки нах! – восклицает главный историк всея Казахстана.

Мы выезжаем из Уральска, и тут же на дороге нас останавливает ленивый, едва проснувшийся гаишник, вяло взмахнув полосатой палкой.

– А, вот вы где, родимые, – радостно восклицает Азамат, привычным жестом беря заранее приготовленную сине-серенькую казахскую купюру с приборной доски.

Пятьсот тенге.

– Платить обязательно? – удивляюсь я.

– Ты что? – восклицает Азамат, мягко притормозив прямо возле гаишника. – Конечно! – и открывает дверь.

Азамат протягивает документы, а вслед за ними и деньги. Гаишник мельком смотрит на документы, а потом недоверчивым взглядом – на меня: я сижу с нейтральной физиономией, но в душе очень возмущена. За что платить? За? Что?

В итоге нас отпускают, денег не взяв. Азамат едет и удивляется:

– Почему не взял? – и через пять минут грандиозных раздумий выдаёт. – А! Тебя испугался!

Решил не рисковать: вдруг я какой инспектор по борьбе со взяточничеством?

– Да раньше гаишники просто шляпу клали на обочине. Остановишься, деньги положишь и едешь дальше, – говорит он.

Слушаю историю про то, как Азамат «поступал» своего ребёнка в Суворовское Алма-Атинское училище: платить пришлось трижды, и сумма меня впечатлила. В третий раз он был в рейсе, и пришлось просить друга, чтобы тот съездил к нему на работу, взял причитающуюся зарплату и отвёз эти деньги куда полагается.

Ещё он боготворит российских гаишников – если предыдущий водитель называл их «утырками», то Азамат, видимо, в сравнении со своими, говорит:

– Российские хотя бы за дело останавливают и штрафуют! А наши просто деньги берут, ни за что!

– Как так? А если не платить? – не могу смириться с этой дорожной наглостью.

– Если не заплатишь, начнёт муржиться три часа. К документам придираются. А у меня – время...

Мы пересекаем реку Урал, значительно обмелевшую за последние годы. Оказывается, из-за большого количества паводков весной здесь часто бывают наводнения, и была даже построена противопаводковая плотина, которая ловит воду, сброшенную Астанинским водохранилищем в реку Ишим. Объём воды исчисляется миллионами кубометров.

Серьёзные наводнения весной здесь не редкость. Одно из них, довольно впечатляющее, было в апреле этого года, и Азамат вспоминает об этом возмущённо: количество матов зашкаливает, а из приличных слов присутствует только одно слово, «плотина».

Останавливаемся возле кафе – это сколоченный из разнокалиберных досок вагончик, облицованный изнутри фанерными листами. Заходим внутрь.

Для украшения на стене заведения висит голова кабана, на полу стоит чучело волка, частично загромождающее проход, и на стоячей вешалке висит ещё одна волчья шкура, – прямо под широкоэкранным телевизором, подвешенным на уровне головы. Все, кто заходит, оказываются под взглядом тех, кто смотрит телевизор, а его смотрят все.

Показывают новости: в России бушуют пожары – Бурятия, Иркутская область, Красноярский край, – под такие новости легко заработать язву желудка.

За столами сидят одни мужики, человек восемь, и вид у них суровый, – водилы. Кроме них здесь хозяйствуют две казашки: обе спокойные, но тоже не улыбочивые.

Азамат, видимо, чтобы перевоспитать меня, заказывает традиционное казахское блюдо, – оно называется шурпа или сурпа. Мои попытки заплатить за себя терпят фиаско: открываю молнию на кошельке, и тут же слышу шипение Азамата:

– Убери! – таким тоном, что спорить нет и в мыслях.

Заплатить за себя вопреки этому протесту, видать, тут же приравняется к прилюдному оскорблению. Проникаюсь благодарным ощущением, позволяя Азамату расплатиться самому.

В ароматном бульоне плавает большой кусок баранины с несколькими прилипшими к нему чёрными шерстинками, две круглых больших картошины и кусок моркови. Вкусно.

– Ешь, ешь! На меня не смотри! – произносит он тихо. – А то ишь...

И вот мы снова в пути. Нас нагоняет ещё одна фура. Слово за слово, по рации они знакомятся: водителя позади идущей фуры зовут Игорь.

Мужики теперь едут компанией, переговариваясь по рации – рассказывают истории, смачно приукрашенные матом. Рация позволяет говорить только одному – другой в это время слушает – поэтому, когда подходит его очередь, водитель часто начинает разговор словами «да-да», – мол, проверка связи.

– Азамат, заметь, вот с советского времени все мужички отличные, да? – хвалит своё поколение Игорь.

– Да-да, братан! Советское воспитание! – уверенно поддакивает Азамат, кивая головой. – Они знают, как с молодыми разговаривать, как себя вести надо. В то время, знаешь вот подумал, воспитание какое было? Как вот нас воспитывали? Говорили: «Если старше – надо уважать». Всё! Понимаешь? Если младше, то он тебя уважает, как младшего. А сейчас посмотри у молодежи, даже уважения ведь нету! Вот, например, я при старших даже пытаюсь не пить. Курить-то ладно, Бог с ним, уже совести нету. Совесть-то прокурил, всё. А вот пить нельзя – нас так учили. Счас, посмотри молодёжь: пофигу! Взрослый мужик, ему уже лет под пятьдесят, а они с ним на «ты» начинают! Дядя-матя там... Тётя... Недоделанные какие-то, как свистулька без дырки! Головное мышление напрочь отсутствует! Одно двоеглазие!

Я тихо посмеиваюсь от его выражений.

– Да-да, счас молодёжь... Ни уважения, ни субординации нет. Если человек старше, я прислушиваюсь к нему, ... (*сокр. от «проститутка»*), – подтверждает Игорь.

В ходе беседы догоняем ещё одну фуру и обгоняем её, а Игорь идёт сзади:

– Я следом иду, да? – уточняет он безопасность, потому что из-за нас ему ничего не видно.

– Давай, давай – чисто впереди, никого нет, – отвечает Азамат, – только перекасти-поле катаются туда-сюда.

– Пусть катаются, – добродушно говорит Игорь низким прокуренным голосом.

Дорогу действительно перебегают шары перекасти-поля: какие-то побольше, какие-то поменьше резво бегут они, вприпрыжку выскакивая из неглубокой придорожной канавы, идущей справа и шустро исчезая в канаве слева. Некоторые попадают под колёса, теряют способность катиться и лежат потом на асфальте, бочком, а проезжающие следом машины колёсами крошат их в летящую пыль.

– Я в прошлый рейс на саранчу нарвался, ... (*проститутка*). Где я нарвался? У Актау. Вся машина в саранче, ... (*проститутка*). Окна открыть не могу: воняет, ... (*проститутка*), ... (*опять колоссальное фиаско*)! – Азамат смеётся.

– Да-да. Я в позапрошлом году этой дорогой ходил, на Воронеж таскал трубы пластиковые на ... (*пенис*), – Игорь говорит не спеша, взвешивая каждое слово. – Сначала она ещё на асфальте сидела. ... (*Пенис*), полосы эти красные ... (*ещё одно колоссальное фиаско*). Потихоньку по ним надо, а то нырнёшь, улетишь сразу нах. А потом она на крыло поднялась. Ё-моё!.. Главное, здесь едешь – птички не подлетают. Я в Костанайскую зашёл, на Денисовке встал там... перекусить. Птички сразу, ... (*проститутка*), облепили! Пока я там туда-сюда час-полтора стоял, всю мордочку очистили на ... (*пенис*)!

По месиву из саранчи ехать очень опасно, потому что раздавленные насекомые превращаются в скользкую кашу. В последнее время саранча стала настоящим бедствием – за один день целые поля уничтожаются этими огромными летучими «кузнечиками», съедающими

столько, сколько весят сами. На месте густых зелёных зарослей из кукурузы остаются только лысые ряды объединенных палок.

Мы бодро едем по абсолютно пустой трассе: Азамат впереди, Игорь сзади. Истории продолжают:

– Я чё-то смотрю – шершень! ... (*имеющий опыт полового сношения в качестве пассивной стороны*) в рот, ... (*офигеть*) на ... (*пенис*), ... (*проститутка*)!

– Ты в Украине видел шершни какие? – громко смеясь, спрашивает Азамат.

– Там не шершни, ... (*проститутка*)! Там слоны летучие, на ... (*пенис*)!

Количество матов означает, что шершни там довольно большие.

– Да ... (*фиаско*) просто: динозавры! – Азамат хохочет. – Я из Китая проехал, в Киеве выгрузился, и у меня машина затроила, поехал на СТО. Открываю окно, а там шершни! С палец величиной! Во!

И он показывает мне палец, слава Богу, большой.

– Да-да, а подлетают, как будто реактивный самолёт на тебя летит! – эмоционально подтверждает Игорь голосом, который чем-то сам похож на этот звук.

Выясняется, что у Азамата аллергия на укусы насекомых. Он рассказывает, как однажды в дороге его прямо в ухо укусила пчела, влетев в окно: еле до больницы добрался. Из-за аллергической реакции горло отекло так, что в больнице пришлось Азамата интубировать, иначе бы задохнулся.

– Три дня меня держали, не хотели отпускать! – эмоционально рассказывает он.

Он очень радостный, этот парнишка Азамат – чуть не умер, а рассказывает, смеясь.

Потом водители впадают в ностальгические воспоминания об армии, куда ж без этого? Армейские истории похожи одна на другую, и общее мнение «лучше пройти эту школу жизни заочно» – тоже.

– Вы окурки хоронили? – спрашивает Азамата Игорь.

– Да-да! – он хохочет. – А как же!

Есть такой ритуал в армии. Брошенный на плац окурки вынуждают подобрать, и нарушитель принимает живое участие в ритуале «похорон». Для этого окурки сначала транспортируют до места погребения – при этом его кладут на простыню, за четыре угла которой берутся четыре бойца и бегут несколько километров, причём так, чтобы окурки не улетел на землю. На месте выкапывается большая глубокая яма, размером с настоящую могилу. Туда с должными почестями кладётся окурки, завернутый в простыню и закапывается. Земля утаптывается.

После чего задаётся вопрос:

– А в каком направлении мы его положили?.. Как?.. Так неправильно же!.. Откапывайте обратно!

Мужики обсуждают стукачей.

– Да он командиру роты весь доклад сдавал, ... (*имеющий опыт полового сношения в качестве пассивной стороны*) в рот. Я его, ... (*проститутка*), чуть не убил на ... (*пенис*)! Меня из-за этого судили, ... (*проститутка*), – видимо, Игорь в армии был суровым и беспощадным авторитетом.

– ... (*Проститутка*), опасно... – высказывается осторожный Азамат. – Мы, примерно, знали кто что стучит, но всё равно, блин, не трогали их, опасались. Потому что не дай Бог тронешь... блин, он сто процентов замполиту пожалуется, замполит начнёт потом, знаешь, палки в колёса ставить. И ... (*фигней*) страдать. И вот ходишь молча, терпишь, ну... в душе знаешь, что они все стукачи. Я старался дружить со всеми.

Воспоминания постепенно переходят к деталям. Игорь грубоватым голосом, жалуясь, говорит:

– Вот раньше в армии служили: бежишь в семейных трусах, яйца то в одну сторону, то в другую переваливаются! Сейчас хоть трусы нормальные дают: рай, а не служба!

Не выдержав, хохочу в полный голос, уже не пытаюсь скрыть от Игоря своё присутствие.

– Игорь, ты мне тут девчонку насмешил, – смеётся вместе со мной Азамат.

Тот, не смущаясь, отвечает:

– Ничо, ничо! Пускай посмеётся!

Проезжаем мимо какой-то деревни, и вдруг на встречной полосе оказываются гуси: организованным строем они идут по встречке.

– Аккуратно! У нас тут гуси! – предупреждает Игоря Азамат, одновременно притормаживая.

Минуем гусей, едем дальше. Игорь замечает:

– Дак они и не нарушают. Идут по своей полосе!

Смеёмся все вместе.

– Ты всегда такой хороший? – спрашивает его Азамат и поясняет: – Разговорчивый!

...Потом они разъезжаются, каждый своим путём, так и не увидев друг друга в лицо. Вскоре приходит время вылезать и мне: Азамат едет в Алма-Ату, а я собираюсь заехать в Оренбург, к Джагдишу – он звал меня в гости.

Джагдиш – мой друг и инструктор по кундалини-йоге. К счастью, я успела подружиться с ним до того, как увидела в ослепительно белой одежде в качестве инструктора. «Не надо лишний раз раздувать моё духовное Эго, – сказал тогда Джагдиш, видя моё потрясение его божественным видом. – Моя задача: поделиться, – раз. И бросить вызов – два. Дать испытание, сложность, стену, чтобы ты смогла пройти и получить свой опыт. Гуру один – это Бог, и Он в каждом».

...Напоследок спрашиваю у Азамата:

– Азамат, как ты думаешь: в чём секрет семейного счастья?

Он, недолго думая, отвечает:

– В пигоди.

– Чего? – я не понимаю. – В погоде?

– Пигоди – это такие корейские пирожки из мяса, – поясняет он.

– И всё?

Он думает ещё пару секунд:

– И ещё есть куырдак.

– Чо? – опять переспрашиваю я, так как впервые слышу оба эти слова. Судорожно пишу их в блокнотик, но карандашный грифель с хрустом ломается.

– Куырдак – это казахское блюдо – жаркое из субпродуктов, – просвещает меня Азамат в вопросе семейного счастья.

Мужики... Сговорились вы все, что ли...

На прощание Азамат даёт мне совет:

– Ты после Оренбурга и Уфы когда поедешь, в сам Челябинск не заезжай – выходи возле Чебаркуля. Справа будет заправка, слева – стоянка фур. И смотри номера регионов: на Ускоман казахи обычно идут, на Новосиб – российские.

Он очень волнуется за меня, но я проехала уже больше половины пути, и при мыслях о возвращении внутри сворачивается какой-то плотный тоскливый комок, – нет, только не назад, не обратно.

– И ещё! – добавляет Азамат. – Если палатку будешь здесь ставить, не ленись, набери козых какашек...

Смотрю на него: шутит? Вроде нет.

– ...разомни их в руках, – продолжает Азамат серьёзным голосом, – и вокруг палатки выложи кругом.

О, это, должно быть, какой-то ритуал...

– Эм... – вытягиваю шею и абстрактно машу в воздухе руками, требуя объяснений.

– ... чтобы всякая нечисть навроде скорпионов, пауков и змей не заползла внутрь, – поясняет он.

Решаю, что в Казахстане я ставить палатку не буду вовсе: не медведи, так змеи! Мило: даже не знаю, кого бояться больше.

– Ещё бечёвку из конского волоса змеи боятся – если положить её у входа, то никакая змея не проползёт, – в завершение говорит Азамат.

Расставаться с дальнобоями, которые везли тысячу километров, всегда тяжело: они становятся как братья.

Глава 15

Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

...И вот я опять на обочине, и сегодня – середина августа. Солнце высоко, вода есть, картонка с собой, – можно немного прийти в себя, прежде чем ехать дальше. Оттаскиваю рюкзак подальше от дороги, сажусь сверху и знакомлюсь с Казахстаном ближе, изучая растения. Большинство из них мне незнакомы. Сухие округлые кусты перекасти-поля лежат в канаве, запутавшись в иссыхающей траве.

Тихо. Меня качает вверх-вниз. Качка продолжается, несмотря на то, что я сейчас не в машине, а на земле, – синдром моряков и дальнобоев.

Наконец, встаю, подтаскиваю рюкзак к обочине и вижу фуру – она едет ко мне.

Поднимаю руку, улыбаясь.

...Миша – так зовут водителя – грузный и большой: живот подпирает баранку. Он весело говорит про себя:

– Я – Мать Тереза!

Делаю удивлённое лицо, потому как его внешний вид никак не вяжется с названным именем. Миша поясняет:

– Только с рейса вернулся, думал: посплю. Звонит начальник: выручай, мол. Фуру, гружёную трубами, перекособочило, и надо с неё три-четыре трубы снять.

История стара, как дальнобойный мир, и называется «перегруз». Дабы сэкономить на перевозках и количестве рейсов, в машину грузится вес больший, чем возможно. На ту фуру нагрузили девять труб, ну её и перекосило – встала.

Миша много курит – дымит, как табачная фабрика – кабина не успевает проветриться.

– Ты окно открой, если что, – говорит предупредительно он, выбросив окурочку в открытое окно и тут же закуривая снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.